

**МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
ТУРКМЕНИСТАНА**

АШХАБАД 1971

ТУРКМЕНИСТАН ССР ҒЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ
Ш. БАТЫРОВ АДЫНДАКЫ ТАРЫХ ИНСТИТУТЫ

НЕОЛИТ ДӨВРҮНИҢ ОТУРЫМЛЫ ЕРЛЕРИ ВЕ ОРТА АСЫР ШӘХЕРЛЕРИ

Жогапкәр редактор — тарых ылымларының докторы.
В. М. МАССОН

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ
АШГАБАТ 1971

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМЕНИ Ш. БАТЫРОВА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА

Ответственный редактор — доктор исторических наук
В. М. МАССОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»
АШХАБАД 1971

Сборник посвящен памятникам эпохи неолита и средневековья. Он открывается обзорной статьей О. К. Бердыева об итогах работы сектора археологии за 1959—1966 гг.

Эпохе неолита посвящены статьи О. К. Бердыева, Г. Ф. Коробковой и Г. Е. Маркова. Авторы на основании археологического материала дают первую обобщенную историко-археологическую характеристику всего материала с Чопан-депе, Оюклы и др.

Периоду раннего средневековья посвящена статья А. Губаева. Автор публикует совершенно новые материалы, добытые им самим при раскопках поселения Ак-депе у Артыка.

В обширной статье Е. Атагарыева подводятся итоги археологического изучения средневекового города Шехр-Ислам. Автор дает археологическую классификацию нового материала, рассматривая его на общем фоне синхронных поселений Туркменистана.

В статье Т. Ходжаниязова дается тщательный анализ клада монет из Тахта-Базара и его историческая интерпретация.

Сборник рассчитан на специалистов-историков, преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных факультетов, а также всех интересующихся историей материальной культуры Туркменистана.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая книга является третьим сборником, подготовленным к печати сектором археологии Института истории имени Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР¹, проводящим наряду с Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией² изучение богатейших памятников Туркменистана. В 1959—1966 годах сектор археологии, возглавлявшийся первоначально Д. Дурдыевым, а затем О. К. Бердыевым, проделал значительную работу по изучению памятников главным образом первобытной и средневековой эпох. Неолитические поселки и средневековые города во всем многообразном проявлении их хозяйственного и культурного бытия вырисовываются в результате производимых исследований достаточно ярко и определенно. Публикации соответствующих материалов и начальным этапам их исторической интерпретации посвящена настоящая книга.

В пустынных областях восточного Прикаспия разбросаны многочисленные остатки разветвленных стоянок поры неолита и более поздних периодов. Их описанию посвящена статья Г. Е. Маркова, в течение ряда лет проводившего исследования в этих труднодоступных районах. Полученные данные, вместе с итогом работ в Прикаспии А. П. Окладникова, приподнимают завесу над прошлым этой части Туркменистана. Вполне вероятно, что племена Прикаспия эпохи мезолита и неолита сыграли важную роль в освоении других областей Средней Азии и как-то повлияли на формирование в Южном Туркменистане в VI тыс. до н. э. древнейшей земледельческой культуры СССР, известной под именем джейтунской.

¹ Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад, т. II, 1956, г. V, 1959.

² Труды ЮТАКЭ, т. I—XIII. Ашхабад, 1942—1966.

Изучение джейтунской культуры имеет важное методологическое значение для исследования одного из коренных переломов в истории человечества—сложения производящего хозяйства. Переход от охоты, собирательства и рыболовства к земледелию и скотоводству имеет все черты ярко выраженного качественного скачка и не без оснований именуется рядом историков неолитической революцией. В настоящем издании О. К. Бердыевым и Г. Ф. Коробковой рассматриваются материалы одного из памятников джейтунской культуры — Чопандепе. Исследование орудий труда по методу, разработанному советским археологом С. А. Семеновым, позволяет с большой точностью и обстоятельностью охарактеризовать состояние производительных сил в этот интереснейший период.

И вот перед нами уже другая эпоха, совершенно другой мир, в котором мало что напоминает примитивную культуру обитателей первых оседлоземледельческих поселений. Период средневековья, особенно в домонгольское время, был не последним крупным взлетом среднеазиатской культуры досоветского времени. Формирование новых отношений приходится, по мнению большинства исследователей, на V—VII вв. н. э., когда многочисленные замки землевладельческой аристократии теснились на среднеазиатской земле. Один из таких замков раскапывался А. Губаевым и дал интересный материал для характеристики культуры и хозяйства Южного Туркменистана в пору его вхождения в состав сасанидской державы. Один из крупных средневековых городов Южного Туркменистана, развалины которого ныне известны под благочестивым именем Шехр-Ислам, в течение ряда лет изучался Е. Атагарыевым. На примере Шехр-Ислама ярко видны губительные последствия на местную культуру монгольского нашествия, стойкость местных традиций городской жизни, возродившихся после опустошительного погрома. Большое значение для изучения внутренней структуры и экономики средневековых политических образований имеет изучение денежного обращения. В небольшой заметке Т. Ходжаниязов показывает, как много может дать рассмотрение монет для анализа напряженной политической борьбы, терзавшей среднеазиатское междуречье в эпоху великих сельджуков. Таким образом, настоящее издание позволяет сделать известный шаг вперед в познании двух важных эпох в истории Туркменской ССР и сопредельных стран.

О. БЕРДЫЕВ

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
РАБОТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ имени Ш. БАТЫРОВА
АН ТССР (1959—1966 гг.)**

Туркменистан является поистине «заповедником» археологических и архитектурных памятников. Благодаря успешной деятельности Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции, Хорезмской экспедиции, а также сектора археологии Института истории имени Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР, прочитаны многие до сих пор неизвестные страницы далекого прошлого народов Туркменистана.

В 1950—1965 годах полевые работы сектора археологии велись по трем основным темам: «История земледелия и аграрных отношений с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», «История культуры Туркменистана и туркменского народа с древнейших времен до наших дней» и «Кочевые племена Западного Туркменистана».

Работы по двум первым темам находятся в тесной взаимосвязи и поэтому характеризуются без дробного подразделения в хронологической последовательности изучавшихся памятников. Наиболее ранние из них относятся еще к поре неолита.

В результате работы сектора археологии за 1959—1966 годы удалось уточнить ареал распространения неолитической джейтунской культуры. Если первоначально он, по мнению исследователей, охватывал лишь юго-западную часть подгорной полосы Копетдага, то работами последних лет удалось установить, что памятники джейтунской культуры были распространены и в ее юго-восточных районах¹.

¹ О. Бердыев. Южная Туркмения в эпоху неолита. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ашхабад, 1965.

В 1958 году С. А. Ершов, а в 1959 году А. А. Марущенко продолжали вскрытие верхнего слоя такого поселения джейтунской культуры, как Чопан-депе².

С целью уточнения стратиграфии доанауских памятников в 1960 году на поселении Бами³, а в 1961 году у южного подножия холма Тоголок-депе⁴ были заложены стратиграфические шурфы. В первом выделены 6 строительных горизонтов, а во втором — 4. Материалы из шурфа Бами полностью соответствуют средней и поздней фазе⁵, а Тоголок-депе ранней и средней фазе⁶ развития неолитической джейтунской культуры. Вместе с тем следует отметить большое своеобразие в орнаментации керамики этих поселений, видимо, имеющих как хронологический, так и локальный характер. Начавшиеся в конце 50-х годов специальные работы по изучению раннеземледельческих поселений Чагыллы-депе, Монжуклы-депе и Чакмаклы-депе явились новым этапом в деле изучения первобытных памятников Туркменистана. Полученные здесь материалы позволяют пересмотреть прежнюю точку зрения о позднем появлении земледельческих племен на юго-востоке предгорий Копетдага, о заселении района Меана-Чаача Каахкинского района только в пору Намазга I.

Исключительно яркий и целостный материал эпохи позднего неолита дали раскопки поселения Чагыллы-депе⁷. Здесь получен комплекс керамики, каменных и костяных орудий, разнообразных украшений и глиняной пластики, который может быть отнесен к средней и поздней фазе джейтунской культуры. Раскоп площадью более 1000 м² выявил жилую планировку второго и третьего строительных горизонтов. Из отдельных

² См. ниже статьи О. Бердыева «Чопан-депе — памятник неолитической джейтунской культуры» и Г. Ф. Коробковой «Орудия труда: Чопан-депе».

³ Отряд работал с 22/II по 28/II-1960 года под руководством А. А. Марущенко. В его состав входили археологи А. Ф. Гаяллин, О. Бердыев, шофер и 6 рабочих.

⁴ Раскопки производились силами сотрудников сектора.

⁵ О. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1965, № 4.

⁶ О. Бердыев. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, № 3.

⁷ О. Бердыев. Чагыллы-депе. ИАН ТССР, 1964, № 1; его же. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-депе (в соавторстве с Г. Ф. Коробковой). ИАН ТССР, 1964, № 6; его же. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Сборник «Материальная культура Средней Азии и Казахстана». М., 1966; его же. Орудия труда из Чагыллы-депе (в соавторстве с Г. Ф. Коробковой). ИАН ТССР, серия общественных наук. 1969, № 2; его же. Архив земли раскрывает тайны. «Памятники Туркменистана». Ашхабад, 1966, № 1; его же. Находки рассказывают. «Пионер». Ашхабад, 1965, № 11.

жилых домов с хозяйственными строениями состоял весь поселок Чагыллы-депе так же, как и Джейтун, дающий пример подобной «стандартной» планировки.

Вторым памятником, на котором вскрыт слой поздней фазы джейтунской культуры этого района, является поселение Монжуклы-депе, в центре которого в 1959 году заложен стратиграфический шурф, прорезавший толщу культурных напластований мощностью в 7 м⁸. На глубине около 4 м встречены фрагменты керамики от корчаг и чаш, характерных форм джейтунской культуры, а выше до дневной поверхности встречено значительное количество фрагментов типа Анау I-A.

Материалы Анау I-A встречены также в Чакмаклы-депе, расположенном севернее от села Чаача Каахкинского района, в нижних слоях Каушутского поселения, находящегося рядом с одноименной станцией Ашхабадской железной дороги. Кроме отмеченных поселений, на такыре в 200 м западнее от Монжуклы-депе встречены скопления фрагментов керамики и кремневые изделия времени Анау I-A, развезенные по значительной площади и отчетливо видимые на серой такырной корке. По всей вероятности, это—остатки отдельных домов, которые существовали недолго и в связи с этим не послужили основой для искусственного холма-депе. Обнаружение этих памятников позволило также отодвинуть границу распространения памятников времени Анау I-A на юго-восток до селения Меана Чаача.

С целью выяснения планировки времени Анау I-A в 1960 году на Монжуклы-депе, а в 1965—1966 годах на Чакмаклы-депе⁹ были вскрыты большие площади верхнего строительного горизонта. Стены домов возводились из прямоугольных сырцовых кирпичей, ставших известными еще на поздней фазе джейтунской культуры.

Следует отметить, что, как и в предшествующее время, сохраняется традиция окраски полов и стен отдельных домов в черный или красный цвет. Жилые помещения — квадратные или прямоугольные — имеют очаги. Наличие смежных комнат в этих поселениях указывает на дальнейшее развитие домостроительства. Все поселение состоит из отдельных групп помещений. Поскольку ни одна такая группа комнат полно-

⁸ Раскопками руководил А. А. Марущенко. Материалы не опубликованы и хранятся в секторе археологии.

⁹ О. Бердыев. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау I-A. (Тезисы доклада). Материалы пленума Института археологии АН СССР, 1966; его же. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау I-A. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии и Казахстана». М., 1968.

стью не раскопана, трудно судить об общем количестве помещений и их конкретном назначении. Среди находок из этих памятников особо следует отметить фрагменты медных поделок и пряслица конусовидной формы. Находки этих предметов имеют принципиально важное значение, так как появление металла и ткачества раньше до раскопок Монжуклы-депе относили к более позднему времени (Намазга I). Уникальна также каменная мотыга из верхнего слоя Чакмаклы-депе. До сих пор многие ученые считали, что древние земледельцы подгорной равнины Южного Туркменистана обрабатывали землю только при помощи палок-копалок, а находка этой мотыги заставляет пересмотреть эту точку зрения.

Керамика типа Анау I-A генетически не связана с керамикой предыдущей джейтунской, отличается лучшим качеством.

За 1956—1966 годы исследовано около десяти раннеэолитических поселений времени Анау I-B (Намазга I). Памятники этого периода расположены как на подгорной равнине (Йылгынлы-депе, Алтын-депе, Намазга-депе, Анау, Гавыч-депе, Сунча-депе, Беурма), так и в горных ущельях (Кашли-баты, Чингиз-депе, Карантка-токай) и в окрестности песков (Дашлыджи-депе). Самым юго-восточным среди памятников времени Намазга I является поселение на 102 км автодороги Теджен—Серахс¹⁰. Здесь был произведен разрез склона береговой террасы (руководитель раскопок А. А. Марущенко), на которой располагалось селище и заложены раскопы. Возраст древнейших слоев относится к позднему этапу периода Анау I-B. Облик материальной культуры аналогичен тому, что известен для этой поры с Йылгынлы-депе у села Чаача, Яссы-депе у Душака и поселений в районе Геоксюра.

На поселении Йылгынлы-депе в 1959 году продолжались раскопки 1957 года. На склоне холма заложен шурф, который прорезал 13 строительных горизонтов: 8 нижних относятся ко времени Анау I-B, а 5 верхних — ко времени Анау II. Аналогичный археологический комплекс был получен на Алтын-депе, где в 1959—1962 гг. проводились раскопки отрядом сектора археологии под руководством А. А. Марущенко и А. Ф. Ганялиным¹¹. На основе изучения добытого археологического материала можно говорить об изначальном существовании в районе Геоксюра, Душака, Меана-Чаача и Серахса древне-

¹⁰ Селище открыто в 1946 году А. А. Марущенко; там кроме Анау I-B имеются слои времени Анау II и III. Материалы не опубликованы.

¹¹ А. Ф. Ганялин. Холм Йылгынлы-депе. ТИНАЭ АН ТССР, т. V. Ашхабад, 1959, стр. 15.

земледельческой культуры, близкой к ахалской, но имеющей локальные особенности.

В 1958 году А. А. Марущенко были заложены стратиграфические раскопы таких памятников времени Намазга I, как Дашлы-депе у села Изгант, Гавыч-депе у села Хурман-Кала Геоктепинского района, Сунча-депе у одноименного селения Бахарденского района¹².

Четкая стратиграфия Дашлы-депе позволила установить специфические черты керамики, характерной для ранней и поздней поры времени Анау I-Б. Керамика ранней поры Анау I-Б характеризуется росписью в виде силуэтных треугольников, для керамики поздней поры этого периода характерной является ленточная роспись. Слой времени Анау I-Б в Дашлы-депе перекрыт слоями времени Анау II и IV. Раскопки Гавыч-депе выявили своеобразную кольцевидную планировку времени Анау I-Б, давшие представление об облике местных древнеземледельческих поселений. Верхние слои холма относятся ко времени Анау II. Раскопками в Сунча-депе установлено, что здесь над слоями I-Б расположены слои времени Анау III.

Стратиграфический шурф размером 4×2 был заложен А. А. Марущенко немного позднее на вершине Чингиз-депе, находящейся близ села Парау. Культурный слой мощностью в 6 м состоял из 12 строительных горизонтов. Три нижних комплекса относятся к переходному периоду от Анау I-Б к Анау II. В этих слоях впервые встречаются кости лошадей, которые затем продолжают встречаться во всех поздних слоях. Выше идет стерильная прослойка, образовавшаяся в результате перерыва в жизни поселения.

В конце существования культуры Анау II это место было освоено новыми поселенцами, оставившими 8 строительных горизонтов, последовательно сменявших друг друга. В конце III тыс. до н. э. жизнь на месте холма вновь прекратилась и лишь в конце II тыс. до н. э. возродилась в последний раз.

Раскопками, проведенными О. Бердыевым в 1960 году на холме Эрк-кала у села Беурма (1960 г.), Кашли-баги у Дешта (1963 г.), Каранткы-токай у села Караул Бахарденского района (1963 г.) установлено, что на местах этих более поздних селений в пору Намазга I (II) находились небольшие поселения, просуществовавшие сравнительно недолго. Таковы достаточно разнообразные материалы, характеризующие культуру Туркменистана в эпоху энеолита. Был также исследован ряд памятников, относящихся ко времени бронзового века.

¹² Материалы не опубликованы и хранятся в секторе археологии.

К их числу принадлежит безымянный холм, расположенный северо-восточнее от Бабадурмаза (1958 г., руководитель А. А. Марущенко), где под слоем ахемиридского и античного времен обнаружен слой расписной и черноглиняной керамики акдепинского типа¹³. Интересной является находка части медной печати, близкой печатям Гисара III.

Другим памятником этого времени является безымянный холм севернее Бабадурмаза, где заложенный раскоп выявил стены, сложенные из прямоугольного сырцового кирпича, размером 48×24×49 см. Верхний слой поселения относится к эпохе Намазга V. Незначительность следов ремесленной деятельности обитателей позволяет его считать поселением сельского типа.

Расположение холма вдали от ручьевых и силевых русел заставляет предполагать, что обитатели его пользовались водой, подведенной к селищу каналом, но для окончательного решения этого вопроса необходимы дополнительные исследования.

Большие раскопочные работы в 1958—1959 годах производились А. Ф. Ганялиным на поселении Шор-депе, где отмечены три строительных горизонта общей мощностью в 1,75 м¹⁴. Во всех строительных комплексах обнаружены стены, сложенные из сырцовых кирпичей, размером 48—46×24—23×12—10 см. Для выяснения планировки был вскрыт второй строительный комплекс на площади 900 м² (первый сверху строительный комплекс сильно разрушен), где было расчищено 40 помещений. Можно наметить отдельные группы комнат, связанных между собой проходами или же группирующихся вокруг дворигов, образуя при этом более или менее единый комплекс.

Находки представлены прежде всего тонкостенной керамикой — бокалами, вазами на гофрированных ножках, чайникообразными сосудами.

Встречены также сосуды, выточенные из мраморизованного известняка. Наибольший интерес из находок в Шор-депе представляет бронзовая печать в форме георгиевского креста.

Наиболее значительные по объему работы были проведены на крупном центре эпохи бронзы — Алтын-депе (1959—1962 гг.)¹⁵.

Судя по встреченной во время раскопок керамике, первоначальное поселение на месте холма возникает в пору Анау I-Б.

¹³ Материалы не опубликованы и хранятся в секторе археологии.

¹⁴ Материалы не опубликованы и хранятся в секторе археологии.

¹⁵ А. Ф. Г а н я л и н. Алтын-депе. СА, 1967.

(Намазга I). В конце времени Намазга II поселение занимает уже почти всю территорию холма. В пору Намазга IV часть его окружается стеной. Исключительную научную значимость представляют отдельные находки. Особо интересно отметить обнаружение двух «кладов». В них имеются металлические изделия и керамика из района Горганы — Дамгана, поделки из передне-азиатского фаянса и индийской слоновой кости.

Разнообразные печати свидетельствуют о наличии собственности. В пору Намазга VI Алтын-депе неожиданно оставляется населением.

На поселении Сунча-депе в слое эпохи бронзы были встречены погребения с богатым инвентарем времени Намазга VI. Во всех погребениях покойники лежали скорченно, в положении на левом боку, головой на запад. По-видимому, Сунча-депе является крайним пунктом в области распространения культуры Теккема в Ахалс. Далее на северо-запад начинается территория синхронной, но уже иной культуры — Мадау, или культуры архаического Дахистона. Материалы мадауского типа встречены в нижних слоях Монжуклы-депе, Кемерли-депе, у Карры-кала и в верхнем слое Кызыл-Арватского селища.

В отличие от памятников эпохи первобытного строя памятники ахеменидского и античного времени сектором изучены сравнительно слабо.

Как уже отмечено, на безымянном холме, находящемся северо-восточнее от Бабадурмаза под слоем античного периода, обнаружен мощный, достигающий 2,5 м, слой позднеахеменидского времени, образованный развалинами монументального здания, построенного из прямоугольного сырцового кирпича, размерами $56 \times 28 \times 11$ см и $69 \times 34 \times 11$ см¹⁶. Раскопками вскрыты часть двух обширных помещений и отрезок проходящего западнее их коридора. Большее из помещений имеет размер 10×5 м, а ширина коридора достигает до 3 м. Керамика этого слоя перекликается с керамикой из позднеахеменидских слоев Елькен-депе.

На этом же поселении кроющий античный слой имел толщину 80 см. Встречены стены, построенные из квадратного сырцового кирпича, размером $42 \times 42 \times 12$ см. Найденная в нем керамика перекликается с керамикой из Старой Нисы.

В 1960—1962 годах Д. Дурдыевым раскапывался интересный памятник парфянского времени, расположенный в 20 км вдоль автодороги Ашхабад—Безмеин. Здесь превосходно сохранились строения со стенами многометровой высоты. Цент-

¹⁶ Раскопки А. А. Марущенко. Отчет хранится в секторе археологии.

ральные помещения со всех сторон были окружены узкими и длинными коридорами. Стены более двухметровой толщины были сложены из пахсы. При расчистке помещений и коридора были найдены в небольшом количестве керамика парфянского времени и алебастровые шарики с оттисками монет.

Долгое время сектор не уделял достаточного внимания изучению средневековых памятников и в 1959—1966 годах принял меры к исправлению этого положения.

Так, из числа памятников раннесредневекового (сасанидского) периода в 1964—1965 годах велись раскопки на замке Ак-депе (руководитель А. Губаев), расположенном к западу от железнодорожной станции Артык¹⁷. Он был выбран в качестве объекта раскопок потому, что не был перекрыт более поздними слоями. Раскопки этого замка дали замечательные находки (буллы монеты, керамика и др.), дающие возможность датировать поселение временем возникновения феодальных отношений в Южном Туркменистане.

Раскопки средневекового города Шехр-Ислам, находящегося в 20 км севернее райцентра Бахарден, начатые Е. Атакаррыевым в 1960 году, продолжались в последующие годы. Раскопками этого средневекового города выявлен ряд элементов его планировки, намечены этапы его истории и добыт обширный археологический материал, характеризующий городскую жизнь средневекового Туркменистана¹⁸.

Были возобновлены раскопки Старого Серахса, находящегося в 2 км восточнее от одноименного поселка. Раскопки там

¹⁷ А. Губаев. Вал Мерз. К вопросу о северной границе Сасанидского государства. ИАН ТССР, 1965, № 2; его же. Замок Ак-депе и его раскопки (в данном сборнике); его же. Сасанидские геммы. Памятники Туркменистана, 1967, № 1; его же. Сасанидские буллы из замка Ак-депе (в соавторстве с В. Г. Луконицким). «Эпиграфика Востока» (в печати).

¹⁸ Е. Атакаррыев. О некоторых средневековых женских украшениях из Шехр-Ислама. ИАН ТССР, 1965, № 1; его же. Печати из Шехр-Ислама. ИАН ТССР, 1965, № 2; его же. Археологическое изучение средневекового города Шехр-Ислама (Тезисы доклада). Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965; его же. К вопросу о водоснабжении средневекового города Шехр-Ислама и орошении его окрестностей (в соавторстве с К. Нурбердыевым). ИАН ТССР, 1966, № 2; его же. Стекло с городища Шехр-Ислама (тезисы доклада). Материалы пленума Института археологии АН ТССР. М., 1966; его же. Новые данные по истории Шехр-Ислама. ИАН ТССР, 1966, № 3; его же. Искусство Туркменистана в античности и средневековье. Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1966, № 2; его же. Тайны Шехр-Ислама. Научно-популярная брошюра. Изд-во «Туркменистан», 1968; его же. Торговые связи Шехр-Ислама. ИАН ТССР (в печати); его же. Кашинная керамика Шехр-Ислама. СА (в печати); его же. Средневековое городище Шехр-Ислам (результаты раскопок 1961—1964 гг.). В данном сборнике.

были начаты в 1953 году А. А. Марущенко и продолжены О. Оразовым в 1965—1966 годах. В этот, второй, сезон работ в раскопе № 1, который представляет собой разрез цитадели-городища, были обнаружены стены трех строительных периодов, построенные из пахсы толщиной от 2 до 8 м. В самом верхнем комплексе пахсовая стена с внешней стороны имеет рубашку двухметровой толщины из жженого кирпича. Раскоп № 2 заложен на месте предполагаемых южных ворот шахристана. Вскрытием установлено, что здесь некогда действительно были ворота, флангируемые с двух сторон башнями.

За 1959—1966 годы с целью выявления новых памятников материальной культуры сектор археологии организовал многочисленные маршрутные обследования различных районов Туркменистана.

Специальный отряд сектора археологии осенью 1959 года провел рекогносцировочные археологические исследования по трассе I и II очереди Каракумского канала (от Керки до Теджена). Отрядом пройдено более 2500 км и обследовано большое количество археологических памятников различных эпох. В результате были открыты стоянки каменного века (неолит) в районах Гечили-как (низовьях реки Теджен), Сахат-Есир (низовьях реки Мургаб), Донгуз-Сырт (западнее Керки). По караванной дороге из Амулья на Мерв экспедицией обследованы две работы с керамикой парфянского и сасанидского времен, что доказывает о функционировании этой дороги еще в глубокой древности.

Осенью 1961 года была организована экспедиция под руководством К. Адыкова по изучению памятников материальной культуры долины реки Мургаб, находящихся на средневековой торгово-почтовой магистрали Мерв-Мерверуд. Исследование позволило открыть трассу средневекового караванного пути со всеми его крупными остановками — станциями, отождествить из них ранее не опознанные, а также внести коррективы в имевшиеся до них данные¹⁹.

Год спустя, летом 1962 года, отряд, руководимый К. Адыковым, продолжал обследование Мургабского оазиса. В процессе работы экспедиции в указанных районах было обнаружено и обследовано 25 памятников, из которых большинство расположено на левобережье реки Мургаб. Анализ добытых материалов по изучению памятников Мервского оазиса показал, что почти все средневековые поселения, как правило, ле-

¹⁹ К. Адыков. Торгово-почтовая дорога из Мерва на Мерверуд (к истории изучения средневековых торговых путей Туркменистана). ИАН ТССР, 1962, № 3.

жали вдоль русел магистральных арыков и каналов и что большинство из них начало складываться где-то в поздне-парфянское и сасанидское время, доживая до XIII в. Это подтвердил не только сбор подъемного археологического материала, но и небольшой стратиграфический разрез на одном из всхолмлений селения Джирендж.

Весной 1963 года по инициативе Министерства культуры Туркменской ССР в зоне Тюя-Муюнского водохранилища сектор археологии организовал археологическое изучение левого бережья Амударьи с охватом большой площади бассейна будущего гидро-ирригационного сооружения²⁰. Всего было обследовано 24 памятника, из которых на двух были осуществлены разведочные раскопки. С целью изучения фортификации укрепленного караван-сарая была вскрыта часть угла южной стены Ак-рабата и Джигирбенда.

Перечисленные раскопки и разведочные маршруты доставляли обширный материал по теме «История культуры Туркменистана», хотя полнота его нарушается хронологическими лакунами. Так, вещевые комплексы парфянского времени, особенно для рядовых поселений, по-прежнему остаются незначительными. Были получены новые данные и по истории земледелия, особенно для его наиболее ранних этапов. Находки зерен пшеницы и ячменя на памятниках джейтунской культуры: Бами, Чагыллы-депе²¹, и специальное изучение орудий труда этого времени пролили новый свет на процесс становления и эволюции, производящей экономики на юге Туркменистана.

Тема «Кочевые племена Западного Туркменистана» разрабатывалась в широкой исторической перспективе, начиная с первобытной эпохи. В соответствии с такой установкой, Г. Е. Марковым в 1958—1960 годах были произведены разведки и раскопки памятников каменного века в Прибалханье²² и на границах Чильмамедкумов. В 1961 году им у колодца Удек встречены курганы с каменными ящиками и кольцевидными выкладками из камня. Во вскрытых 2 ящиках, наряду с фрагментами керамики, найден каменный выпрямитель для стрел. Последний датирует раскопанное погребение времени конца III начала II тыс. до н. э., свидетельствуя, возможно, о про-

²⁰ В состав отряда входили Д. Дурдыев (руководитель), археологи К. Адыков, Т. Ходжаниязов и рабочие-землекопы.

²¹ Обугленные остатки зерен определены сотрудником Всесоюзного института растениеводства М. М. Якупиным.

²² Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюкль. ВМУ, серия 9. История, 1961, № 3; его же. Каменный век Прибалханья (в данном сборнике).

никновении в Закаспии с северо-запада скотоводческих «катакомбных племен». В 1962 году Г. Е. Марковым было предпринято детальное обследование правого берега Узоя, от Актама на юге, до колодцев Джойрук и Каланкуи на севере. Как на левом, так и на правом берегах Узоя в районе Ясха было обнаружено и обследовано значительное количество первобытных стоянок, причем некоторые из них содержали керамику, аналогичную северо-балханской.

В 1963—1964 годах отряд, руководимый Г. Е. Марковым, производил раскопки на гроте Дам-Дам чешме 2, где встречены четко стратифицированные слои, относящиеся к мезолиту, неолиту и бронзе²³.

Было обращено внимание и на памятники последующих эпох. Так, в 1961 году Копет-Даго-Бадхызский отряд, руководимый А. М. Мандельштамом, произвел обследование территории Чаршангинского района, расположенного на правом берегу Аму-Дарьи. На исследуемой территории, кроме оседлых памятников, обнаружены памятники кочевых племен, проникших сюда в античную эпоху²⁴.

В том же году этим отрядом выявлены и изучены памятники кочевого населения в предгорьях Копет-Дага и лежащих южнее его горных районов. Каменные курганы отмечены в 300 м восточнее Арчмана, на восточной окраине селения Бендесен, в окрестностях селения Чукур. Два небольших памятника находятся восточнее селения Чукур. Первый из них Мешрепи-Тахтинский могильник подвергнут специальному исследованию²⁵. Здесь из 12 курганов раскопано 10. Из оставшихся двух один носит явные следы разграбления, а второй снабжен кайраком, свидетельствующим о наличии здесь мусульманского погребения. Все остальные курганы Мешрепи-Тахтинского могильника характеризуются рядом общих черт, наиболее отчетливо выступающих в конструкции могильного сооружения. Во всех случаях под насыпью обнаружена яма с катакомбой, расположенной южнее ее, при этом длинные оси ямы и катакомбы всегда совпадают. Катакомба, видимо, предназначена была для коллективных, вероятно, семейных погребений. Найденные наконечники стрел с перьями с прямым нижним срезом и кинжалы с прямым перекрестием дают воз-

²³ Г. Е. Марков, Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2; его же. Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане — Грота Дам-Дам чешме 2. ИАН ТССР, 1966, № 4.

²⁴ А. М. Мандельштам. Археологическая разведка в Чаршангинском районе. ИАН ТССР, 1967, № 1.

²⁵ Его же. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. ИАН ТССР, 1963, № 2.

возможность датировать могильник в пределах III—I вв. до н. э.

Вторым объектом раскопок в 1961 году был Пархайский могильник, состоящий из 9 курганов катакомбного типа, расположенных в долине реки Сумбар западнее Кара-Кала. Из них курган № 8 был раскопан в 1959 г. А. А. Марущенко, а два (№ 6 и 7) были полностью раскопаны А. М. Мандельштамом. Найдены глиняные и алебастровые сосуды, бронзовые серьги, стеклянные бусы дисковидной формы, бронзовое зеркало с небольшим черенком для насадки ручки, железное шило, глиняные курильницы с боковыми круглыми отверстиями: одна усеченно-конической, вторая — четырехгранно-кубической формы и другие вещи. Отмеченные находки дают основание датировать Пархайский могильник в пределах I—III вв. н. э.²⁶

Работы Копет-Даго-Бадхызского отряда в 1962 году проводились в двух различных областях: в Бадхызе и северо-западных районах; на Балханах и севернее их носили разведывательный характер, с производством небольших по масштабам раскопок. Исследования показали, что наиболее интенсивный период освоения Бадхыза падает на развитое средневековье, в частности, на сельджукидский период. В северо-западных районах Туркменистана произведены раскопки курганов на Каршылык-кыре (около Геок-Тепе) и на Патма-сай (северные склоны Балхан). В первом исследованы два сложных погребальных сооружения. Оба оказались ограбленными, найдены лишь две прямоугольные курильницы. На Патма-сае из четырех курганов два являются курганами эпохи бронзы, а в остальных двух курганах имеются «впускные» погребения в камерах прямоугольной формы. «Впускные» погребения Патма-сае и сооружения Каршылык-кыра, судя по остаткам сопровождающего инвентаря, относятся к античному времени.

Весной 1963 года закаспийским отрядом, руководимым А. М. Мандельштамом, велись работы на могильниках Джанак I и II (вблизи восточного побережья Кара-Богаз-Гола, в 100 км севернее Чагыла), могильнике около Чагыла, могильниках на Каршылык-кыре и Кызыл-кыре (между Кызыл-кая и Геок-депе), группе курганов по Патма-саю и могильниках Караджа-даг и Алтын-акар (северо-восточная оконечность Балхан). В результате этих работ удалось выделить группу своеобразных могильных сооружений с камерой, являющихся характерными для античного времени, на территории от Боль-

²⁶ А. М. Мандельштам. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. ИАН ТССР, 1963, № 2.

ших Балхан до северной границы Туркменистана. Основное направление работ Закаспийского отряда в 1964 году — продолжение планомерных поисков новых памятников. Раскопки производились в небольших масштабах на следующих местностях: на плато Геок-даг, расположенном восточнее Кошобы, около колодцев Удек, вблизи Казанджика и в районе Парау. Наиболее важным результатом работ того же отряда в 1964 году следует считать обнаружение около Парау погребений, видимо, относящихся к позднему периоду эпохи бронзы и рассматривающихся как принадлежащие скотоводам, родственным по своей культуре «срубным» племенам севера.

Новым интересным фактом является наличие в районе Казанджика небольших наземных погребальных сооружений различных форм, возможно, относящихся к античной эпохе. Специального внимания заслуживает курган № 3 в могильнике Газыглы-кум. Подъемный материал с него проливает некоторый свет на кольца из камней, встречающиеся во многих местах, вплоть до Мангышлака на севере. Вполне возможно, что мы имеем здесь погребение средневекового периода. В пользу этого говорит отсутствие сопровождающего инвентаря — факт не характерный для античности и эпохи бронзы.

Памятники поздних скотоводов изучались С. П. Поляковым, которым были проведены большие маршрутные обследования и вскрыты сотни захоронений. В 1960 году большой материал получен при раскопках могильников у колодцев Кукурт и Удек. Кроме них, раскопки велись у колодцев Кошоба, на перевале через горы Эрсары-баба, на могильниках Акмолла Парау и на могильнике, расположенном в 40 км от перевала Эрсары-баба. Обследованы с регистрацией всех захоронений и составлением планов кладбища у колодцев Сульмен Суйли, около аула Кодж, колодцев Гезли-Ата, Дана-Ата, Кара-Ишен-Ата и около поселка Кяриз.

В 1962 году С. П. Поляковым велись раскопки на трех кладбищах Удек I, II, III), относящихся к XIII—XVII вв. По типам надгробных сооружений наиболее ранним следует считать кладбища, условно названные Удек I и II. На них преобладают погребения с намогильными сооружениями («каменный ящик»). Кладбище Удек III по времени несколько позднее вышеописанных. Преобладают надгробные сооружения-пирамидки на высоких выкладках. Есть пирамидки и без выкладок. Кладбище замечательно еще и тем, что на пирамидках и выкладках сделано много рисунков: сцены охоты, изображения вооруженных людей, человеческие фигуры и т. д. Кладбища у колодца Геок-депе и у колодца Кемал-ата на северных

границах Чильмамедкумов также имеются средневековые погребения. Если в предыдущих кладбищах надгробные сооружения (пирамиды) были высечены из целого куска камня, то на кладбище Геок-депе они сложены из двух или трех кусков плитки, что объясняется отсутствием поблизости сырьевого материала. Установлены пирамидки из невысоких, до 30 см, выкладок. Выкладки сделаны следующим способом: из кусков плитки сложен каменный ящик — оградка, заполненная землей и мелкими кусками плиты.

С целью обследования территории, заселенной в средние века различными туркменскими группами, в 1962 году С. П. Поляковым продолжен маршрут по Северо-Западной Туркмении и Западному Казахстану. Были изучены районы к востоку от Кара-Богаз-Гола, полуостров Мангышлак, южная, западная и центральная части Усть-урта. Также были обследованы средневековые погребения в Сайванской долине, в долинах Чандыра и Сумбара. За время работы отрядом было обследовано более 30 средневековых туркменских могильников, собран материал более раннего периода (от палеолита до позднего средневековья).

В результате этих работ были получены новые важные материалы по истории скотоводческих племен Западного Туркменистана. Особенно важным является открытие в этом районе скотоводческих памятников эпохи бронзы, видимо, тесно связанных с аналогичными памятниками Северного Прикаспия²⁷.

Начиная с 1966 года сектор археологии приступил к разработке новой темы «Археологическая карта Туркменистана». С целью выявления и фиксации памятников по этой теме в 1966 году О. Оразовым было произведено маршрутное обследование Серахского оазиса. Из обследованных памятников в сасанидский период были основаны Ходжамурад-депе, Конки-депе, Безымянный холм № 1, Яссен-депе, Гуйруклы-депе, Яглы-депе, Ганлы-депе, городища у мавзолея Ярты-Гумбеш, Уч-депе I, Хошлук-депе, Гапбар-депе. На некоторых из них были проведены разведывательные раскопы. Почти все они в плане имеют округленную или прямоугольную форму, ровную поверхность и крутые склоны. Керамика во всех памятниках — неполивная с нарезными узорами. Обследованные памятники Веенгам, Казы-депе, Тиз-баба-депе, Тоголок-депе, Уч-депе II, Уч-депе III, Гасан-Кала, Ханын-депе, Алам-депе были основаны в X—XI веке и некоторые из них просуществовали до

²⁷ А. М. Мандельштам. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. КСИА АН СССР, вып. 108, 1966.

XVIII в. Почти все они окружены оборонительными стенами, углы некоторых из них фланкированы мощными башнями.

По этой же тематике работал организованный в 1966 году Аму-Дарьинский отряд²⁸, который обследовал правый берег Аму-Дарьи по маршруту: Фараб, Наразым, Бурдалык, Бешир, Мекан, Ходжамбас, Киркичи, Бугручи, Мукры, Чаршанга, Кемир, Болдыр, Карлюк, Кугитанг-тау, Гаурдак, Керки, Талимарджан, Ходжамбас. Было обследовано 35 памятников, из которых 8 относятся к античному времени, 9 — к раннему средневековью, 3 — к позднему времени (XIX—XX вв). Из числа обследованных некоторые памятники (пещеры, кладбища) из-за отсутствия подъемных археологических материалов не удалось датировать.

Отсутствие в этом районе находок более раннего времени объясняется тем, что в прибрежной культурной полосе они смыты Аму-Дарьей или погребены под речными или более поздними культурными наслоениями²⁹. Как показало сплошное обследование правого берега Аму-Дарьи, крепости и города располагаются главным образом вдоль многочисленных торговых путей и в местах переправы через Аму-Дарью.

В этом же году отряд, руководимый Х. Юсуповым³⁰, с целью выявления памятников в западных районах Туркменской ССР проделал следующие маршруты: Бами, колодцы Улы-Менен, Казы, Кирпили, урочище Куртыш-Баба, колодцы Балейшен, Гобек, Орта-Кую, развалины Дов-кале, горы Зенги-Баба, колодцы Чарышлы, Карайман, Гезли-Ата, горы Большие Балханы, колодец Гоша-Кую, русло Актам, солончак Келькор, Нижний Узбой, от станции Айдин до колодца Джайрык. Почти на всех колодцах, обследованных первым маршрутом, встречена средневековая поливная и неполивная керамика, изготовленная из красной глины. Кроме средневековых поселений, обнаружены новые, ранее неизвестные стоянки первобытности в зоне Узбоя, и собран большой подъемный материал, который подлежит еще тщательной обработке. Небольшим раскопкам подверглись средневековые крепости верхняя и нижняя Дюнеш-кала, расположенные на северном склоне Большого Балхана.

²⁸ В состав отряда входили Т. Ходжаниязов (руководитель), археологи В. Н. Пилипко и К. Кацирус, сотрудник Института археологии АН СССР.

²⁹ В. Н. Пилипко, Т. Ходжаниязов. Краткий полевой отчет о работе Аму-Дарьинского отряда, стр. 20.

³⁰ Участвовали археологи Б. И. Вайнберг, А. А. Марущенко и 6 рабочих-землекопов.

Еще раньше, в 1965 году, специальный отряд сектора, руководимый А. Губаевым³¹, обследовал памятники сасанидского периода, расположенные в подгорной равнине Копет-Дага, низовьях рек Теджена и Мургаба.

Таковы краткие итоги полевых работ сектора археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР за 1959—1966 годы. Полученные в ходе этих работ материалы были частично опубликованы в периодической печати. Более развернутой публикации ряду из них посвящен настоящий сборник. Все эти новые данные позволяют полнее изучить историю и культуру Туркменистана, правильнее понять исторические судьбы населявших его племен и народов.

O. Berdiyev

**RESULTS OF FIELD WORKS OF THE INSTITUTE OF HISTORY
AFTER SH. BATYROV OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE TURKMEN SSR DURING THE YEARS 1959—1966**

As a result of work of the sector of archaeology for the period under view, the area of spreading the neolithic Djeitun culture was determined. The settlements of that era — Bami, Togalok-depe, Chagylly-depe, and Mondjukly-depe were studied. The same materials as at Anau I-A have been found in Mondjukly-depe, Chapmakly-depe and Kaushut. Ceramics of Anau I-A type are not connected generically with the former — Djeitun ceramics, being of much superior quality. For the same period some ten early neolithic settlements of Anau I-B era have been studied (Namazga I). The monuments of this era distributed as in the valley near the mountains (Iylgynly-depe, Altyn-depe, Namazga-depe, Anau-Gavych-depe, Suncha-depe, Beurme) so in the mountain ravines (Kashli-baghi, Chinghis-depe, Karantka-tokai) as well as in the surrounding sands (Dashlydji-depe).

A number of monuments of bronze epoch were also studied (Altyn-depe, Shor-depe, Suncha-depe, Kizil-Arvat and some others).

In 1960—1962 an old living house 20 km. west from Ashkhabad was dug out. Among the most ancient memorials monuments of early Middle age were dug up in 1364—1965 at the castle Ak-depe near Artyk. Excavations for the Middle age town Shehr-Islam, which began in 1960, are still carried on. Many memorials of nomade tribes were also studied.

To the wide publication of all those studies these collected articles are dedicated.

³¹ Участвовали археологи О. Оразов, Т. Ходжаниязов.

Г. Е. МАРКОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ ПРИБАЛХАНЬЯ

В последние десятилетия археология Прикаспия, в частности Прибалханья, не раз привлекала внимание специалистов¹.

В 1957—1960 гг. каракумским отрядом были произведены разведки и раскопки памятников эпохи камня в Прибалханье и на южных границах Чильмамедкумов (рис. 1). Среди многих других обнаруженных и изученных стоянок особый интерес вызвала стоянка Оюклы в Северном Прибалханье, раскопанная в 1958—1958 гг.² Ниже дается описание археологических разведок и находок, сделанных в 1957—1960 гг. во время маршрутов в Северном, Восточном и Южном Прибалханье.

Северное Прибалханье. Обследование памятников первобытности Северобалханской степи было начато с восточной оконечности пустыни Чильмамедкум, урочище Дюенчи. Небольшие сборы на восточной окраине урочища, на склонах, закрепленных растительностью барханов, дали два обломка лепной керамики и несколько десятков кремней³, из них два орудия — концевые скребки (рис. 2, 1).

Отдельные черепки сосудов и кремни того же типа, что и в Дюенчи, были встречены на краю урочища Хошгельды, около песков.

¹ А. А. Марущенко. У истоков культуры. «Туркменоведение», 1931, № 7.

² В. Бахта, Г. Марков. Археологическая разведка 1957 года в Западной Туркмении. ТИИАЭ, т. 5. Ашхабад, 1959; Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. ВМГУ, 1961, № 3.

³ Здесь, как и на многих других стоянках, условия залегания подъемного материала не дают оснований для объединения керамики и каменных изделий в единый комплекс.

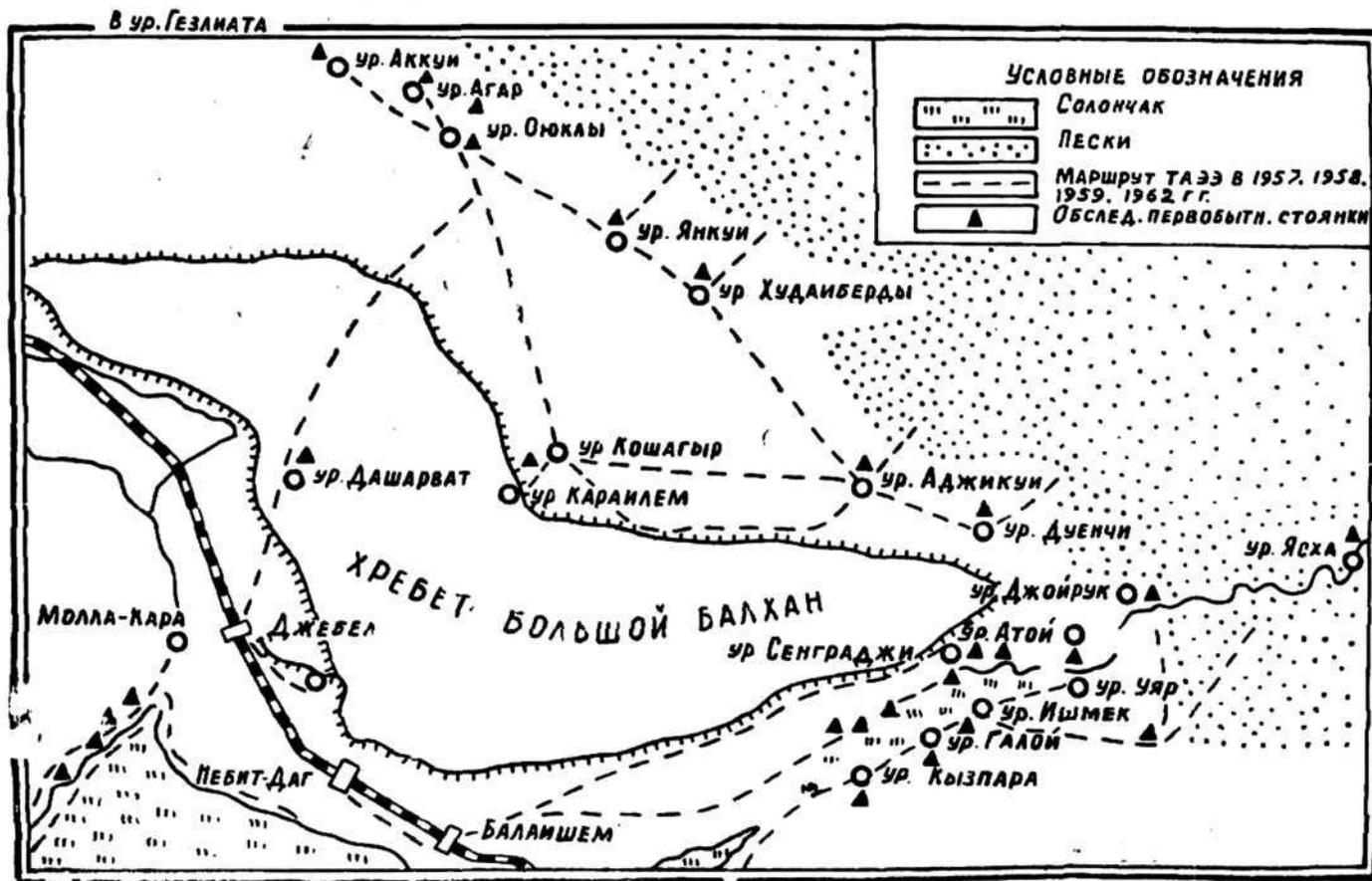

Рис. 1. Схема археологических маршрутов ТАЭЭ в Прибалханье в 1957—1959 и 1962 гг. и обследованные памятники первобытной культуры.

Небольшое скопление керамики и кремня было встречено в 4 км к ю.-з. от урочища Аджикуи. Керамика и кремь, очевидно, разновременны. Один из черепков, более древний, был орнаментирован метельчатым рисунком. Найдены также венчики и обломки лепных неорнаментированных средневековых круговых сосудов. В числе каменных орудий обнаружен крупный, высокий концевой скребок на отщепе, обломок ножевидной пластины с ретушью и рабочей выемкой, небольшой подтреугольный скобель (рис. 2, 2—4).

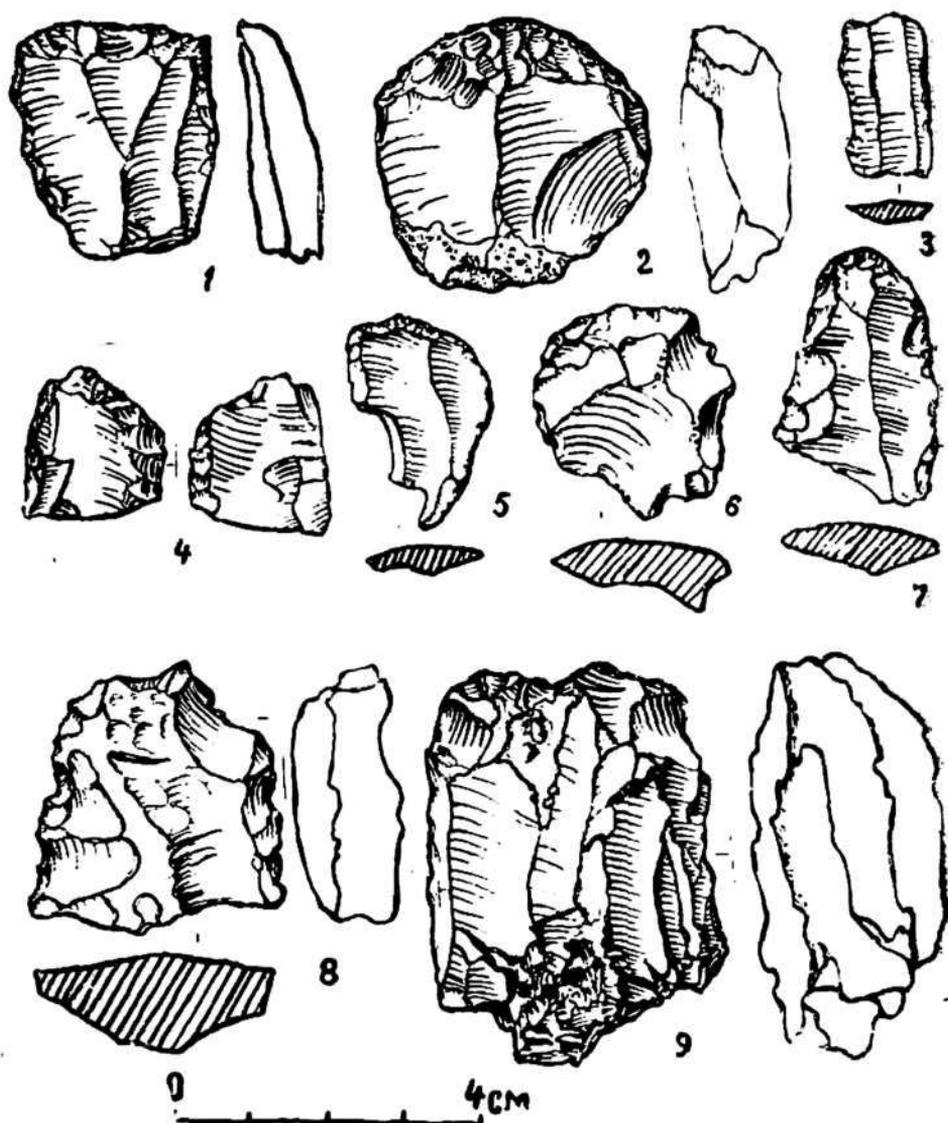

Рис. 2. Изделия из кремня: 1 — стоянка Дюенчи; 2—4 — стоянка Аджикуи; 5—9 — стоянка Янкуи.

Низкие песчаные гряды и такыры между урочищами Аджикуни и Худайберды бедны находками. Поиски дали небольшое количество лепной и круговой керамики, кремней, главным образом, в виде рассеянных отщепов и обломков ножевидных пластин. Среди кремней можно выделить обломок концевого скребка на отщепе; грубый, сильно окатанный скребок на отщепе; крупный, грубый, обкатанный обломок отщепы или пластины с хорошо заметной ретушью, возможно, хвостовая часть крупного наконечника; хвостовая часть ретушированной пластины и большой обломок редкого здесь красно-бурого (мясо-красного) непрозрачного камня со следами сколов и рабочим краем, по-видимому, отбойник (рис. 2, 5—9).

Интересные данные дали раскопки первобытной стоянки в урочище Оюклы⁴. Были обнаружены несколько сот черепков лепной керамики, многие из которых орнаментированные, и около 3,5 тыс. кремней. Судя по сохранившимся фрагментам, сосуды были остродонными. Часть их имела ребристую горловину, часть — плавно расширяющуюся к тулову. Первые орнаментированы струйчатым, вторые — елочным узором. Кремневый инвентарь состоял из великолепно обработанных орудий, включающих значительную серию резцов, выполненных в технике скола.

В прилегающих к Оюклы песках было обнаружено несколько более поздних стоянок, среди которых особенно выделялась междунная стоянка, названная условно Оюклы-3. Инвентарь ее состоял из обломков лепных плоскодонных сосудов с прорезным «метельчатым» и штампованным косым перекрещивающимся линиям «шнуром» орнамента и грубых кремневых изделий. В их число входили крупные грубые скребки, остроконечное орудие, миндалевидный наконечник стрелы со слабо выраженным черешком, грубо обработанные ножевидные пластины неправильной формы, плоский скребочек из коричневого плитняка с овальным, сработанным краем.

Стоянки со сходной керамикой и аналогичными кремневыми изделиями были встречены в ложбинах между барханами к северу от Оюклы, а также в окрестностях урочища Агара.

Обширная Аккуйская котловина дала небольшой археологический материал. К западу от урочища, во впадинах между барханами, было встречено большое количество лепной керамики — черепки грубых плоскодонных лепных сосудов, ча-

⁴ Подробнее о раскопках в Оюклы см.: Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы, ВМГУ, 1961, № 3.

сто орнаментированных насечкой по венчику. Кремней было найдено 10 штук (рис. 3, 9—13), два пряслица и 4 раковины. В числе кремней были 3 пластины и 2 отщепа с ретушью, 3 необработанных обломка ножевидных пластин и 2 отщепа кремня. Одна из пластин имела клювовидный выступ и служила, возможно, резцом.

Небольшая стоянка с однородным кремневым материалом была обнаружена на одном из холмов курганной цепочки между урочищами Караилем и Кошагыр (стоянка названа Караилем условно). На одном из холмов было собрано 22 кремня. Камень сероватый, пятнистый, непрозрачный. Найдены 3 концевых скребка, 9 обработанных пластин, 3 обломка необработанных пластин и 7 отщепов, из них 1 со следами обработки. Скребки изготовлены все на отщепах, грубо ретушированы. Одна небольшая сломанная пластина имеет характерный геометрический облик и обработана крутой затупляющейся ретушью. Крупный обработанный отщеп кремнистого известняка имеет боковой скол (рис. 3. 1—8).

Вопрос о датировке северобалханских находок, распространении и последовательности в этой области археологических культур эпохи камня очень труден, прежде всего из-за фрагментарности материала. В свете раскопок грота Джебел и новейших материалов из Дам-Дам чешме 2 можно считать, что позднемезолитические черты несет в себе инвентарь подгорных стоянок Караилем. В степной зоне находки такого рода отсутствуют, из чего можно предположительно заключить, что немногочисленное население Северобалханья в позднемезолитическую и ранненеолитическую эпохи тяготело к предгорьям и не селилось на равнине.

Стоянки времени развитого и позднего неолита, энеолита, бронзы встречены преимущественно на границах с песками, причем они концентрируются, как правило, в тех местностях, где еще в конце прошлого и начале нашего века сосредоточивались стойбища туркмен и имелись колодцы⁵.

⁵ Г. Е. Марков. Скоговодческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX—начале XX в. ВМГУ, 1958, № 4.

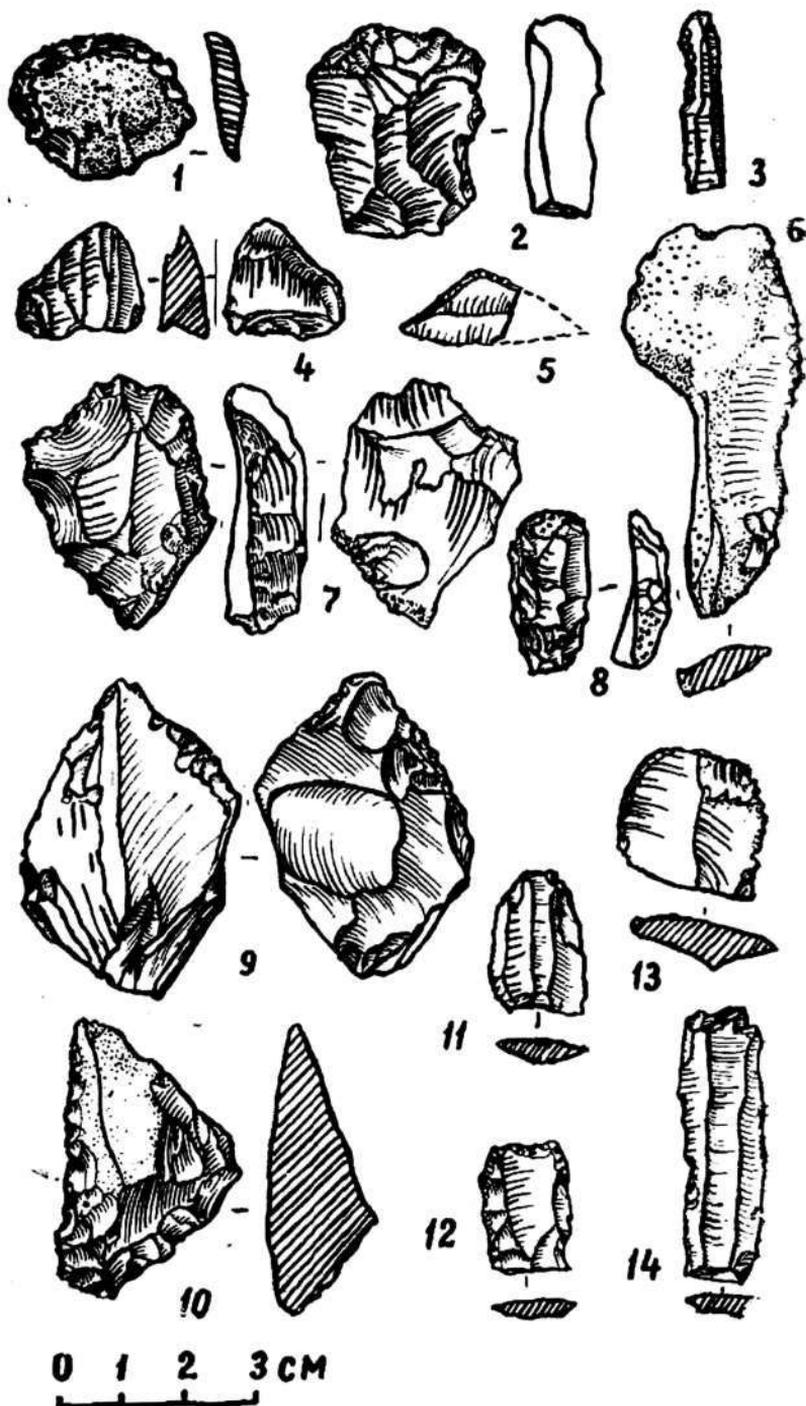

Рис. 3. Изделия из кремня: 1—4 — стоянка Дашарват; 5—8 — стоянка Каранлем; 9—13 — стоянка Аккуи; 14 — стоянка Гезли-ата.

Население Северного Прибалхья в пору развитого неолита не было единым в этническом отношении. Об этом свидетельствуют различия в культурных комплексах; с одной стороны, Оюклы. Оюклинский археологический комплекс, датируемый IV тыс. до н. э. занимает особое место в ряду прочих культур Прикаспия. Трудно предположить, чтобы весьма развитая культура оюклинцев, с чертами некоторой оседлости, совершенные и очень своеобразные кремневая индустрия и керамическое производство, возникли у небольшой группы в глухих песках. Скорее всего «оюклинцы» пришли из какого-то неизвестного центра, где они обитали достаточно длительное время. Это подтверждается и тем обстоятельством, что ни в Джебеле, ни в Дам-Дам чешме 2 не встречены слои, связанные с «оюклинцами».

Восточное Прибалхья. Нижнеузбойское левобережье. Маршрут по левобережью Узоя был начат от станции Айдин.

Первое скопление находок было встречено возле урочища Кызпара. Помимо черепков посуды, были найдены три кремня: один обломок ножевидной пластины с небольшим участком боковой затупляющей ретуши на одной стороне, и выемкой на другой. Диаметр выемки позволяет предположить, что орудие употреблялось для обработки стрел. Найден также кремневый отщеп и обломок кремня, грубо оббитый сколом. Этот обломок мог быть рубильцем или наконечником дротика и схож в известной степени с «остроконечниками».

Значительное скопление керамики и кремней было найдено на террасах левого берега русла, против урочища Чалой. В котловинах между дюнными грядами, на плотном черном песке, залегала большая часть находок. Стоянки сравнительно слабо развеяны. Это видно из того, что на некоторых из них было найдено по несколько разбитых сосудов, причем черепки каждого из этих сосудов лежали близко друг от друга, в диаметре не более 0,5—1 м. Одна из таких стоянок в ложбине между дюнами представляла собой скопление керамики и жженных костей вокруг нескольких кострищ, в которых лежа-

ли очажные камни и много углей. Глубина залегания находок на стоянке не превышала 10—15 см, а три контрольных шурфа на глубине более 2 м дали стерильный песок. Около 200 черепков принадлежали примерно 20 сосудам, некоторые из которых были разбиты на довольно крупные куски. Сосуды лепные, грубые, из серого теста с большой примесью кварцевого песка. Горшки имели баночную и крыночную форму и плоское дно. Первые — с прямым уплощенным венчиком, вторые — с отогнутым наружу. Орнамента на сосудах не было.

Несколько небольших стоянок были разбросаны в радиусе 0,5 км от урочища. Междюнная стоянка (Чалой 1) была обнаружена в 0,5 км к юго-востоку от Чалоя в небольшой впадине между высокими грядами закрепленной растительностью песков. Находки располагались небольшим, диаметром в 3 м, хорошо ограниченным пятном на одном из пологих склонов дюны и, по всей вероятности, являются единовременным комплексом. Контрольный шурф на месте стоянки глубиной в 2,5 м дал стерильный песок. Находки состояли из 5 обломков лепных сосудов и 10 кремней. Два керамических фрагмента оказались венчиками сосудов. Тесто черепков плотное, серо-коричневое, со значительной примесью крупного песка. Обжиг неравномерный. Венчики закругленные, со слегка выступающими валиками. Венчики и горловины были покрыты давлением и штриховым орнаментом (рис. 4, 12—13). Особенно он интересен на одном из фрагментов, где на уцелевшей поверхности виден замысловатый узор. Кремневые находки состояли из одного скобеля на отщепе, 1 концевой скребка, 5 ножевидных ретушированных пластин и 3 пластин без ретуши (рис. 4, 1—5). Камень высокого качества, непрозрачный, обработка довольно тщательная, пластины правильной формы. Ретушь крутая, затупляющая. Своеобразны концевой и боковой скребки, выполненные на хвостовой части красно-бурой непрозрачной пластины, у которой отретуширован рабочий край и левая боковая сторона спинки. Скобель сделан на грубой желтоватой непрозрачной пластине. Микролитические ножевидные пластинки из такого же кремня имеют боковую за-

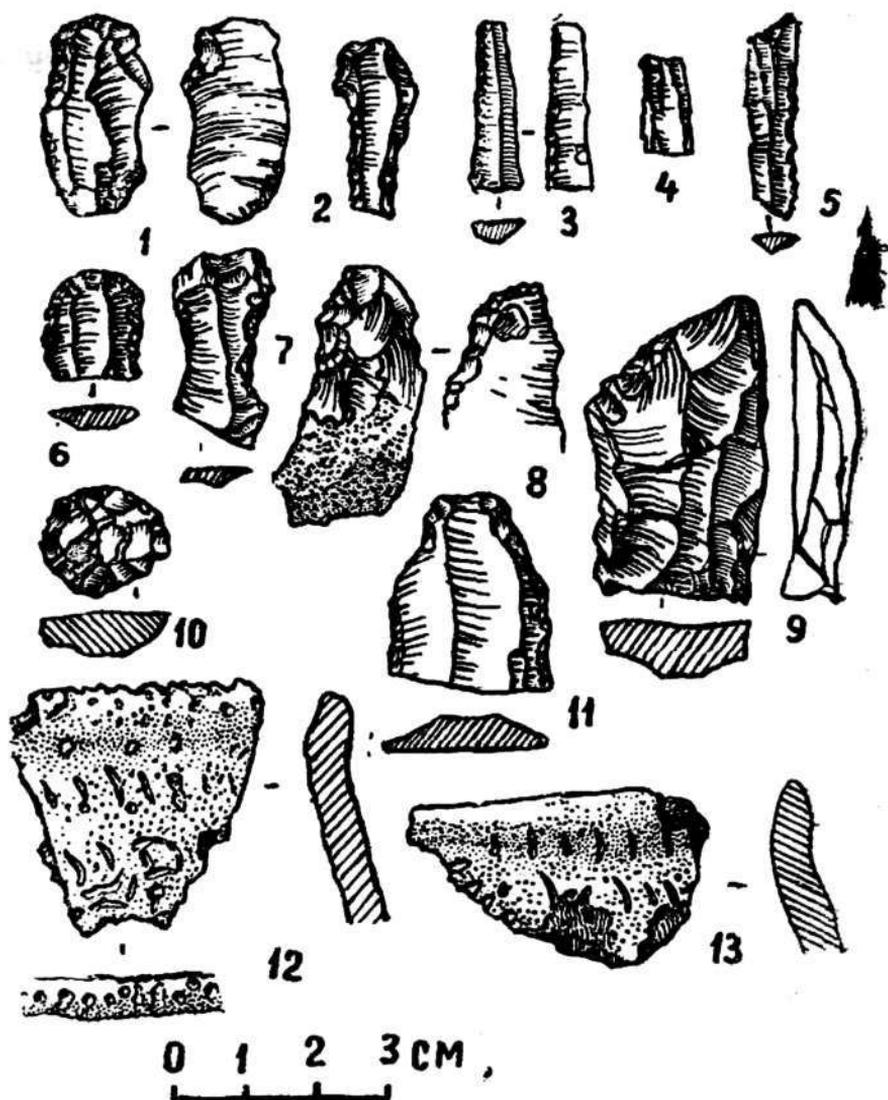

Рис. 4. Изделия из кремня и керамики: 1—5 — стоянка Чалой 1; 6—9 — стоянка Чалой 2; 10—11, 12—13 — стоянка Ишмек.

тупляющую ретушь, одна со скошенным ретушью краем. Другая стоянка (Чалой 2) была найдена к востоку от Чалоя, также в ложине между дюнными песками. Условия залегания находок не отличались от описанных выше и шурфовка не да-

ла результатов. Находки состояли из 3 обломков керамики и 10 кремней того же сорта, что и на 1-й стоянке (рис. 4, 6—9). Один черепок был от кругового сосуда, два—от лепных. Керамика не имела, по-видимому, отношения к большему числу кремней. Кремневый инвентарь состоял из 1 концевой скребка на пластине, 1 скобеля на отщепе, 1 обработанного кремня неопределенной формы, 3 обработанных ножевидных пластин и 3 необработанных пластин. В стороне было найдено нуклеовидное орудие со скошенным острием.

Весьма вероятен неолитический возраст части находок на чалойских стоянках. Если керамика не имеет близких аналогий в узбойско-прибалханском материале, то кремнь типологически не многим отличается от верхнеузбойских находок⁶ и может быть сопоставлен с орудиями из других стоянок по Нижнему Узбою и в Северобалханье. В 3 км к северо-востоку от урочища, во впадине между барханами, была обнаружена небольшая стоянка, на которой были найдены 5 обработанных кремней, 18 отщепов и 5 обломков раковин. Весь кремневый материал изготовлен из камня одного сорта — сероватого, полупрозрачного и непрозрачного кремня — того же, что и на многих северо-балханских стоянках (рис. 4, 10—11). Одно из орудий представляло собой миниатюрный округлый скребок на отщепе, другое—очень своеобразный скребок на сколе гальки с сохранившейся желвачной коркой. Обнаружены также 2 отщепы с ретушью. Невдалеке от стоянки был найден обломок массивной ножевидной пластинки с выемкой, образованной ретушью, на одном конце.

В целом ишмекские кремни сходны с инвентарем многих других стоянок как по Нижнему Узбою, так и в Северобалханской степи. Округлые скребки часты на Верхнем Узбое⁷, в IV слое грота Дам-Дам чешме 2⁸.

Далее на северо-восток, вверх по Узбою, археологические находки стали еще более редкими.

Первая стоянка на правом берегу Узбоя (Сенграджи 1) была обнаружена на мысу, между обрывом берега и оврагом, глубоко врезающимся в берег. Площадка, где находилась стоянка, была покрыта такыром, с редким делювием.

⁶ Можно, к примеру, взять стоянку Куртыш-3 («Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой». М., 1960, стр. 295).

⁷ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 306.

⁸ Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2, Советская Археология, 1966, № 2, рис. 6, 3, 4, 5, 8, 9.

Таблица 1

**Кремневые находки на левом берегу Нижнего Узоя
(Восточное Прибалханье)**

Виды камня	Кызпара		Чалой 1		Чалой 2		Ишмек		Итого
	Количество изделий (шт.)	% от других орудий	Количество изделий (шт.)	% от других орудий	Количество изделий (шт.)	% от других орудий	Количество изделий (шт.)	% от других орудий	
Концевые скребки на пластинках	—	—	1	14	1	14	—	—	2
Концевые скребки на отщепах	—	—	1	14	—	—	1	20	2
Округлые скребки	—	—	—	—	—	—	1	20	1
Скобели	—	—	—	—	1	14	—	—	1
Наконечники копий и дротиков	—	—	—	—	—	—	1	20	1
Остроконечники	1	50	—	—	1	14	—	—	2
Обработанные ножевидные пластины	1	50	5	71	3	43	—	—	9
Отщепы с ретушью	—	—	—	—	1	14	2	40	3
Ножевидные пластины без обработки	—	—	3	—	3	—	—	—	6
Отщепы	1	—	—	—	—	—	18	—	19
Всего кремней	3	—	10	—	10	—	23	—	46
Из них обработанных	2	—	7	—	7	—	5	—	21
Процент обработанных кремней	66	—	70	—	70	—	22	—	46

Находки состояли из керамики и кремня. Мелкие, обкатанные черепки лежали только на поверхности такыра, кремень — как на поверхности, так и в слое такыра, на глубине до 5 см. Центр стоянки, где встречались кремни в толще такыра, был невелик — не более 6—10 м в диаметре. Отдельные кремни находились на поверхности такыра в некотором удалении, до 20—30 м, от центра стоянки и, по-видимому, были вымыты потоками. На стоянке были найдены 3 обломка лепных сосудов, но такие же обломки были рассеяны по всему мысу и к стоянке отношения не имели. Всего на стоянке было обнаружено 24 кремня, все небольшие по размерам (рис. 5, 1—8). Камень изделий желтоватый, непрозрачный, с жирным блеском, обкатанный. В числе изделий — один отщеп с резцовым сколом, два ретушированных отщепа, напоминающие грубые наконечники стрел, и 21 отщеп и обломок ножевидных пластин со сле-

дами обработки. Надо отметить, что кремни стоянки отличны от обычных для Нижнего Узоя и Северобалханской степи как по форме, так и по технике изготовления. Изделия мелкие, грубые, ретушь неровная. Архаическая техника ретуши кремневых изделий сочетается с наличием орудий с резцовым сколом. У некоторых мелких отщепов подретуширован короткий черешок⁹. Можно отметить отдаленное сходство сенграджинских микролитов с некоторыми изделиями из Джейтуна¹⁰. Попутно можно указать на сходство некоторых кремневых изделий из Мугарет эль-Вада, датируемых первым натуфийским периодом, с изделиями из Сенграджи 1.

Небольшая стоянка была найдена при дальнейшем продвижении в сторону Сенграджи (Сенграджи 2). В 25 м от обрыва берега, на возвышенной такырной площадке, среди пролювия было обнаружено 7 кремней, 2 из которых представляли собой ретушированные пластины, остальные — отщепы без обработки (рис. 5, 9—10).

В 1 км к северу, в 20 м от края обрыва, была найдена еще одна стоянка (Сенграджи 3), где было обнаружено 27 кремней (рис. 5, 11—14) и 2 раковины. В число кремней входили 2 скребка, один изготовлен на боковой части пластины, другой — концевой, микролитический, весьма сходный с северобалханскими концевыми скребками, в том числе и по материалу: полупрозрачному серому камню. Одно орудие на пластине напоминало скобель. Пластина ретуширована с брюшка и носит следы сработанности со спинки. Один отщеп полупрозрачного серого камня имеет ретушь на противоположных краях, а со спинки и брюшка обработан отжимом. Возможно, что это обломок наконечника копья¹¹. Остальные кремни состояли из обломков пластин и отщепов со следами обработки и без обработки. Материал изделий разнородный, наряду с серыми полупрозрачными камнями много непрозрачных, яшмовидных. Разнородность кремней и форм орудий, а также способов их обработки, затрудняет определение материала в целом.

Небольшая, но более однородная по материалу стоянка находится около обрыва верхней террасы, в 3 км к югу от урочища Сенграджи (Сенграджи 4). На поверхности и в та-

⁹ Типологически схожие вещи можно обнаружить в находках Кудлаевской раннеолитической стоянки (М. Рудинский. Деяки підсумки та ближчи задания палеонтологічних вивчень у межах УССР. «Антропология», IV, 1931, рис. 35—39 и др.).

¹⁰ В. М. Массон. Джейтунская культура, ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, табл. XIII, рис. 1—6.

¹¹ Очень похожий обломок был найден в VI слое грота Джебел (см.: А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 174, № 6).

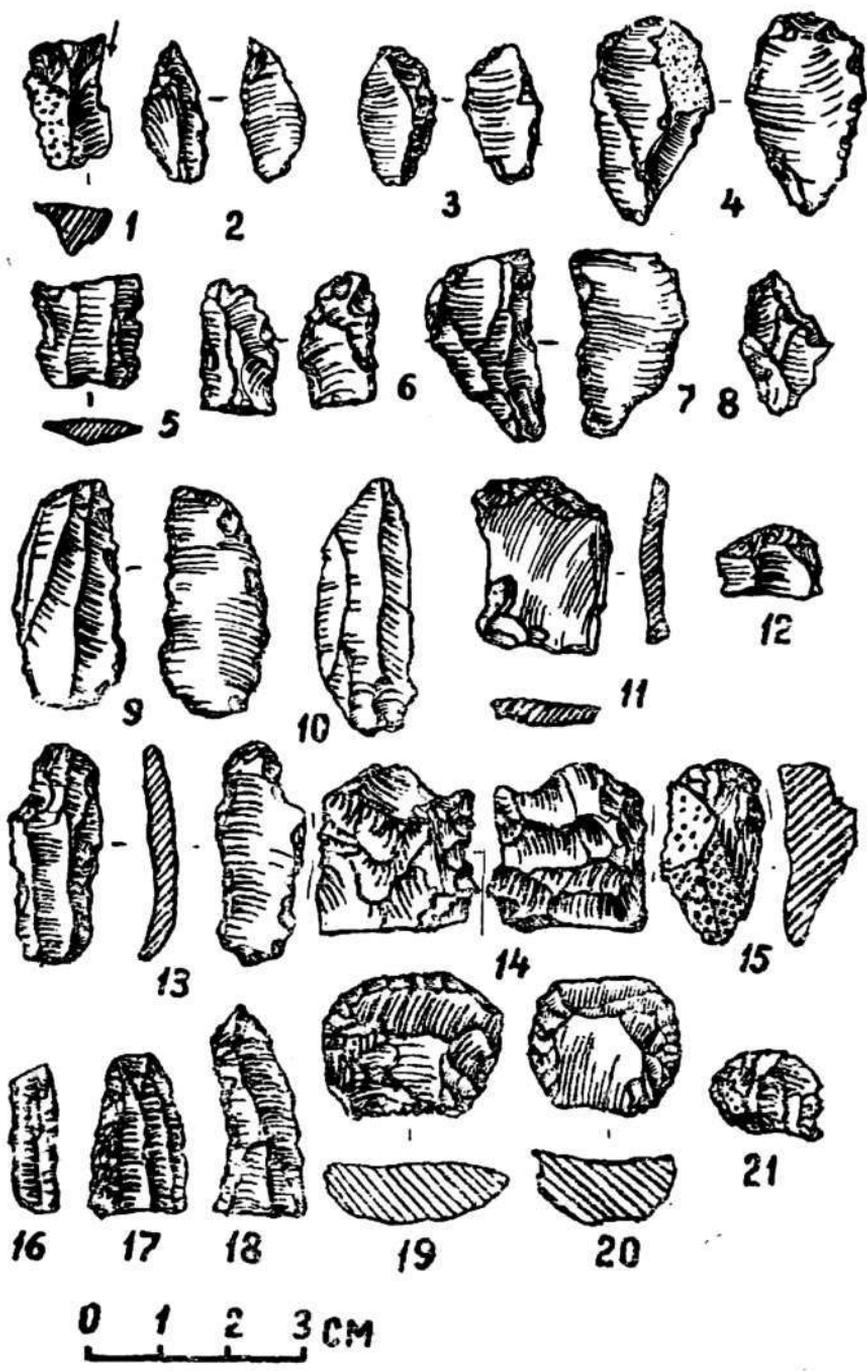

Рис. 5. Изделия из кремня; 1—8 стоянка Сенграаджи 1; 9—10—стоянка Сенграаджи 2; 11—14—стоянка Сенграаджи 3; 15—18—стоянка Сенграаджи 4; 19—21—стоянка Сенграаджи 5.

кырной корке на площадке 3 м в диаметре были найдены обломок лепной керамики и 23 кремня (рис. 5, 15—18). Кремни беловатые и песчано-желтые, непрозрачные. В их числе было 2 небольших концевых скребка, один «высокого» типа, вкладышевая микролитическая пластина, ретушированная с боковой стороны затуплением, обработанные пластины и отщепы, нуклеус, необработанные обломки пластин и отщепов. Материал стоянки находит широкие аналогии как в верхнеузбойском, так и северобалханском материале и может быть сопоставлен с изделиями из 4 слоя Дам-Дама чешме 2¹².

10-километровая полоса поиска на восток от урочища Сенграаджи дала только одно значительное скопление находок, которое состояло из 23 кусков кремня — отщепов от одного нуклеуса, но только два из них носили следы обработки.

Значительно более насыщенным находками оказался северный и северо-восточный сектор излучины Сенграаджи. В 1 км к северу от Сенграаджи и примерно на таком же расстоянии от Узбоя была найдена небольшая стоянка (Сенграаджи 5). На ней были обнаружены 3 обломка лепных и 1 кругового сосудов и 11 кремней (рис. 5, 19—21). Черепки мелкие, нехарактерные. В число кремней входили два двухсторонних округлых скребка на отщепах, один обломок концевого скребка, также на отщепе, 4 обработанные и 2 необработанные пластины, 2 отщепа. Орудия изготовлены из красновато-коричневого (мясо-красного) непрозрачного яшмовидного кремня, отщепы из желтоватого камня. Похожие скребки можно встретить в 4 слое грота Дам-Дам чешме 2¹³, в нижних горизонтах Джебела¹⁴, нередко они и на верхнеузбойских стоянках¹⁵.

Много находок дала стоянка, обнаруженная в 6 км к северу от Сенграаджи (Сенграаджи 6), на берегу глубокой излучины Узбоя. В отличие от обычно небольших стоянок, эта стоянка, разбросанная на площади примерно 200 кв. м, заключала многочисленный кремневый материал. Общее число найденных там кремней составило 125 экземпляров (рис. 6, 7). Найдена также 1 раковина.

Находки залегали, как и обычно, на поверхности и в такырной корке вместе с делювием на глубине 2—5 см. Площадь стоянки была довольно хорошо заметна благодаря густому залеганию кремней, находки за пределами стоянки были одиночными. В кремневый инвентарь стоянки входило 39 скреб-

¹² Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2, рис. 8.

¹³ Там же, рис. 6.

¹⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 190—191.

¹⁵ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 181.

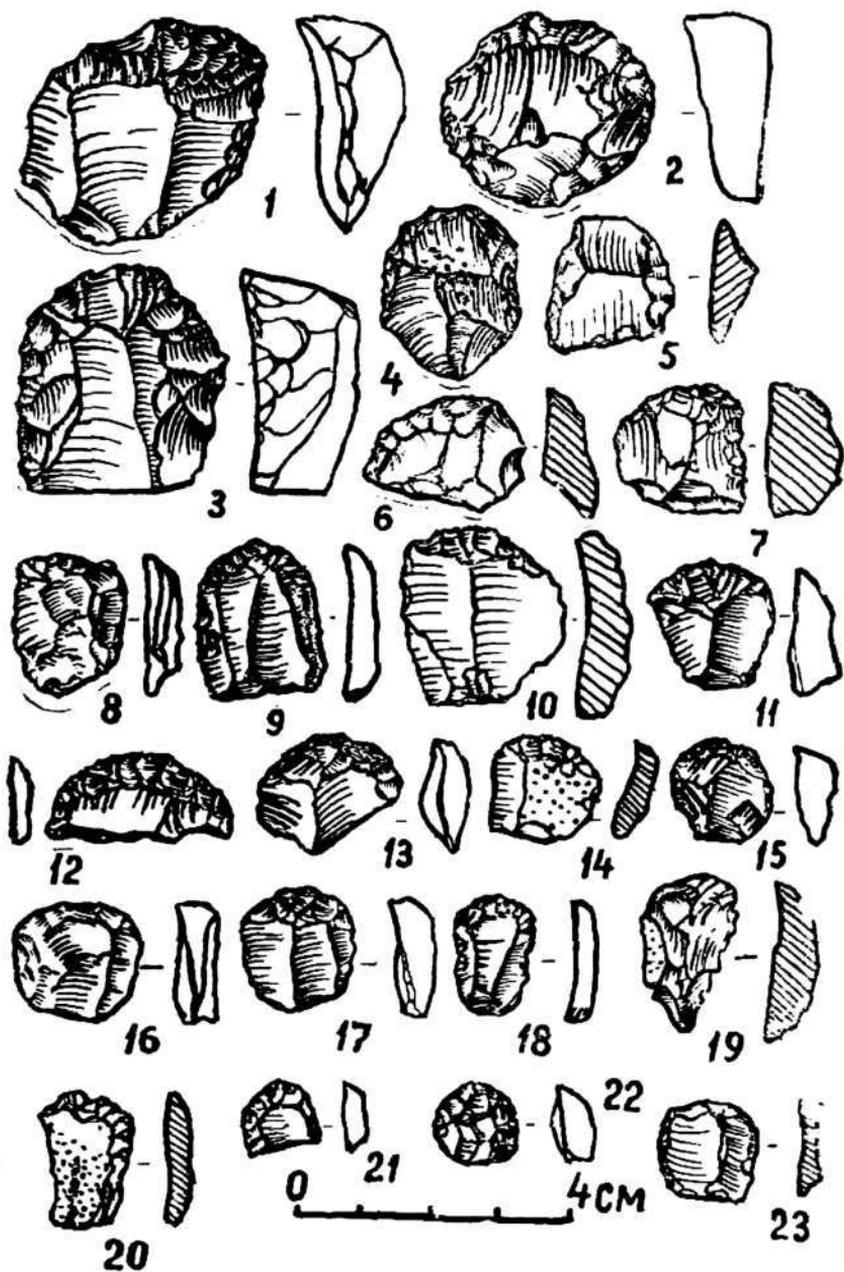

Рис. 6. Стоянка Сенграджи 6: 1—23 — кремневые скребки.

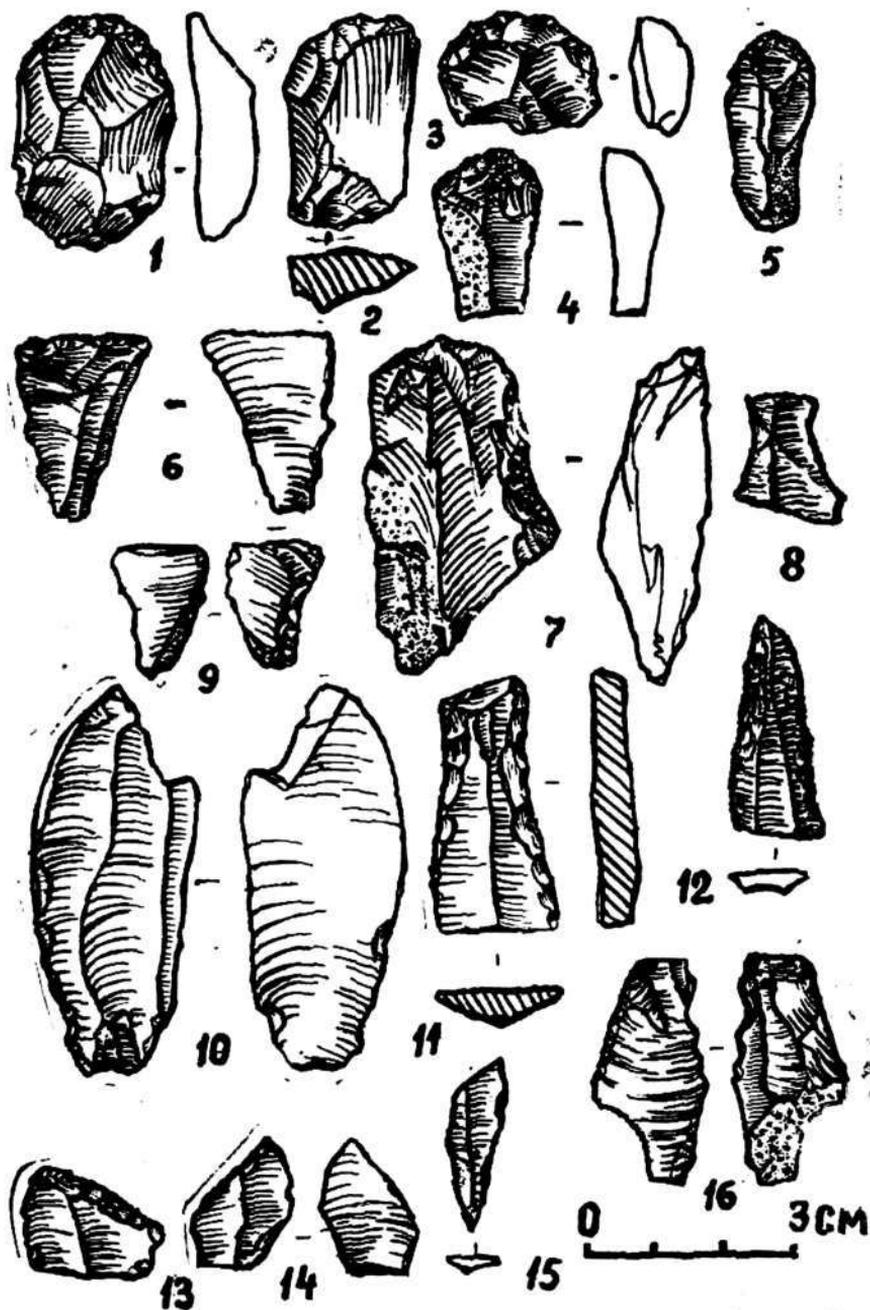

Рис. 7. Стоянка Сенграаджи 6: 1—6—кремневые скребки; 7—16—пластины с ретью.

ков, в их числе 4 средних размеров, один круглый, маленький, 6 концевых на небольших грубых трапецевидных и треугольных в сечении пластинках (рис. 6); 4 скобеля на отщепах и 1 на пластине, из них 1 многовыемчатый; 2 ножевидные пластины со скошенным краем, 1 ретушированная заостренная пластина (рис. 7). Остальные кремни — заготовки и отходы пов со следами обработки. 1 заостренная микролитическая пластина (рис. 8). Остальные кремни — заготовки и отходы производства.

Кремневый материал, из которого выполнены изделия, сравнительно однороден — это главным образом беловато-желтый непрозрачный камень. Несколько изделий из такого же желтоватого, но очень пористого кремня, похожего скорее на желвачную корку.

Единообразие форм изделий и материала позволяют отнести находки к одному комплексу. В большой серии скребков характерно одновременное присутствие довольно крупных изделий, средних по размеру и очень мелких. Интересны двухсторонние скребки (рис. 7, 1—2) и узкие «высокие» на отщепах. Скребки на отщепах преобладают над скребками на пластинках, которых можно насчитать всего 6 экземпляров. Скобели боковые, причем один многовыемчатый. Это довольно своеобразное орудие, подтреугольное по форме, выполнявшее по крайней мере две функции: одна его сторона — многовыемчатый скобель, другая — обработана как скребок. Ретушированная заостренная пластина и две скошенные, довольно распространенной в Прибалханье формы, так же, как и микролитическая заостренная пластинка. Своеобразен отщеп с ретушью на противоположных сторонах. Острый конец отщепа обломан. Возможно, что это наконечник стрелы. Сделана ли боковая выемка преднамеренно или это естественный излом, сказать трудно (рис. 7, 16).

Рассматриваемый кремневый материал находит много аналогий в других стоянках по Нижнему Узбою как из числа публикуемых в настоящей работе, так и обследованных Хорезмской экспедицией¹⁶. Сходны своеобразные подтреугольные, скошенные, округлые и двухсторонние скребки из Сенграджи 6 с находками из V¹⁷ и V-a¹⁸ слоев грота Джебел. То же самое можно сказать об обработанных пластинках и отщепах.

¹⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 46; «Низовья Аму-Дарын, Сарыкамыш, Узбой», стр. 181.

¹⁷ А. П. Окладников. Пещера Джебел, рис. 72, 4, 5, 6.

¹⁸ Там же, рис. 90, 5, 7, 8.

Вместе с тем между инвентарем стоянки Сенграаджи 6 и материалом указанных словес Джебела можно заметить и значительные различия. В Сенграаджи 6 отсутствуют геометрические орудия, там много крупных скребков; изделия выполнены главным образом на отщепе. Встречаются, наконец, миниатюрные затупленные пластинки. Все это характерно для V и V-а словес Джебела. Впрочем, эти различия могут объясняться и тем, что в одном случае — временная прибрсжная стоянка, а в другом — более постоянное пещерное поселение. Округлые скребки из Сенграаджи 6 схожи с подобными изделиями из IV слоя Дам-Дам чешме 2¹⁹. Наконец, находкам из рассматриваемого памятника можно найти и восточные аналогии: в кремневом инвентаре поселений подгорной полосы Ахала.

В шести километрах к северо-востоку от Сенграаджи, в ложинке, недалеко от обрыва берега Узбоя, находилась еще одна стоянка (Сенграаджи 7). Находки этой стоянки показывают несомненное сходство как в материале, так и в изделиях с предыдущей стоянкой. Было найдено 4 обломка лепных сосудов — небольших, неорнаментированных, из грубого теста и плохого обжига. Кремневый инвентарь состоял из 61 предмета: одного высокого концевоего скребка, обломка концевоего скребка, 8 скобелей, 2 ножевидных пластин с ретушью, одного обломка ножевидной пластины с резцовым сколом, 5 обломков кремня со следами обработки, 14 необработанных ножевидных пластин и 29 обломков кремня, возможно, что некоторые со следами сработанности (рис. 8, 16—6). Кремневый материал изделий единообразный — серо-желтый непрозрачный камень. Обработка кремней тщательная, форма пластин правильная. Заслуживает внимания «высокий» скребок, изготовленный на отщепе. С левой стороны там, где кончается рабочий край, ретушью сделано углубление. Благодаря этому скребок мог служить также и скобелем. Но крутая ретушь и клювовидный выступ рабочего края заставляют скорее предположить, что на скребке был сделан резец (рис. 8, 1). Кстати сказать, концевые скребки с боковыми выемками вообще довольно характерны для стоянок Нижнего Узбоя в отличие от Северобалханской степи, где такие формы пока еще не были встречены. Одно из орудий изготовлено тщательной отжимной ретушью на спинке отщепа или грубой ножевидной пластины и могло быть либо ножом, либо наконечником копья. Острие изделия обломано. Наконец, следует упомянуть пло-

¹⁹ Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2, рис. 6, 8, 9.

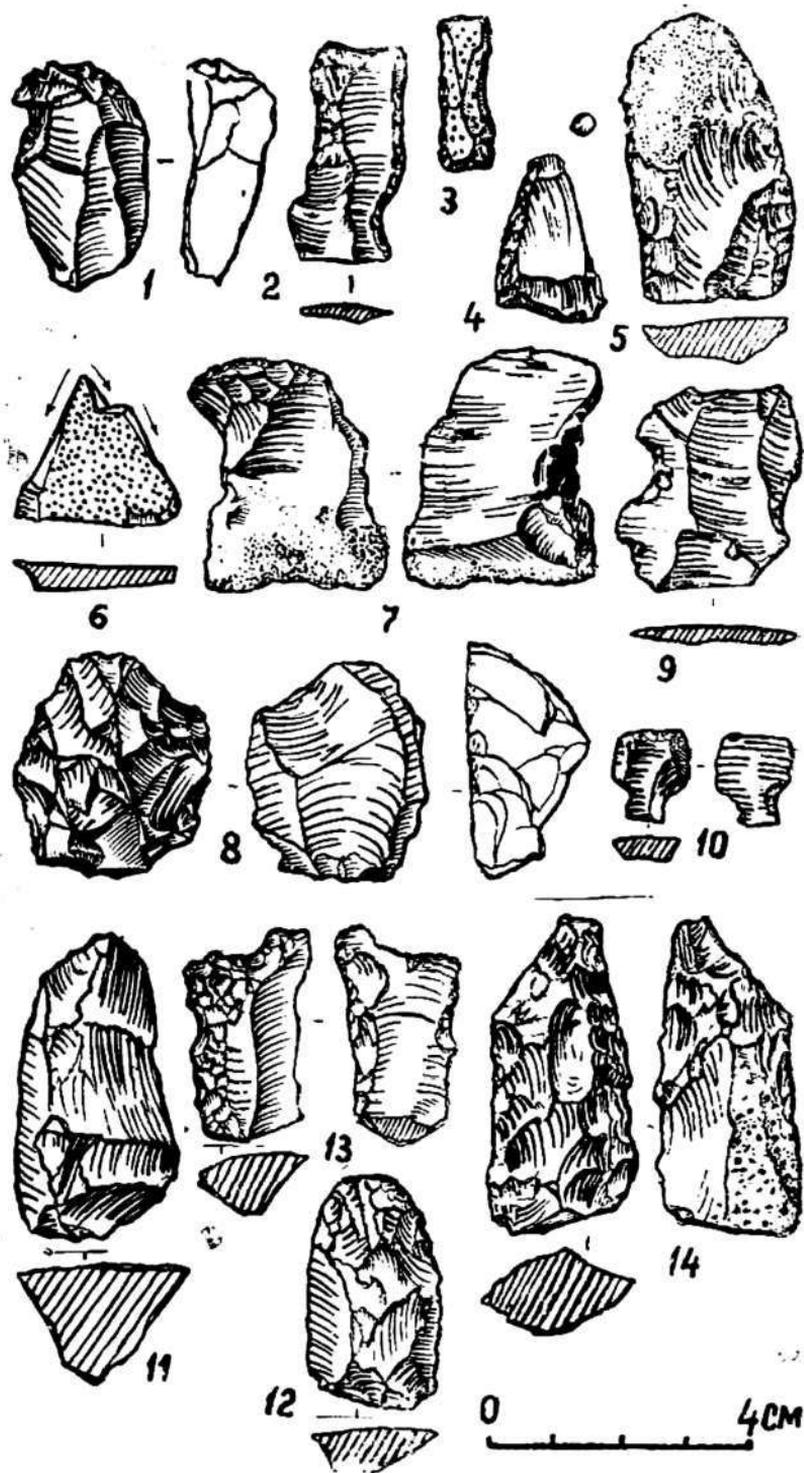

Рис. 8. Изделия из кремня: 1—6 — стоянка Сенграджи 7; 7—10 — стоянка Атой; 11—14 — стоянка Каланкуи.

скую пластину из кремнистого сланца в виде равнобедренного треугольника, изготовленного сколами, с ретушью на одной из вершин и резовым сколом (рис. 8, 6). Ближайшие аналогии можно найти в оюклинских резах, а также в очень похожем орудии из Худайберды.

В 10 км к востоку от Сеграаджи, по направлению к урочищу Атой, были встречены отдельные россыпи кремней по сухим руслам дождевых потоков, размывших стоянки. Сами стоянки обнаружить не удалось.

Небольшая стоянка была найдена близ урочища Атой, в ложбине между дюнами. На стоянке были найдены 62 кремня. В их числе скребки на отщепе и скобели, также на отщепе, 1 пластина с резовым сколом; обработанные ножевидные пластины, отходы производства. Особого внимания заслуживает маленькая ножевидная пластинка с боковыми выемками на одном конце. Клювовидные выступы могли служить как резцы (рис. 8, 7—10). Подобных орудий довольно много среди оюклинских кремней.

При дальнейших поисках вверх по правому берегу Узбоя была обнаружена стоянка в 2 км к северу от урочища Каланкуи²⁰, на верхней Узбойской террасе. На такыре были собраны 2 обломка лепных и 1 круговой керамики и 33 кремня. В число кремней входили скребки, скобели, 1 «остроконечник», ножевидные пластины отщепы (рис. 8, 11—14). Сорт кремня у всех находок один и тот же — темно-серый непрозрачный камень. Интересны подтреугольный высокий скребок на отщепе, другой скребок, также высокий, с обработанной ретушью хвостовой частью, скобель на грубом отщепе и, наконец, «остроконечник», отретушированный грубыми сколами, возможно, наконечник дротика. Комплекс кремневых находок не отличается, по-видимому, от сборов, о которых говорит С. П. Толстов²¹.

Особенно богаты находками окрестности урочища Джойрук. Стоянки тянутся здесь непрерывной полосой по такырам между барханами, одна стоянка смыкается с другой и их инвентарь зачастую сильно смешан. Находки залежали, как правило, лишь на поверхности такырной корки и только отдель-

²⁰ Каланкуи, а также следующее к северо-востоку урочище Джойрук были в 1951 г. частично обследованы археологическим отрядом Хорезмской экспедиции (См.: С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, т. II, стр. 33 и сл.). Материалы этих сборов еще не опубликованы.

²¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 42.

ные вещи были извлечены из такырной корки, но не глубже чем в 1—3 см от поверхности.

Первое скопление находок (Джойрук 1) было обнаружено в 3 км к юго-западу от урочища, примерно в 100-метровой зоне вдоль обрывистого берега Узбоя. В отличие от восточных окрестностей урочища такыры здесь больше занесены песком и находки часто лежали на склонах невысоких барханов. В поиске был собран 31 обломок лепных сосудов. Несколько керамических обломков могут быть, по-видимому, отнесены ко времени бронзы. На их горловинах, переходящих в прямой венчик, нанесен штампованный гребенкой перекрещивающийся узор в виде «шнура». Эта керамика сходна с находками из северных и восточных окрестностей Оюклы. Найдены венчики с глубоко выштампованными по краю зубцами и много черепков лепной неорнаментированной посуды. Встречались и черепки средневековой посуды. Около обломков сосудов с орнаментом в виде «шнура» были найдены 34 кремня несколько кусочков бронзы, 1 круглая бусина из цветной пасты и 1 стеклянная балочка-бусина, с отверстием. В отличие от прочих эта группа находок занимала строго локализованный участок такыра. Два кремня были найдены почти рядом. Один — «остроконечник», другой — большой, высокий, подтреугольной формы скребок. Оба изделия были изготовлены из одинакового серо-желтого кремня и ретушированы грубыми сколами. Несколько в стороне, поблизости друг от друга, лежали орудия — отщепы и пластины, выполненные из одного сорта красноватого кремня и тщательно отретушированные. Скрепки, скобели и пластины весьма схожи с северобалханскими и верхнеузбойскими орудиями, а также со многими находками по Нижнему Узбою. В числе прочего подъемного материала был найден концевой высокий скребочек с характерной для Нижнего Узбоя и Келькера боковой выемкой. Другой скребочек имел нетипичную форму и был отделан тщательной ретушью. Микролитическая пластинка с ретушью сходна с микролитами Северобалханья и Нижнего Узбоя, так же как и микролитический высокий округлый скребочек. Найден также один отбойник, который очень напоминает орудие из 1 слоя Джебельского грота²².

Следующее скопление находок было обнаружено в 3 км к востоку от урочища Джойрук 2. Там было собрано 3 обломка лепных сосудов и 57 кремней, большая часть из серого и желтоватого непрозрачного камня. Среди них 5 орудий на отще-

²² А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 26.

пах, три обломка ножевидных пластин и 49 отщепов без ретуши. Обработанные кремни могут быть без особых колебаний отнесены в ту же группу, что скребок и остроконечник из сборов к юго-западу от урочища Джойрук. Один из отщепов имел характерную грубую ретушь, сколами по боковым сторонам. Его концы, преднамеренно или нечаянно, сколоты наискось. Условно изделие может быть отнесено к числу «остроконечников». С оговорками можно отнести к числу «остроконечников» еще один обработанный отщеп. Он тщательно отретуширован и не похож на обычные узбойские остроконечники ни по форме, ни по обработке, ни по сорту кремня. Скорее он напоминает ручное рубильце.

В целом о Джойрукских сборах можно сказать, что они свидетельствуют о хронологической сложности обнаруженных там материалов. Часть их тяготеет к узбойским, северо- и южнобалханским формам. Часть материала особенно характерна для тогалакско-джойрукского участка побережья Узбоя.

Исследование археологических культур Восточного Прибалханья и их хронология особенно затруднительны. Нижний Узбой, который можно включить в эту область от оз. Ясха до железнодорожной станции Балаишем, где уже начинается Южное Прибалханье, археологически связан со Средним Узбоем, Келькёром и Актамом, но вместе с тем и весьма своеобразен. Классификация археологических находок Нижнего Узбоя осложняется тем, что значительная часть его берегов либо размывта, либо перекрыта барханными песками, мощностью в несколько десятков метров, что препятствует или делает невозможным изучение существовавших там стоянок.

Представляется, что кремневый материал из стоянки Сенграджи I довольно архаичен в сравнении с другими стоянками по Нижнему Узбою. Это тем более вероятно, что стоянка находится по существу уже в предгорьях, а как это было замечено на примере Северного Прибалханья, в предгорьях расположены обычно стоянки более раннего типа. Интересны чалойские стоянки, особенно в связи с находкой керамики. Обнаруженный там кремнь типологически схож с каменными орудиями IV слоя пещеры Джебел и III слоя Дам-Дамчешме 2, однако отсутствуют наконечники стрел с асимметричной выемкой и геометрические изделия. Материал может быть датирован временем позднего неолита. Большое сходство с чалойскими кремнями обнаруживают находки из стоянок нижнеузбойского правобережья: Сенграджи 2—7, Атой.

Несмотря на известные различия, наблюдаемые в инвентаре рассмотренных стоянок по Нижнему Узбою, их все, может быть, только за исключением более ранней стоянки Сенграджи I, можно включить в круг узбойско-каспийских неолитических культур. Возможно, что с накоплением материала удастся выделить среди них локальные комплексы.

Памятников эпохи бронзы выявлено в рассматриваемой области меньше, чем неолитических. Памятники тазабагъябского типа, распространенные в низовьях Амударьи и в верховьях Узбая, с продвижением вниз по Узбою становятся редкими²³, и в обследованных местностях не выявлены.

Обследованные памятники времени бронзы — Каланкуи, Джойрук дают материал, из которого можно заключить, что в низовьях Узбая имела распространение своеобразная культура времени бронзы, характеризующаяся прежде всего плоскодонной керамикой с орнаментом в виде прорезной «метелки» или штампованного гребенкой «шнура» и бедным и грубым кремневым инвентарем. Он включал в себя массивные скребки на отщепах, нередко подтреугольные или «высокого» типа, кремневые отщепы, обработанные в виде грубых острий («остроконечники»). Характерно, что и на Узбое и в Северобалханье, «остроконечники» и грубые скребки делались из сходного низкосортного кремня — серо-желтого, непрозрачного, с пятнами. Сопутствовали этим изделиям грубо обработанные пластины.

Южное Прибалханье — обширная низменность, понижающаяся к юго-западу. На севере она ограничивается южными склонами Больших Балхан и обрывами Кюрянын-Кюре, на юго-востоке — западными отрогами Копет-Дага и Малым Балханом. Северная полоса Южного Прибалханья весьма интересна в археологическом отношении. Здесь, в частности, находится пещера Джебел и многие другие памятники. Однако в задачу ТАЭЭ в 1957—1960 гг. не входило обследование этих мест, и работы проводились только на юге подгорной равнины, по низовьям Узбая и его древней дельте, сложенной главным образом новокаспийскими отложениями.

Своеобразную область в археологическом отношении представляют собой русло и берега низовьев Узбая, солончак Келькёр и верховья Актама. Большая плотность стоянок, разнообразие и обилие керамических и кремневых находок свидетельствуют о том, что в течение какого-то отрезка времени здесь были особые природные условия, не похожие на современные,

²³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. стр. 52.

привлекавшие сюда значительное население. Как отмечает П. В. Федоров, существовавший в новокаспийское время сток пресных вод по Узбою обуславливал существование в области Келькёра лимана, где обитала пресноводная и полупресноводная фауна²⁴. Густые тугайные заросли, кишевшие зверями и птицами, привлекали сюда охотников и рыболовов, а также и скотоводов. Судя по археологическим данным, которые будут рассмотрены ниже, Актам и Келькёр были такими притягательными центрами того времени, когда еще самое широкое распространение имели каменные орудия, и до позднего средневековья, что отмечалось и С. П. Толстовым²⁵. Особенно много находок кремневых наконечников стрел на солончаке, бывшем дне озера и протоках, образовавшихся после прекращения стока пресных вод в Келькёр²⁶. Эти трудоемкие и ценные изделия не могли быть, конечно, потеряны на ровном месте, как теперешние актамские и келькёрские шоры. Не могли они также в свое время потонуть — их держало бы на поверхности древко. Следовательно, стрелы терялись при охоте в густых зарослях по берегам озер, постепенно засолявшихся морской водой, о чем свидетельствуют теперешние солончаки и раковины *Cardium Edule* L.²⁷ Стоянки и россыпи кремней и керамики расположены в основном на пологих склонах берегов Келькёра.

Весьма своеобразная стоянка была встречена в 10 км южнее курорта Моллакара, на слегка покато́м склоне западного берега Келькёра (Моллакара 1). На ровной площадке 15×25 м было сделано значительное число находок, в основном кремня—орудий, заготовок и отходов производства (рис. 9). На месте стоянки были собраны обломки лепной и круговой керамики. Однако надо отметить, что аналогичные фрагменты керамики рассеяны по большей части прибрежных склонов, причем зачастую в значительно большей концентрации, чем на рассматриваемой стоянке. Кремни же залежали на строго локализованном пространстве и поблизости больше нигде не встречались. Общее число обнаруженных кремней составило 232, из которых 94 орудия, 2 нуклеуса, 41 необработанная ножевидная пластина и 95 необработанных отщепов. Кроме того, были найдены 3 раковины. В число орудий входили 33

²⁴ П. Ф. Федоров. К стратиграфии Каспийских отложений Прибалханского района. «Советская геология», 1946, № 11, стр. 41.

²⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 36.

²⁶ П. В. Федоров. К стратиграфии Каспийских отложений, стр. 41.

²⁷ Там же.

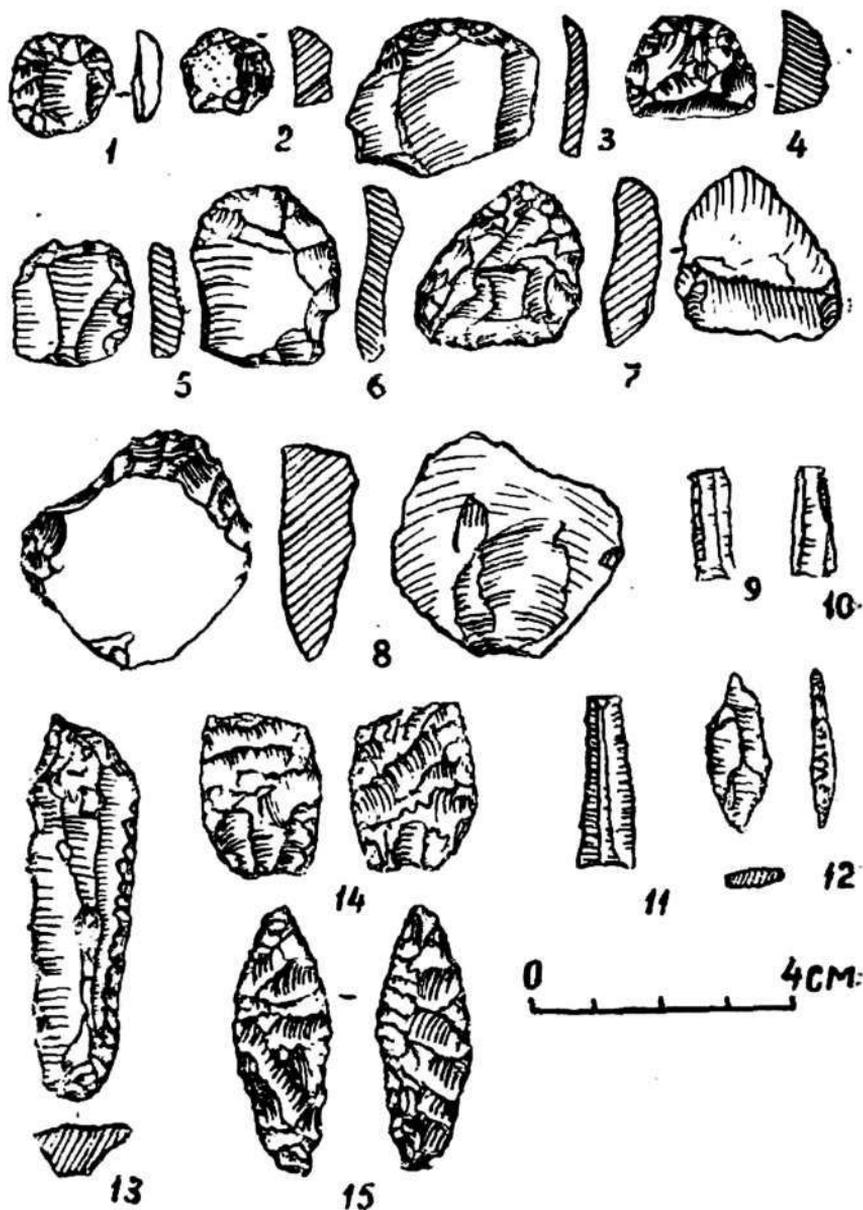

Рис. 9. Стоянка Моллакара 1: 1—8 кремневые скребки; 9—12—обработанные микролитические пластины; 13—пластина с ретушью; 14—15—наконечники стрел.

скребка, 32 обработанные ножевидные пластины, 5 наконечников стрел и 24 обработанных отщепа. (рис. 9, 1—15). Находки залегали по большей части на поверхности черного песка или не глубже 3—5 см от поверхности. Контрольные шур-

фы показали, что под пятисантиметровым слоем плотного темного песка шел стерильный желтый песок. На глубине 2.5 м встречен солончак.

Особенностью рассматриваемой стоянки было наличие орудий, изготовленных на тщательно сделанных пластинах, средних по размерам и микролитических. Орудия на отщепах сделаны также очень аккуратно. Ретушь мелкая, отжимная. Среди скребков обращают на себя внимание микролитические, концевые на пластинах и отщепах. Есть и большие по размерам скребки на пластинах и отщепах. Вкладышевые микролитические пластины затуплены ретушью по одной стороне, иногда имеют скошенный ретушью край. Из орудий на отщепах надо отметить одно небольшое изделие, выполненное в виде плоского маленького листа и напоминающее некоторые оюклинские изделия²⁸. Были встречены и более крупные пластины с ретушью. Наконечники стрел листовидные, с выемкой у основания, выполненные двухсторонней отжимной ретушью и без выемки, с черешком для насадки.

При попытке хронологического определения материала стоянки прежде всего встает проблема его однородности. Если микролитические вкладышевые пластинки и скребки, ретушированные отщепы, скребки на отщепах и наконечники стрел относятся к одному комплексу, то он должен быть датирован довольно поздним временем. Если же материал хронологически разнороден (наконечники стрел с двухсторонней обработкой и ретушированная пластина выполнены из другого кремня, чем все прочие изделия), то вкладыши — миниатюрный плоский наконечник и другие изделия можно будет отнести ко времени Юнклы, а наконечники стрел и пластину — к более поздней эпохе. Следует подчеркнуть при этом, что весь инвентарь стоянки отличен от прочих кремневых изделий, обследованных по Келькёру и Актаму стоянок²⁹. Это относится и к двусторонне обработанным наконечникам стрел и к пластине, которые выглядят совершенно иначе, чем ювелирно выполненные наконечники из черного камня других келькёрских стоянок. Зато инвентарь Моллакара I напоминает находки на Сенграджи б.

Поиски на низком покатом западном берегу Келькёра, на протяжении 1 км к югу от рассмотренной стоянки, дали незна-

²⁸ Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы, стр. 77, рис. 6, 15 и др.

²⁹ Впрочем, не следует забывать, что листовидные наконечники стрел встречены также на стоянке Джанбаскала IV (С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. II). Но такие же наконечники найдены и в I и III слоях пещеры Джебел (см.: А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 30 и 70).

чительный керамический и довольно богатый кремневый материалы (рис. 10—11). Определенных центров-стоянок установить не удалось, и собирались рассеянные вещи. Находки тянулись вдоль берега узкой полосой в 2—3 м, начинаясь в 0,5—1 м от границы берега и шора (бывшего дна озера или протока). В глубь пустыни количество находок резко сокращалось. Судя по уровню залегания находки, воды в древности в этих местах было немного — глубина озера даже в 5—10 м от берега едва ли превышала несколько десятков сантиметров.

Таблица 2

Кремневые находки на стоянке Моллакара

Виды камня	Количество изделий (шт.)	Процентное отношение ко всем находкам	Процентное отношение к обработанным кремням
Скребки	33	14	34
Накопечники стрел	5	2	5
Ножевидные пласти с ретушью	32	14	33
Отщепы с ретушью	24	10	25
Нуклеусы	2	1	2
Пластины без ретуши	41	18	—
Отщепы без ретуши	95	41	—
Всего	232		
Из них обработанных	93		
Процент обработанных кремней	41		

Находки лежали на черном крупном песке — обычной поверхности большей части стоянок. В поисках были найдены обломки венчиков лепных сосудов, черепки круговой посуды и 86 кремней. Обнаруженные в поиске обломки лепной керамики принадлежат сосудам, чрезвычайно характерным для Келькёра и постоянно сопровождающим скопления кремня. Эту керамику можно встретить как в местах, где кремневый инвентарь просто рассеян по берегам бывшего озера, так и на маленьких, строго локализованных прибрежных и межбарханных стоянках, где небольшое количество кремневых орудий сопровождается обычно черепки одного-двух разбитых сосудов. Форма этих сосудов, судя по большому числу находок, весьма единообразная, варьируют в основном размеры. Сосуды округлые, бомбовидные, с плоским дном и небольшим слегка изогнутым венчиком. Тесто плотное, серо-черное, нередко со значитель-

ными включениями песка. С наружной и внутренней стороны сосуды покрыты красной обмазкой (а может быть, окрашены). На отдельных экземплярах заметны следы заглаживания или лощения.

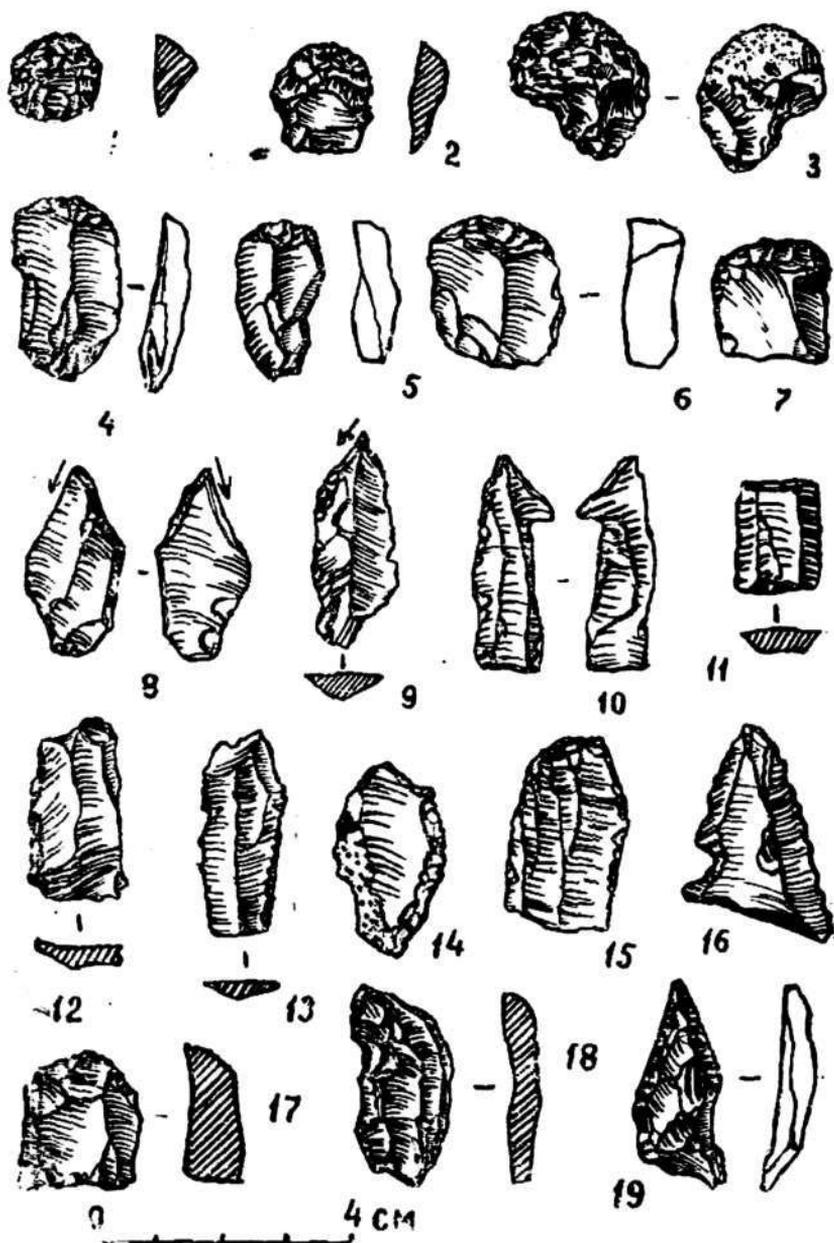

Рис. 10. Келькёр. Изделия из кремня. Понск 17-в.

Из числа кремней особенно интересна серия из 33 кремневых наконечников. Два из них крупные, грубые, возможно, употреблялись для копий или дротиков, ретушированы сколами («остроконечники»). Еще один обломок наконечника дротика выполнен более тщательно. Остальные были наконечниками стрел. Материал и техника исполнения их весьма различны. Наряду с ювелирно выполненными небольшими листовидными наконечниками из черно-серого камня, встречались и грубые. При этом надо отметить, что на многих келькёрских стоянках черно-серый кремль является основным материалом изделий, заготовок и отходов. Самые лучшие экземпляры наконечников как с выемкой у основания, так и с черенком сделаны из черного с буро-серыми крапинками камня. Два наконечника небольшие, из серого непрозрачного кремня, часто встречающейся на Келькёре и Актаме формы. Обнаружены скребки, тщательно выполненные на пластинах и отщепах, скобелли, проколки, ножевидные пластины с ретушью.

Следующие два километра маршрута, до излучины Келькёра, проведенного как по берегу, так и по шору (сухому дну древнего протока или озера) дали богатый кремневый материал и много керамики. Было замечено, что характер кремневых находок (по сорту камня и видам изделий) заметно отличался на северном отрезке маршрута от южного участка³⁰.

Собранная керамика относилась главным образом к числу описанной выше, а также средневековой³⁰. В кремневом материале поражает обилие наконечников стрел. Из общего числа (481 экз.) кремневых находок 48 являлись наконечниками стрел, то есть около 10 процентов. Большая часть наконечников была подобрана на шорах сухого русла и солончаке Келькёра.

На первом, северном участке маршрута, было найдено 42 наконечника. Большая часть их довольно грубо обработана, из желто-серого и бурого непрозрачного камня. Но отдельные экземпляры изготовлены из хорошего полупрозрачного камня и отделаны тщательной отжимной ретушью. Наконечники листовидные, с черешками, как с двухсторонней обработкой, так и с односторонней ретушью. Один из наконечников по форме и технике обработки напоминает «остроконечник» и ретуши-

³⁰ Некоторые экземпляры подобной керамики опубликованы, см.: С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 58, 61, 62, 63.

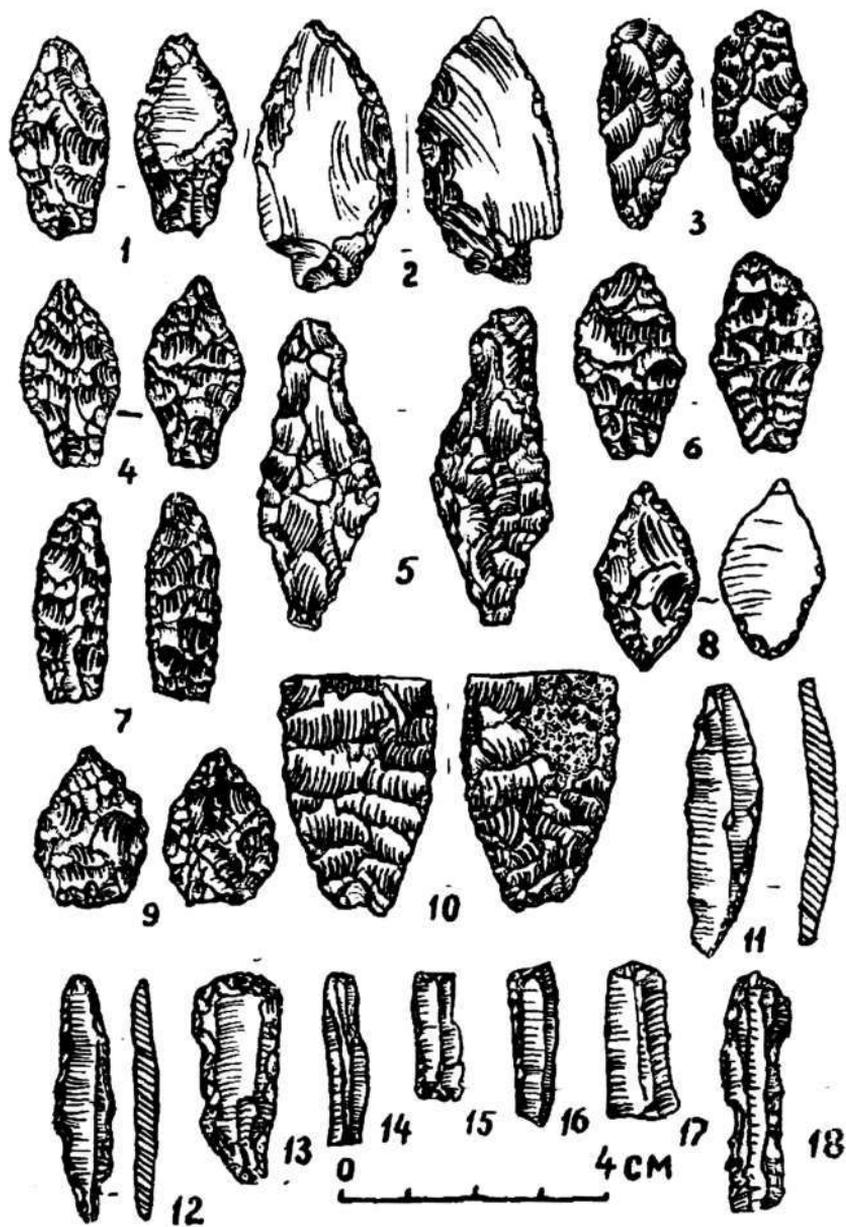

Рис. 11. Келькёр. Изделия из кремня.

рован грубыми сколами. В числе прочих находок были скребки, ретушированные пластины.

В сборах много бесформенных отщепов с ретушью — нечто вроде своеобразных скребков и скобелей, что вообще характерно для келькёрского камня.

На южной части участка находки состояли преимущественно из описанной лепной керамики — лошеной, крашеной в красный цвет и характерного для келькёрских стоянок черноватого кремня. Наконечников стрел было найдено здесь мало, в основном грубые. Встречено довольно много скребков — концевых и на отщепах, причем два из них с характерным боковым сколом. Особенно следует отметить самую распространенную группу обработанных кремней — грубые пластины и бесформенные отщепы с ретушью, составляющие наряду с тщательно выполненными наконечниками стрел наиболее типичный для Келькёра материал.

Еще один маршрут был проведен в 15 км к югу от Моллакара на западном побережье Келькёра: на шорах и выступающих над поверхностью шоров возвышенностях, бывших некогда островами. На шорах были собраны наконечники стрел, разнообразные кремневые изделия и такая же, как и в прошлых сборах, окрашенная керамика. Всего было собрано 124 кремня. Камень в основном черный с белесыми крапинками и желтоватый, непрозрачный. В числе кремней было 10 наконечников стрел как очень искусно выполненных, листовидных и ромбовидных с двусторонней обработкой, так и очень грубых, на пластинах и отщепах, с односторонней обработкой. Один наконечник копья или дротика был отретуширован сколом и напоминает «остроконечник». Возможно, что таким же наконечником был обломок еще одного изделия. *Скребки боковые и концевые. Изготовленные на отщепах, многие из них сохраняют желвачную корку. Некоторые орудия можно отнести к числу скобелей. Найдены ножевидные пластины с ретушью, некоторые вкладышевого типа, отщепы с ретушью. Весьма вероятно, что многие из отщепов — заготовки или обломанные грубые наконечники стрел. Характерно, что на многих хороших ножевидных пластинах ретуши нет, а на грубых бесформенных отщепах тщательной ретушью обработаны значительные участки. Пластины и отщепы изготовлены из одного сорта черноватого кремня и лежат по соседству. Либо это особенность инвентаря временного охотничьего лагеря, либо это было время, когда старая техника изготовления орудий на пластинах уже начала изживаться и на пластинах делались только особо хорошие наконечники. Наконец,*

возможно, мы имеем здесь дело с определенной традицией.

Одно орудие в виде отбойничка или рубильца, изготовленное сколами на гальке кремнистого известняка, находит аналогии в изделии из урочища Джойрук.

Интересные наблюдения позволили сделать анализ кремневых орудий из сборов подъемного материала на западном побережье Келькёра в 1962 году, прежде всего относительно наконечников стрел. Еще в старых сборах было замечено, что, наряду с большим числом двусторонне обработанных наконечников, не меньшее количество выполнено на грубых плоских отщепах — чешуйках, с крутой затупляющей ретушью по острым краям. У некоторых наконечников такой же ретушью слегка намечен черешок—симметричный или асимметричный. Взятые изолированно, эти наконечники стрел могли бы рассматриваться как очень древние, ранненеолитические. Такой вывод позволяла сделать форма изделий и характер ретуши. Но найденные вместе с листовидными и ромбовидными двусторонне обработанными и выполненными из того же черного, с белыми крапинками кремня, они, безусловно, синхронны им и принадлежали тем же охотникам. По всей вероятности, такие наконечники делались во временных охотничьих лагерях, когда надо было спешно изготовить оружие.

Очевидно, к неолитическому времени может быть отнесена стоянка Моллакара 1, во всяком случае часть ее инвентаря. Как отмечалось выше, материал стоянки обнаруживает известное сходство с находками из стоянки Сенграаджи 6, IV—V слоев пещеры Джебел и с Оюклы. Можно найти и некоторые более южные аналогии. Так, округлые скребки, скребки на отщепах, ретушированные отщепы и некоторые другие орудия напоминают верхненатуфийские изделия из Мугарет эль-Вад³¹. Однако отсутствие сходства в комплексе, как и в других случаях, не позволяет глубоко заходить в область аналогий.

Для прочих многочисленных кремневых находок из стоянок Келькёра характерны некоторые общие черты. Это прежде всего исключительно большое количество наконечников стрел, находки на каждой стоянке, за исключением Моллакара 1, «остроконечников», преобладание изделий на отщепах, причем довольно грубых (во многих случаях ретушь наносилась на совершенно бесформенные отщепы), вместе с тем обнаружено большое количество очень правильных ножевидных пластин

³¹ D. A. E. Garrod, D. M. A. Bate. The Age of Mount Carmel, v. 1, pl. 8, 9.

Кремневый подъемный материал из сборов по Келькеру,
устью Узбоя и Актаму

Виды камня	Поиск 17-в	Поиск 17-г	Поиск 17-д	Поиск 17-е, ж
Концевые скребки на пластинах	6	1	—	—
Скребки на отщепях	—	—	32	22
Высокие скребки	1	50	—	—
Боковые скребки	6	—	—	—
Скобели	2	17	8	6
Наконечники стрел	33	42	6	10
Наконечники копий и дротиков	—	—	—	2
Остроконечники	—	—	—	1
Проколки	1	2	—	—
Обработанные ножевидные пластины	4	94	27	10
Микролитические пластины с ретушью	—	2	—	8
Отщепы с ретушью	1	19	—	29
Нуклеусы	—	6	2	—
Ножевидные пластины без ретуши	28	129	33	20
Отщепы	4	3	8	16
Всего кремней	86	367	116	124
Из них обработанных	54	235	75	88

без следов дополнительной обработки. Как уже говорилось выше, можно предположить, что пластины шли исключительно на изготовление наконечников стрел и дротиков. Ассортимент орудий на стоянках беден. За исключением наконечников стрел, прочие изделия обработаны грубо, ретушь небрежная. Среди наконечников стрел, наряду с экземплярами с выемкой в основании, многие имеют хорошо выраженный черешок и двусторонне обработаны. Для всех рассматриваемых стоянок характерны орудия и отщепы из черного с серыми крапинками камня, не встреченного ни на Нижнем Узбое, ни в Северобалханской степи, но частого в слоях гротов Джебел и Дам-Дам чешме 2. У келькерских находок вообще много сходства с джебелским материалом, прежде всего в стрелах: подтреугольными, с выемками из первого слоя³², листовидными и миндалевидными³³. Обращает внимание сходство грубых пластин и отщепов с ретушью из 1—3 слоев Джебела и келькерских. Сходство прослеживается и с более глубокими слоями грота, в частности с 4 слоем³⁴. Аналогии кремневым орудиям

³² А. П. Окладников. Пещера Джебел, стр. 30, рис. 2.

³³ Там же, стр. 70.

³⁴ Там же, стр. 88, 165, 170, 172, 175.

ям Келькёра можно найти также на многих памятниках земледельческой полосы Передней и Средней Азии. Обилие наконечников стрел в слое Гиссар 3 отмечает Е. Шмидт. Сопоставление келькёрских и гиссарских наконечников обнаруживает их большое сходство³⁵. Большое количество наконечников стрел наблюдается в культурных слоях Анау III³⁶. Стрелы, схожие с келькёрскими наконечниками, найдены в слоях хананейского времени Иерихона³⁷.

Келькёрские микролитические пластины с ретушью, сходные с оюклинскими и Моллакара I, относятся, по-видимому, к более раннему времени, чем комплекс, включающий изделия из черного и коричневого непрозрачного кремня: «остроконечники», грубо ретушированные пластины и отщепы, листовидные и подтреугольные наконечники стрел.

Как отмечалось выше, в настоящей работе не ставилась задача обобщения всех имеющихся по Прибалханью археологических данных, касающихся эпохи камня. В связи с этим рассмотренные выше материалы позволяют сделать только сравнительно ограниченные выводы.

Самые древние из обследованных стоянок, с мезолитическими чертами в кремневом инвентаре, не сопровождавшемся керамикой, были обнаружены в северобалханской возвышенной подгорной полосе, в Дашарвате и Каранлеме. Мезолитический облик имеют также кремни из стоянки Сенграджи I.

Памятники эпохи неолита представлены в рассматриваемой области довольно широко. Это стоянки в Восточном Прибалханье: Чалой I и 2; Ишмек, Сенграджи 2—7; в Северобалханье: Янкуи, Аккуи, Гезлиата и др. и по берегам Келькёра (Моллакара I). сходные, как отмечалось выше, по многим чертам кремневого инвентаря со стоянками по Среднему и Верхнему Узбою. По большей части они могут быть отнесены к кругу прикаспийских неолитических культур, существовавших, как это видно из материалов раскопок гротов Джебел и Дам-Дам чешме 2, а также Оюклы, в нескольких своеобразных вариантах.

Рассмотренные выше археологические материалы позволяют высказать суждение по поводу выдвигавшегося в литературе предположения о существовании на Узбое в неолите двух

³⁵ E. F. Schmidt, Excavations at Tepe Hissaz, Damghan, Philadelphia, 1937, XIII, 1800 и сл.

³⁶ H. Schmidt, Archaeological Excavations in Anau and old Merv. Expl. in Turkestan. Washington, 1908, v. I, p. 166.

³⁷ Annals of Archaeology and Anthropology, 24, т. 6, В. 2.

локальных культур—«верхнеузбойской» и «нижнеузбойской»³⁸. При этом было высказано мнение, что «верхнеузбойская» культура характеризовалась микролитондными скребками, скобелями, пластинами с затупленными спинками, с выемками, одношипными наконечниками стрел³⁹. Однако перечисленные виды изделий, за исключением наконечников стрел, с асимметричной выемкой, характерны не только для Верхнего Узбоя, но и для цеолитических стоянок Прибалхэнья, Нижнего Узбоя и Келькёра, что позволяет относить этот комплекс не только к Верхнему Узбою, но и ко всему Узбою и Прибалханью в целом. Впрочем, из сопоставления подъемного узбойского материала с находками из неолитических слоев Джебела, Дам-Дам чешме 2, Оюклы, видно, что в рассматриваемой области в неолите существовали различные культурные типы, в той или иной степени с верхнеузбойскими» чертами.

Ведущими признаками «нижнеузбойской» культуры называются «...очень крупные и высокие подпрямоугольные скребки, меньших размеров подтреугольные скребки на отщепах и очень архаического типа остроконечники, видимо, использовавшиеся в качестве наконечников стрел и дротиков»⁴⁰. Нельзя однако согласиться, что этот комплекс кремневых изделий характерен именно для Нижнего Узбоя. Интересно рассмотреть данные статистики и географического размещения «остроконечников» и крупных грубых скребков в находках от Амударьи и до устья Узбоя⁴¹.

Хорезмский оазис: Джанбас-кала, 4 «остроконечника».

Верхний Узбой: Талайзан-ата, «остроконечник», крупный грубый скребок⁴².

Средний Узбой: Тотолак (стоянка 110), «остроконечник», крупный скребок⁴³.

Нижний Узбой: Джойрук, 3 «остроконечника» и крупные грубые скребки; Каланкуи, 1 «остроконечник» и крупные гру-

³⁸ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 39.

³⁹ Там же, стр. 44.

⁴⁰ Там же, стр. 39.

⁴¹ В литературе отсутствуют точные указания, сколько найдено «остроконечников» по Верхнему и Нижнему Узбою. Поэтому только перечисляются пункты, где были сделаны находки.

⁴² М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, стр. 304, рис. 2, 16.

⁴³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 42.

бые скребки; Кызпара и Чалой, 2, орудия, напоминающие «остроконечники», крупных грубых скребков нет.

Северобалханье: Оюкы 3, 1 «острокопечник», крупные грубые скребки.

Келькёр: подъемный материал, «остроконечники», крупных высоких скребков нет.

Перечисленные данные показывают, что Нижний Узбой отнюдь не является специфической областью распространения «остроконечников» и крупных грубых скребков, которые, пожалуй, более характерны для южных границ долины Среднего Узбая и Прибалханья. Нет этого кремневого комплекса и в неолитических слоях грота Дам-Дам чешме 2, расположенного в области Нижнего Узбая.

Нельзя согласиться и с датировкой кремневого комплекса, положенного в основу «нижнеузбойской» культуры, как неолитического. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, надо коротко остановиться на некоторых описанных выше памятниках. Уже упоминалась стоянка Оюкы 3, где вместе с украшенной «метельчатым» и гребенчатым «шнуровидным» орнаментом керамикой, были найдены крупные грубые скребки на отщелах, «остроконечники», миндалевидный наконечник стрелы со слабо выраженным черешком и другие изделия. Аналогии материалу Оюкы 3 можно найти в инвентаре стоянки Кугенек, где схожие наконечники стрел сопровождаются керамикой. Стоянка датируется временем бронзы⁴¹. Отмечались также находки близ урочища Джойрук и Каланкуи, где в россыпях находок керамику с «метельчатым» и «шнуровидным» орнаментом сопровождал тот же, что и в Оюкы 3, комплекс кремневых изделий и, в частности крупные грубые скребки и «остроконечник». Все эти факты позволяют предположить, что рассматриваемый комплекс кремневых орудий характерен не только для Нижнего Узбая, а для значительно более широкой области, и хронологически относится не к неолитическому времени, а к эпохе бронзы.

Представляется вероятным, что в Прибалханье и по Нижнему Узбою, где памятники тазабагъябского типа не встречаются, в эпоху бронзы бытовала самостоятельная культура, для которой характерны керамика с «метельчатым», гребенчатым «шнуровидным» орнаментом и грубые кремневые изделия, которые включали крупные скребки, «остроконечники» и другие

⁴¹ М. А. И т и н а. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбая, стр. 276, рис. б. 1—15, стр. 277.

предметы. Условно этот археологический комплекс можно назвать «балханским». Весьма вероятно, что этот культурный тип имел распространение и на Среднем, и на Верхнем Узбое, где граничил с памятниками тазабагъябского типа.

G. E. Markov

THE MATERIAL TO THE STONE AGE IN PRIBALKHAN'YE

In 1957—1960 the Turkmen archaeological-ethnographic expedition, organised by the Moscow State University and the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, has accomplished some excavations in Pribalkhan'ye and the Chilmamedkumy southern territories to obtain the material to the Stone Age.

The article gives a description of the findings discovered in the course of excavations.

Among the discovered settlements the most ancient ones refer to the mesolithic period, the rest are of the neolithic age.

As evidenced from the specific complex of archaeological findings, conditionally called «Balkhan Complex», at the Bronze Age the territories of Pribalkhan'ye and Low Uzboy had independent culture.

О. БЕРДЫЕВ

ЧОПАН-ДЕПЕ — ПАМЯТНИК НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ДЖЕЙТУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Неолитическая джейтунская культура занимает важное место в первобытной истории Туркменистана и поэтому за последние годы все больше привлекает внимание археологов нашей страны. В течение послевоенных лет, в связи с широко развернувшимся изучением археологических памятников Туркменистана, количество неолитических местонахождений, известных на территории предгорий Копетдага, значительно возросло.

Хотя в секторе археологии Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР и Музее истории республики накопился довольно большой археологический материал из разных памятников джейтунской культуры, до сих пор остаются или совершенно не опубликованными, или опубликованы лишь выборочные вещи. Поэтому каждый новый памятник, вводимый в научный оборот, может стать источником для выяснения тех или иных вопросов истории культуры племен и народов, населявших подгорную полосу в неолитическое время.

В данной статье мы решили ввести в научный оборот все материалы с интереснейшего памятника неолитической джейтунской культуры — поселения Чопан-депе.

Поселение Чопан-депе, обнаруженное в 1952 году А. А. Марущенко, находится в 7,5 км к востоку от Геок-депе. В начале 1953 года А. А. Марущенко заложил на нем шурф размером 2×2 м, доведенный до глубины 80 см, что позволило уточнить возраст самого поселения¹.

В 1953 году С. А. Ершовым на вершине холма был заложен стратиграфический шурф, размером 4×4 м, вышедший на

¹ Материалы находятся в секторе археологии.

«материк» на площади в 4 м². Выемка земли и отбор материалов производился по ярусам (50 см). Общая толщина культурных слоев немного превышала 6 м. С. А. Ершов подразделил ее на три слоя. Основанием для выделения каждого слоя являлись так называемые глинобитные прослойки. Эти «прослойки» С. А. Ершов считал нивелировочными площадками, на которых будто бы возводились жилые постройки, легкого (каркасного) типа². По мнению С. А. Ершова, обитатели селища еще не строили глинобитных строений. Однако глинобитные постройки в поселении Чопан-депе были обнаружены позднее В. М. Массоном⁴.

В 1957 году раскопки С. А. Ершова на Чопан-депе были продолжены в более крупном масштабе⁵. Для выяснения стратиграфии С. А. Ершовым были заложены два шурфа — один в северо-восточной части холма, размером 6×4 м, второй в виде небольшой траншеи, размером 4×1 м, на небольшой возвышенности, примыкающей к холму с западной стороны. С целью выяснения типа планировки поселения в центральной возвышенной части холма (около стратиграфического шурфа 1953 года) был заложен раскоп размером 20×20 м, который был назван «центральным». Стратиграфический шурф был доведен до глубины 6,55 м, траншея — до 1 м, а раскоп — от 1 до 1,65 м.

Раскопки С. А. Ершова в 1957 году дали более подробную стратиграфию и довольно большой вещевой материал, характеризующий 7 периодов в существовании поселения.

В 1958 году С. А. Ершов продолжал вскрытие верхнего слоя поселения Чопан-депе⁶. Им была заложена траншея размером 36×6 м от центрального раскопа на соединение с северо-восточным шурфом, по длинной оси холма. Вторая траншея, размером 30×3 м, заложена к северо-западу от первого, вскрыла дополнительную площадь в центральной части холма.

Стены домов верхнего горизонта плохо сохранились из-за сильной зашоренности холма, что не позволило С. А. Ершову

² С. А. Ершов. Холм Чопан-депе. ТИИАЭ АН ТССР, т. 2, Ашхабад, 1956, стр. 11—23.

³ Там же, стр. 15.

⁴ В. М. Массон. Изучение анауских культур в 1956 году. КСИИМК, № 73. М., 1959, стр. 71.

⁵ Отчет С. А. Ершова о раскопках Чопан-депе в 1957 году хранится в секторе археологии Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР.

⁶ Отчет и дневник С. А. Ершова хранятся в секторе археологии Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР.

выявить хотя бы один жилой дом. Так, например, в первой траншее были обнаружены очаги прямоугольной и овальной формы, диаметром 90×100 см. Подобные очаги характерны для жилых помещений Джейтуна и Чагыллы-депе. Во втором раскопе встречены стены помещений, сложенные из батообразных кирпичей, размером 55×15—20×10 см и аналогичные тем, из которых строились дома на таких синхронных памятниках, как Джейтун⁷, Тоголок-депе⁸, Бами⁹, Чагыллы-депе¹⁰. На Чопан-депе также обнаружена стена длиной более 6 м, толщиной 20 см, при сохранившейся высоте 35 см. В некоторых случаях стены сохранились до высоты 70 см.

Во время раскопок поселения Чопан-депе в 1957 году на различных уровнях было обнаружено 4 погребения¹¹. Два из них оказались синхронными верхнему слою поселения. В результате сильной засоленности грунта С. А. Ершову не удалось установить некоторые принципиально важные факты. Так, например, в отчете С. А. Ершова не описываются типы погребальных ям и даже их размеры.

С целью получения дополнительных данных для характеристики погребального обряда обитателей холма и получения краниологического материала, А. А. Марущенко в 1959 году произвел дополнительные раскопки на этом памятнике и обнаружил 5 детских погребений и 1 погребение подростка, сохранность которых была очень плохая¹². Из-за зашоренности верхнего слоя ему также не удалось установить формы погребальных сооружений. Из 6 погребений удалось взять череп только один, который был передан Т. А. Трофимовой для определения и реставрации.

Такова вкратце история изучения поселения Чопан-депе. Но, к сожалению, раскопки последних лет полностью не изданы, напечатана лишь статья С. А. Ершова о результатах раскопок 1953 года на холме Чопан-депе в виде предварительного сообщения. Некоторые сведения о Чопан-депе имеются в рабо-

⁷ В. М. Массон. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1961.

⁸ О. Бердыев. Стратиграфия Тоголок-депе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, № 3.

⁹ Он же. Стратиграфия Баминского поселения. СА, 1963, № 4, стр. 188.

¹⁰ Он же. Чагыллы-депе. ИАН ТССР (серия общественных наук), 1964, № 1, стр. 89—95.

¹¹ Отчет С. А. Ершова о раскопках на Чопан-депе в 1957 году.

¹² Краткий отчет А. А. Марущенко о раскопках на Чопан-депе в 1959 году.

тах Б. А. Куфтина¹³, В. М. Массона¹⁴, А. А. Марущенко¹⁵, Д. Дурдыева¹⁶. Сейчас назрела необходимость ввести в научный оборот все материалы в полном объеме и на основе их изучения показать, насколько это представится возможным, пути развития историко-культурных и социально-экономических отношений племен подгорной равнины Южного Туркменистана.

Данные, позволяющие в известной мере судить о былой планировке поселения и типе его построек, были получены во время раскопок 1957 года (рис. 1). В южной части, на площади 216 м², раскоп был доведен до уровня полов первого сверху строительного горизонта. На этой площади было обнаружено несколько отдельных помещений небольших размеров и три больших очага.

Стены помещения № 1, находящегося в юго-западном углу раскопа, имели толщину в 45 см и были возведены, по мнению С. А. Ершова, из пахсы (битой глины). Из-за зашоренности верхнего слоя стены оказались плохой сохранности, однако по аналогии с другими памятниками можно предполагать, что они были построены из батонообразных кирпичей, что осталось незамеченным С. А. Ершовым. Это подтвердилось при вторичной зачистке стен этого горизонта В. М. Массоном и И. Н. Хлопиным¹⁷.

На стенах с внешней стороны помещения № 1 сохранилась глиняная штукатурка в три слоя с примесью соломы. Пол состоял из зольной промазки с примесью алебаstra толщиной в 5 см. Размер помещения — 2,2×2,3 м. При расчистке, около

¹³ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинного, оседло-земледельческого поселения эпохи меди и бронзы в 1952 г. ТЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 260—291.

¹⁴ В. М. Массон. Джейтунская культура, стр. 63—66.

¹⁵ А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 года Института ИАЭ АН ТССР. ТИИАЭ АН ТССР, т. II. Ашхабад, 1956, стр. 5—10.

¹⁶ Д. Дурдыев. Итоги полевых работ сектора археологии Института ИАЭ АН ТССР 1954—1957 гг. ТИИАЭ АН ТССР, т. V. Ашхабад, 1959.

Находясь под впечатлением ошибочной точки зрения С. А. Ершова, Д. Дурдыев пишет, что незавершившийся еще переход обитателей холма от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству характеризовался полуседлостью их жизни с сезонным возвратом на место избранного поселения (стр. 8). Однако остатки строений из батонообразных протокирпичей и 6,5-метровой толщи культурных напластований не оставляют сомнения в том, что обитатели Чопан-депе были оседлыми земледельцами и скотоводами.

¹⁷ В. М. Массон. Изучение анауских культур в 1956 г., стр. 71.

юго-западной стенки, был найден пестик торпедообразной формы из песчаника, а на полу в западном углу — дверной подпятник.

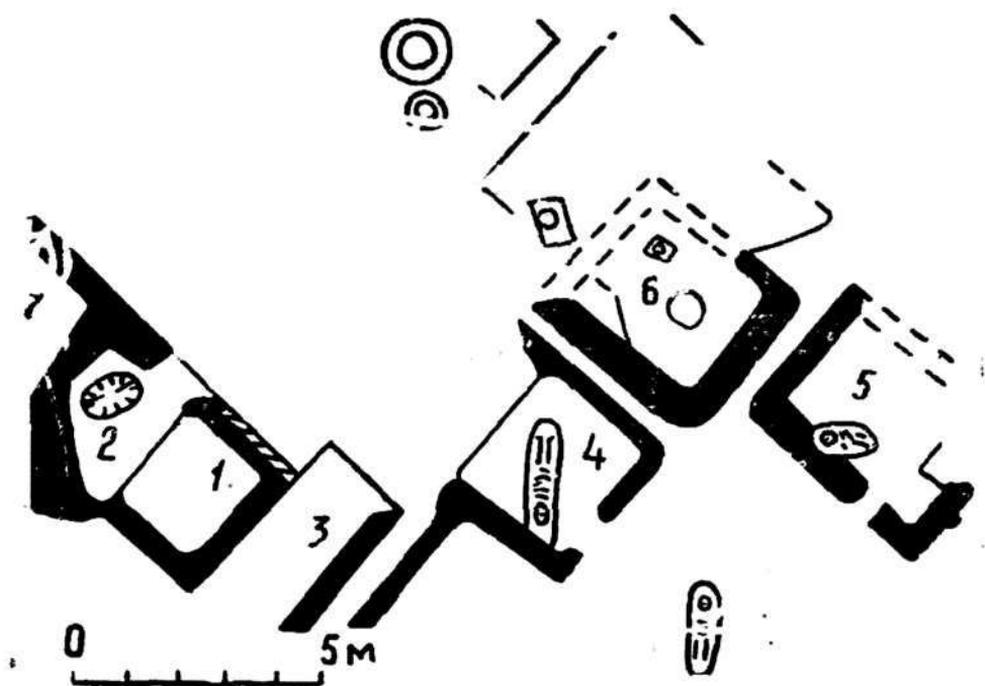

Рис. 1. Чопан-депе. План раскопа 1957 года.

С северо-западной стороны к помещению № 1 примыкает жилой дом № 2. Из-за плохой сохранности стен С. А. Ершову не удалось уточнить планировку и размеры этого помещения, в центре которого находился очаг овальной формы размером 120×110 см. Стенки очага сильно прокалены от длительного воздействия огня. Внутри он заложен золой и наносным песком. При расчистке помещения найдено всего шесть фрагментов красноглиняной керамики, типичной для верхнего слоя Чопан-депе, и несколько кремневых отщепов.

С северо-западной стороны к помещению № 2 примыкает строение (№ 7), видимо, имевшее какое-то хозяйственное назначение, южная и западная стены которого расчищены не были.

К юго-западу от помещения № 1 обнаружены остатки стен, характер которых остался не определенным.

Помещение № 4, размером $2,5 \times 2,8$ м, имеет толщину стен 30 см. В юго-восточной стене, ближе к южному углу, находят-

ся вход шириной 90 см. Пол этого помещения покрыт глиняной обмазкой с примесью крупнорубленной соломы. При расчистке дома в завале и на полу найден многочисленный хозяйственный инвентарь. Судя по находкам, указанное помещение, видимо, являлось жилым.

К востоку от этого дома (№ 4) расположено помещение № 5, размером 3,5×2,4 м, толщина стен 40 см. В южном углу юго-западной стенки находится вход шириной 80 см. Северо-западная, юго-западная и часть юго-восточной стены сохранились на высоту от 3 до 40 см; северо-восточная стена до конца не расчищена. Пол помещения состоит из глиняной обмазки толщиной в 5 см. Внутренность дома так же, как и помещение № 4, заполнена обгоревшей землей с примесью золы. При расчистке у юго-восточной стены обнаружено небольшое глиняное возвышение шириной в 70 см, служившее суфой. Судя по планировке и находкам, описываемое помещение, очевидно, имело жилое назначение.

К северу от помещений № 4 и 5 находится жилой дом № 6. Стены толщиной 50 см, высотой от 5 до 30 см сохранились только в южной части, северная стена была разрушена при рытье поздних ям. Это помещение отделено от двух предыдущих (№ 4 и 5) узкими проходами, шириной в 50 см, заполненными надувным песком и золой.

Помимо описанных выше шести помещений, в квадрате Е-59 были обнаружены два расположенные рядом, округлые в плане очага, в виде углублений, которые сохранились до глубины 15 см, диаметр одного очага — 80 см, другого — 110 см. Стенки очагов с внутренней стороны прокалены докрасна в результате длительного воздействия огня. У малого очага обнаружен кусок керамического шлака¹⁸.

Подобные очаги были обнаружены в квадратах 62 и 51, которые сохранили остатки стен. Не исключено, что они связаны с жилыми домами, планировка которых осталась невыясненной.

Как отмечалось выше, в шурфе 1953 года культурные слои Чопан-депе были разделены С. А. Ершовым на 3 мощных горизонта. К первому слою сверху он относит I—V ярусы, ко второму — VI—IX и к третьему — X—XIII ярусы¹⁹. Для уточнения стратиграфии Чопан-депе в 1957 году С. А. Ершовым был заложен второй шурф в северной части холма, в котором ему удалось выявить 7 строительных горизонтов. Так как резуль-

¹⁸ Отчет С. А. Ершова о раскопках поселения Чопан-депе в 1967 году.

¹⁹ С. А. Ершов, холм Чопан-депе, стр. 13.

таты этого шурфа все еще остаются неопубликованными, то мы сочли необходимым дать более подробную его характеристику.

Для удобства изложения напластований описание строительных горизонтов дается снизу вверх. Самый нижний, первый строительный горизонт, сохранил пол в виде алебастровой промазки толщиной в 5 см, лежавший на чистом песчаном грунте, который был прорезан на глубине 25 см. На этой глубине шурф был закончен. Культурный слой первого горизонта состоит из суглинка средней плотности, с включением кусков батонообразных кирпичей, из которых строились дома на Джейтуне²⁰, Бами²¹ и Чагыллы-депе²². Видимо, уже первые поселения Чопан-депе строили дома, аналогичные тем, которые раскопаны на поселении Джейтуна.

Второй строительный горизонт отделяется от первого забутовкой, состоящей из глины, с примесью мелкорубленной соломы. Выше забутовки, в юго-восточной части шурфа, обнаружен пол дома, покрытый алебастровой промазкой толщиной в 5 см. Культурный слой второго комплекса состоит из строительного завала средней плотности с включением мусорных отбросов.

Между вторым и третьим строительным горизонтом находится забутованный слой толщиной в 32 см, в котором отмечаются три уровня полов, состоящих из алебастровой промазки, нанесенной поверх глины. Толщина алебастровых промазок около 5 см. Толщина глинобитного слоя под первой (верхней) алебастровой промазкой 2 см, под второй — 8 см. Все три пола имеют выкружку в месте перехода к стенам. Сами стены построены из батонообразных кирпичей. Выше третьего строительного горизонта залегает забутовка толщиной 50 см, над которой расчищена стена помещения 4 комплекса, сложенная из батонообразных кирпичей. Стена сохранилась на высоту 23 см, толщина ее вместе со штукатуркой 27 см. В этом комплексе так же, как и в третьем, обнаружено три пола, состоящих из алебастровой промазки. Они также имеют выкружку при переходе к стенке. Между полами имеются глиняные прослойки. Под первым полом (сверху) глиняная прослойка имеет толщину 15 см, а под вторым — 5 см.

Между четвертым и пятым строительным горизонтом залегает забутовка толщиной 33 см, состоящая из глины, с примесью самана. Пятый строительный комплекс сохранил два

²⁰ В. М. Массон. Джейтунская культура, стр. 41.

²¹ О. К. Бердыев Стратиграфия Баминского поселения, стр. 188.

²² Он же. Чагыллы-депе, стр. 89.

пола, толщиной по 1,5 см каждый, имеющие выкружку на стенку. Стены, сохранившиеся на высоту 33 см, толщиной 27 см, обнаружены в восточном углу шурфа. Структура обоих полов аналогична предыдущим. Культурный слой этого горизонта состоит из рыхлого завала с включением кусков батонообразных кирпичей, мусорных остатков и зольных линз.

Выше пятого строительного горизонта имеется глиняная забутовка толщиной 28 см, над которой залегает пол постройки шестого строительного комплекса. На полу толщиной 16 см залегал слой из обломков глиняных сосудов и строительного мусора.

В самом верхнем седьмом строительном горизонте шурф прорезал угол помещения. Стена, высотой в 70 см, выложена из сырцовых батонообразных кирпичей. Пол находился на глубине 1,25 м от дневной поверхности холма. Этот горизонт заполнен довольно рыхлым слоем золы вперемешку с песком и строительным мусором.

Остановимся на характеристике вещевого материала, полученного в ходе раскопок Чопан-депе.

С поверхности памятника и из раскопов на поселении Чопан-депе был собран большой археологический материал, среди которого в количественном отношении одно из основных мест занимает керамика. В тесте сосудов имеется большая примесь мелкорубленой соломы, которая хорошо видна в изломе. Вся глиняная посуда, как и в других поселениях, изготовлена ручным способом — ленточной техникой. Керамика из всех строительных горизонтов и ярусов относится к неолитической джейтунской культуре, которая делится на два периода. Первый период в свою очередь делится на два этапа (Чопан 1-А и -Б). Этап 1-А связан с XII—X ярусами шурфа 1953 года и тремя нижними строительными горизонтами шурфа 1957 года, а к этапу 1-Б мы относим IX—VII ярусы шурфа на вершине холма 1953 года и 4—5 строительные горизонты северного шурфа 1957 года. Второй поздний период (Чопан 2) связан с VI—I ярусами шурфа на вершине холма и 6—7 строительными горизонтами северного шурфа.

Керамика Чопан 1-А. Керамический материал из нижних слоев поселения может быть подразделен предварительно на две формы — корчаги и чаши.

К о р ч а г и — сосуды с прямыми стенками, которые в нижней части сосуда наклонно переходят к плоскому дну. Ребро, отделяющее стенку от подкошенной части, в большинстве случаев сглаженное (табл. II, 27), хотя изредка встречается остросереберный переход (табл. I, 28). У большинства сосудов этой

формы венчики приостренные и прямые (табл. I, 21). В редких случаях встречаются венчики, отогнутые наружу (табл. I, 10). Некоторые цилиндрические корчаги имеют утолщенный венчик, внешний край которого слегка отогнут наружу (табл. I, 29). Имеются сосуды такой же формы с суживающимся вверху туловом. В большинстве корчаги толстостенные, черепок их пористый. Эти сосуды, судя по размерам, видимо, предназначались для хранения запасов продуктов питания.

Корчаги имели светлый фон и расписывались красной краской. Мотивы росписи на корчагах, как и на Джейтуне, представлены двумя вариантами: а) волнистая или струйчатая роспись, состоящая из волнистых, вертикальных линий, свободно пущенных по гладкому фону (табл. I, 21, 26), а в некоторых случаях полосы переплетаются друг с другом (табл. I, 18, 27); 2) скобчатый орнамент, состоящий из горизонтальных рядов, вертикально поставленных скобочек (табл. I, 22).

Ч а ш и являются одной из распространенных форм сосудов. Они подразделяются на большие толстостенные чаши грубой выделки, по-видимому, служившие для хранения запасов пищи, и на небольшие тонкостенные чаши, использовавшиеся в качестве столовой посуды. Следует подчеркнуть сравнительно высокое качество изготовления тонкостенных сосудов. Наиболее характерными разновидностями этой формы являются плоскодонные чаши с прямым или слегка отогнутым наружу краем. Они различаются по профилировке и размерам и в какой-то степени напоминают современную пиалу Средней Азии (табл. I, 15). Есть и широкие чаши с прямым венчиком, резко сужающимся книзу стенками (табл. I, 11). Поверхность чаш, как и у корчаг, имела светлый фон. В большинстве они нерасписанные, но встречаются фрагменты с орнаментом в виде вертикальных волнистых линий (табл. I, 24, 25; табл. II, 23), что характерно для чаш Джейтуна²³.

Керамика Чопан I-Б. Как отмечалось выше, в пору Чопан I-А сосуды в основном имели светлый фон, но теперь появляются сосуды с красным фоном, украшенные росписью коричневой краской.

Корчаги сохраняют прежние формы. В период Чопан I-Б наблюдаются некоторые изменения в орнаментальных мотивах. Появляется роспись в виде частых вертикальных линий, с редкими горизонтальными перехватами (табл. II, 26). Этот орнамент является закономерным развитием ряда вертикальных дуг (скобочек) в сторону схематизации²⁴. Превра-

²³ В. М. Массон. Джейтульская культура, стр. 61.

²⁴ Там же, стр. 62.

щение росписи вертикальных рядов скобочек в вертикальные линии с горизонтальным перехватом хорошо наблюдается на нескольких фрагментах, обнаруженных в слое Чопан I-Б (табл. I, 20). У большинства корчаг по ребру, с которого начинался перегиб, проведена широкая полоса и расписана только верхняя часть (табл. I, 4). Лишь на одной корчаге имелся орнамент в виде вертикальных линий, идущих ниже ребра, с которого начинается перегиб к придонной части (табл. II, 20).

Имеется экземпляр корчаги, стенки которой сплошь покрыты орнаментом. По верхней половине нанесена роспись в виде вертикальных линий, а в нижней — горизонтальные линии, пересекающиеся вертикальной чертой (табл. I, 6). Однако основным орнаментальным мотивом остаются вертикальные, волнистые или струйчатые линии (табл. I, 13; табл. II, 25; табл. III, 13, 17, 22), а также горизонтальные ряды вертикально расположенных скобочек (табл. I, 7, 19; табл. III, 18, 24).

Ч а ш и. Многие чаши имеют приостренный венчик и прямые стенки, плавно изгибающиеся в сторону дна. Большинство имеет красный фон, но встречаются чаши и со светлым фоном, которые расписаны темно-коричневой краской. Основным орнаментальным мотивом чаш являются прямые, вертикальные линии и параллельно-горизонтальные линии (табл. II, 17). Стенки глубоких чаш с внешней стороны опоясывались горизонтальными, параллельными линиями. В слое Чопан I-Б изредка встречаются чаши с орнаментом в виде волнистых вертикальных полос, свободно пущенных по гладкому фону.

М и с к и. Они имеют низкие, открытые, резко суживающиеся книзу стенки и плоское дно. Встречаются миски конической формы, являющиеся, видимо, разновидностью аналогичных чаш, но отличающихся от последних лишь значительно большими размерами (табл. V, 12). Все они изготовлялись из красной глины и расписывались темно-коричневой краской как снаружи, так и с внутренней стороны. Поверхность мисок с внешней стороны в основном покрыта орнаментом из вертикальных прямых линий, а с внутренней — из горизонтальных. Есть миски вообще неорнаментированные.

С о с у д ы б а н о ч н о й ф о р м ы небольшие по размеру, с прямыми, высокими стенками, заостренным венчиком и плоским дном. У некоторых из этих сосудов венчики совершенно прямые, у других несколько отогнуты наружу (табл. I, 5). Подобные сосуды изготовлялись в основном из красной глины и не украшались росписью.

Керамика Чопан 2. Корчаги. В слое Чопан 2 увеличивается количество разновидностей форм корчаг (табл. V, 1, 4)

и мотивов их орнаментации. Почти все сосуды сделаны из красной глины и покрыты лощением. Светлофонные фрагменты встречены лишь в единичных случаях. Роспись наносилась краской темно-коричневого цвета. Самым массовым орнаментальным мотивом являются частые прямые, вертикальные линии, перехваченные редкими широкими горизонтальными лентами (табл. III, 1; табл. IV, 6—7, 9—11) и частые горизонтальные полосы с редкой вертикальной чертой (табл. II, 16; табл. IV, 5). На одной довольно большой корчаге, по ребру которой начинается перегиб к придонной части, нанесена широкая полоса, а выше идет орнамент в виде прямых вертикальных линий. Ниже этой полосы нанесены частые тонкие горизонтальные линии, пересеченные редкими, более толстыми вертикальными полосами (табл. IV, 2). Имеются фрагменты стенки с двумя перегибами, подчеркнутыми широкими полосами, между которыми нарисованы прямые вертикальные линии (табл. IV, 1). Другой обломок стенки небольшой корчаги покрыт росписью в виде чередующихся прямых горизонтальных и вертикальных линий, образующих квадраты (табл. II, 5). Как было уже отмечено, в этом слое впервые появляются рисунки в виде силуэтных треугольников (табл. II, 13). Имеются фрагменты корчаг с изображением силуэтных треугольников, обращенных вершиной вниз и примыкающими к ним вертикальными линиями (табл. II, 8, 12). Встречаются также фрагменты корчаг с изображением треугольников, с примыкающими к ним с обеих сторон (сверху и снизу) вертикальными линиями (табл. II, 1).

Найден фрагмент корчаги, по венчику которого шли силуэтные треугольники, а ниже параллельные горизонтальные линии (табл. II, 2). Изредка встречается орнамент в виде силуэтных треугольников характерной удлиненной формы, расположенных в два ряда ниже венчика (табл. II, 9). Новыми видами орнаментации являются также рисунки в виде точек (табл. II, 21).

Ч а ш и. Если в предыдущих слоях все сосуды имели плоское дно, то в слое Чопан 2 встречаются чаши с чуть вогнутым дном (табл. V, 2—3, 5—6). Как у корчаг, так и у чаш плоский или слегка вогнутый поддон в большинстве случаев имел уступ при переходе к стенкам тулова. Почти все чаши имеют красный или светло-коричневый фон и расписаны темно-коричневой краской. Основная масса чаш покрыта рисунками в виде вертикальных линий (табл. II, 18). Иногда роспись наносилась с обеих сторон сосуда. На одном фрагменте с внешней стороны имеется рисунок в виде силуэтных треугольников,

обращенных вершинами вниз, а внутри — вертикальными волнистыми линиями. Одна довольно большая чаша, с толстыми, прямыми стенками, с внешней стороны имела орнамент в виде горизонтальных волнистых линий, разделенных вертикальными прямыми полосами, а с внутренней стороны — из опоясывающих горизонтальных волнистых линий (табл. III, 2). Многие экземпляры чаш вообще не имеют орнамента.

Миски. Все миски имеют красный фон и расписаны коричневой краской. В слое Чопан 2 подавляющее большинство мисок снаружи расписано удлинёнными силуэтными треугольниками, расположенными один над другим и обращенными вниз вершинами (табл. II, 19). Часто миски внутри имеют рисунок в виде вертикальных или горизонтальных прямых, а изредка — вертикально-волнистых линий (табл. II, 14; табл. V, 10). Можно отметить и другие мотивы узоров. Одна сравнительно небольшая миска снаружи расписана вертикальными линиями, а с внутренней стороны — горизонтальными. Есть миски вообще неорнаментированные.

«Салатницы». Это небольшие, неглубокие мисочки четырехгранной формы, с красным фоном. Хотя среди джейтунских «салатниц» имеются орнаментированные экземпляры, на Чопан-депе «салатницы» с росписью пока не встречены.

Сосуды баночной формы в слое Чопан 2, как и в предшествующем слое, имеют красный фон и не орнаментированы.

Горшки с невысоким, но резко отогнутым наружу венчиком, с выпуклым туловом и плавно сужающейся нижней частью (табл. V, 8). Они представлены в единичных экземплярах. В самом верхнем слое Чопан 2 горшки изготовлялись из красной глины, с примесью небольшого количества соломы, лишь в редких случаях встречается примесь шамота. Как правило, горшки не расписаны.

Отмеченные сосуды были в форме горшков, но на наружной поверхности их следов огня не обнаружено. Можно допустить, что для приготовления пищи глиняные сосуды не ставили непосредственно в огонь, а устанавливали их в перекрытые очаги. Если так, то, естественно, что на кухонных сосудах могла и не сохраниться копоть.

К керамическим изделиям относятся также грузики или диски, сделанные из обломков посуды. Заготовка для них в большом количестве встречается на всех древнеземледельческих памятниках, в том числе и на Чопан-депе. Изготовлены они из фрагментов различных толстостенных и тонкостенных, краснофонных и светлофонных сосудов. Некоторые грузики

имеют отверстия в центре, сделанные путем двустороннего сверления. Грузики и заготовки варьируют по своим размерам от 2 до 7 см в диаметре. Подавляющее большинство их имеет неправильную округлую форму, с неровными краями, и лишь незначительная часть имеет геометрически правильную круглую форму (табл. VI, 10).

В различных слоях поселения Чопан-депе встречены в единичных экземплярах миниатюрные конусы, сделанные из обожженной и необожженной глины (табл. VI, 19). Большинство исследователей (С. Н. Бибииков, В. М. Массон) видит в них «фишки» для какой-то игры.

Большой интерес представляют шарообразные глиняные поделки различной величины. По диаметру они варьируют от 1 до 6 см. Маленькие шарики, вероятно, были заготовлены для глиняных бус. Подобные глиняные бусы округлой формы и их заготовки встречены на поселении Чагыллы-депе²⁵. Крупные шары, видимо, служили ядрами для пращей.

Особую группу среди керамических изделий составляют статуэтки людей и животных. Но в отличие от других неолитических и энеолитических памятников Южного Туркменистана Чопан-депе эти фигурки представлены единичными экземплярами. Найдена всего одна фигурка сидящего человека, видимо, женщины, (табл. V, 22) и голова птицы (табл. V, 13). Обе статуэтки изготовлены из красной глины, с примесью мелкорубленой соломы, подвергнуты слабому обжигу.

Среди орудий труда в большем числе встречены вкладыши жатвенных ножей, скобели, сверла, вкладыши ножей, скребки и другие изделия²⁶. Из песчаника, плотного известняка, кремневых пород изготовлены разнообразные зернотерки (табл. VII, 1), терочки, пестики (табл. VII, 2—3), тесловидные орудия, подлятники, ядра для пращей (табл. VII, 4—5) и др. Чопан-депе богат костяным инвентарем, который в основном изготовлен из трубчатых костей мелкого рогатого скота. На первом месте по количеству стоят шилья. Имеются миниатюрные иглы с ушком, ложила, использовавшиеся для выглаживания кож, и костяные скобящие орудия, изготовленные из лопаток животных. Выделяется уникальная находка — костяная основа жатвенного ножа.

²⁵ О. Бердыев. Чагаллы-депе, стр. 93.

²⁶ Обнаруженные на Чопан-депе орудия из камня и кости были подвергнуты функциональному анализу Г. Ф. Коробковой. Сделанным наблюдениям в настоящем сборнике посвящена ее специальная статья. Мы решили не давать подробную характеристику производственного инвентаря.

Материалом для изготовления украшений у обитателей Чопан-депе служили кость, камень и раковины. Украшения представлены в основном бусами и подвесками. Найдены маленькие бусины из белого камня, овальной и округлой формы (2 штуки) (табл. VI, 5). В большом количестве найдены каменные шарики, с хорошо заполированной поверхностью, видимо, являвшиеся заготовками для бус (табл. VI, 7). В качестве бус и подвесок употреблялись также местные пресноводные раковины, на что указывают пробитые в них овальные отверстия. Одна миниатюрная бусина в виде кольца была сделана из каспийской ракушки (табл. VI, 21). Из обломка подобной ракушки изготовлена небольшая подвеска, у которой края заглажены, а в верхней части просверлено отверстие (табл. VI, 20). В качестве подвесок использовались также раковины-каури со спиленной спинкой, встречающиеся лишь в Индийском океане. Наличие этих раковин на поселении Чопан-депе указывает на то, что жители Южного Туркменистана, видимо, имели связь с отдаленными странами. Возможно, что подвесками также были и плоские колесики и прямоугольники из камня, с отверстием в центре. В качестве подвесок-амулетов использовались клыки зверей с просверленными для шнура отверстиями. При изготовлении бус и подвесок из камня, кости и раковины жители этого поселения применяли технику двустороннего сверления, пиления, шлифования.

Большой интерес представляют обнаруженные на Чопан-депе погребения неолитического времени. Описание погребения дается в порядке их вскрытия по номерам. Первые два погребения вскрыты С. А. Ершовым в 1957 году, остальные — А. А. Марущенко в 1959 году.

Погребение № 1 находилось в квадрате А-7 на глубине 1 м. Скелет очень плохой сохранности. Лежал на спине с легким наклоном на правый бок, головой на север, лицом повернут на восток. Ноги находились в полусогнутом положении, правая рука вытянута вдоль туловища, а левая рука согнута в локте так, что кисть находилась у правого плеча. Затылочная часть черепа окрашена темно-красной охрой, ею же покрыта земля под погребением. С левой стороны костяка найдено костяное шило, но было ли оно связано с погребением или нет, не ясно.

Погребение № 2 обнаружено внутри помещения № 3, у юго-западной стены. Скелет лежал на глубине 70 см от поверхности холма, в скорченном положении, на правом боку, головой на запад, лицом повернут к югу, левая рука лежала соответственно изгибу туловища, а правая согнута в локте

так, что кисть ее находилась у подбородка. Сохранность костяка была очень плохой. Судя по размерам скелета, он принадлежал подростку. Вещей около погребенного не оказалось.

Погребение № 3 было обнаружено на вершине холма, в средней части южной стенки раскопа С. А. Ершова. Костяк, ориентированный головой на запад, с легким отклонением к югу, лежал на спине в вытянутом положении.

Погребение № 4 обнаружено при зачистке восточной стенки восточного раскопа 1958 года. Глубина захоронения около 1 м от поверхности. Детский скелет лежал скорченный, на левом боку, ориентирован головой на восток.

Погребение № 5 находилось в 17 м южнее северного края восточного раскопа. Погребенный был ребенком, который лежал на левом боку скорченно, головой на северо-восток. Вещей не обнаружено.

Погребение № 6 находилось в 14,8 м к югу от предыдущего погребения. Скелет детский, находился на глубине 1,2 м от поверхности, лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-запад. Был окрашен охрой. К югу от черепа обнаружен красноглиняный сосуд без росписи, в тесте обнаружена растительная примесь. Форма, материал и отделка сосуда не оставляют сомнения в датировке погребения V тыс. до н. э.

Погребение № 7 находилось в 60 см южнее погребения № 4. Скелет детский, как и предыдущие, лежал на левом боку. Правая нога согнута, левая вытянута, ориентирован головой на северо-запад. Костяк был окрашен красной краской (охрой). У ног найдено 2 довольно крупных обломка нерасписной керамики.

Погребение № 8 обнаружено в восточной части западного раскопа. Скелет подростка лежал в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на восток. Вещей не было найдено.

Как выше отмечено, из указанных 8 черепов было передано специалистам лишь два, так как сохранность их была очень плохой, ни один из них не удалось реставрировать. Единственный определяемый череп принадлежал мальчику. В виду плохой сохранности Т. А. Трофимова производила измерения в монолите, поэтому многие размеры не были взяты, что затрудняло определение. Череп был охарактеризован как европейский, восточно-средиземноморский, с относительно высоким и узким лицевым скелетом.

Если изученность антропологического состава населения Южной Туркмении IV—II тыс. до н. э. была удовлетворительной, то более ранние периоды в этом отношении вообще оста-

вались неизвестными. Поэтому даже единичные хронологические находки, датируемые более ранним временем, вызывают большой интерес среди специалистов.

Теперь, когда описан и по возможности обобщен весь имеющийся материал, собранный из поселений Чопан-депе, мы считаем возможным приступить к выяснению вопросов хронологии Чопан-депе, а также археологической периодизации и хронологии джейтунской культуры в целом.

Весь керамический материал из шурфа 1953 года С. А. Ершов относит к одной культуре, которая в истории своего развития, по его мнению, имела два периода — ранний и поздний²⁷. Керамика раннего периода связывается С. А. Ершовым с двумя нижними горизонтами. Характерным признаком посуды этого периода, по его мнению, является роспись в виде вертикально-волнистых и скобчатых рисунков на светло-кремовом фоне. Однако в среднем горизонте (VI—IX ярусы) шурфа наблюдается некоторое изменение в характере росписи керамики. Появляется орнамент в виде частых вертикальных линий, с редкими горизонтальными перехватами.

Вторым характерным признаком раннего периода, по С. А. Ершову, является наличие только одной керамической формы — крупных, широкогорлых сосудов. Однако это обстоятельство объясняется лишь недостаточным количеством материалов, полученных в шурфе. Действительно, в стратиграфическом шурфе 1957 года из нижних горизонтов поселения получено значительно большее количество керамических форм (разновидные чаши, миски и т. д.).

По мнению С. А. Ершова, поздний период начинается с конца второго горизонта (VI яруса) и охватывает весь верхний комплекс. Этот период характеризуется, по его мнению, появлением новых форм керамики — горшков с выпуклыми боками, сосудов баночной формы и маленьких четырехгранных мисок — «салатниц». Однако «салатницы» широко распространены в керамическом материале Джейтуна, который, по единодушному мнению всех исследователей, соответствует нижним горизонтам Чопан-депе. Примечательным является первое появление на керамике из VI яруса орнамента в виде залитых треугольников.

После второй стратиграфической шурфовки холма (1957 г.) С. А. Ершов выделил в Чопан-депе не два, а три периода его обживания: 1) характерным признаком первого раннего периода С. А. Ершов считает наличие светлого фона на керами-

²⁷ С. А. Ершов. Холм Чопан-депе, стр. 13.

ке и орнамента в виде волнистых и зигзагообразных линий; 2) во втором периоде, по его мнению, преобладает краснофонная, лощеная керамика, имеющая роспись в виде вертикальных линий с горизонтальными перехватами; 3) самый поздний, третий период, по С. А. Ершову, характеризуется отсутствием росписи на посуде.

Выделение в культурных напластованиях Чопан-депе трех периодов существования и самоопределение основных их признаков не представляется нам правомерным. Так, например, характерным признаком позднего периода С. А. Ершов считает отсутствие орнамента на сосудах²⁸. Однако при раскопках верхнего горизонта Чопан-депе самим С. А. Ершовым, а также в раскопках А. А. Марущенко в 1959 году, было обнаружено довольно много фрагментов расписной керамики, среди которых имеются новые, ранее неизвестные орнаментальные мотивы, широко распространяющиеся в последующее время (см. выше).

Внимательно просмотрев материалы с Чопан-депе, мы полностью согласны с С. А. Ершовым, что первый период существования поселения Чопан-депе (Чопан I) связан с нижними (XIII—VII) ярусами шурфа 1953 года. Аналогичный материал содержится и в пяти нижних строительных горизонтах шурфа 1957 года. Как уже было отмечено, С. А. Ершов 1—2 строительные комплексы шурфа 1953 года объединил в один период, но мы делим их на два этапа: 1-А и 1-Б. Как уже отмечено, этап 1-А связан с XIII—X ярусами шурфа 1953 года и тремя нижними строительными горизонтами шурфа 1957 года. В слоях этого этапа основную массу находок составляют фрагменты глиняных сосудов, в основном цилиндрических корчаг и чаш. Почти все сосуды имеют светлый фон, роспись нанесена темно-красной или буровато-красной краской. Большинство фрагментов не имеет росписи, среди же орнаментированных преобладают экземпляры, имеющие роспись в виде вертикальных волнистых линий и вертикально расположенных небольших скобочек.

К этапу 1-Б мы относим IX—VII ярусы шурфа на вершине холма (1953 г.) и 4—5 строительные горизонты северного шурфа (1957 г.). Как и на раннем этапе, здесь сохраняются прежние формы сосудов — корчаги и чаши, но появляются новые формы — сосуды баночной формы и миски. Наряду с фрагментами, имеющими светлый фон, изредка встречаются фраг-

²⁸ Дневник С. А. Ершова о раскопках 1957 г. Дневник хранится в секторе археологии Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР.

менты с красным фоном; роспись нанесена буровато-красной темно-коричневой красками. Мотивы росписи сохраняются в основном прежние, но наряду с ними возникают новые варианты в виде частых вертикальных линий, изредка перехваченных горизонтальными лентами.

Второй, поздний период (Чопан 2) мы, также как и С. А. Ершов, связываем с VI—I ярусами шурфа на вершине холма и 6—7 строительными горизонтами северного шурфа. В этом периоде, кроме прежних форм сосудов, появляются новые в виде горшков с выпуклыми боками. Преобладают фрагменты краснофонных сосудов, и лишь единичные экземпляры имеют светлый фон; роспись нанесена темно-коричневой краской. В VI ярусе шурфа, на вершине холма, впервые появляется орнамент в виде силуэтных треугольников (более подробно см. выше). Основными орнаментальными мотивами, характерными для этого периода, являются частые вертикальные линии с редкими горизонтальными перехватами и горизонтальные линии, пересеченные вертикальной чертой. На единичных экземплярах встречаются рисунки в виде точек.

Как было упомянуто выше, в результате раскопок 1953 и 1957 годов на Чопан-депе собран большой археологический материал, четко распределяющийся по отдельным стратиграфическим комплексам. Установленная классификация материала с Чопан-депе может явиться существенной опорой для изучения истории культуры Южной Туркмении в VI—V тыс. до н. э.

Таким образом, культурные наслоения поселения Чопан-депе дают наглядный пример последовательного развития культуры древнейших земледельцев и скотоводов подгорной равнины Южного Туркменистана эпохи неолита. Комплексов, относящихся к более раннему, мезолитическому времени, здесь пока не обнаружено.

В настоящее время представляется наиболее правильным датировать слои Чопан-депе в пределах VI тыс. до н. э.

Капитальные глинобитные постройки и довольно большое культурное напластование самого поселения свидетельствуют, что чопанцы были оседлыми земледельцами.

Были произведены также предварительные определения остатков растительности, встреченной в Чопан-депе в качестве примеси в керамике и батонообразных кирпичей. По заключению научных сотрудников Всесоюзного института растениеводства АН СССР М. М. Якубцинера и А. Я. Трофимовской, при раздроблении нескольких слабообожженных обломков толстостенных сосудов из XI, X и IX ярусов культурного слоя

холма были обнаружены отпечатки стеблей и зерен культурных злаков — пшеницы и ячменя²⁹.

С западной стороны, у подножия холма, заметны следы небольшого древнего русла, видимо, являвшегося той водной артерией, которая снабжала водой обитателей Чопан-депе и ближайших поселений в эпоху неолита.

Полив посевов мог быть в этих районах осуществлен путем отхода протоков самотеком на поля. Конечно, эти посевы были еще очень примитивными и незначительными по размерам. Постепенное развитие земледелия обеспечивало человеку запасы растительной пищи.

Что же касается землеобрабатывающих орудий, то следует упомянуть, что каменная мотыга в 1965 году была найдена в поселении Чакмаклы-депе, на переходном слое от Анау 1-А к Анау 1-Б. Поэтому можно допустить, что отсутствие подобных орудий в более ранних памятниках является случайным.

Для уборки урожая употреблялись вкладышевые жатвенные ножи. Почти все вкладыши находились в длительном пользовании и вставлялись параллельно в прямой паз рукоятки образца орудия типа, найденного в верхних слоях Чопан-депе.

Если в слое Чопан 1 основную массу вкладышей составляли однолезвийные вкладыши, то в слое Чопан 2 увеличивается количество вкладышей с двумя лезвиями. Значит, теперь, после затупления рабочего края, вкладыш не выбрасывали, а заменяли, вставляя другим концом. Также затупленные вкладыши начали подправлять ретушью. Словом, теперь жатвенные ножи использовали более интенсивно.

Земледелие кроме продуктов питания давало и другие продукты, которые находили себе применение в жизни племен, обитавших на поселении Чопан-депе. Саман (рубленая солома) замешивался в тесто глиняных сосудов, в глину для изготовления кирпичей и штукатурки. Для перекрытия помещений, видимо, наряду с тростником, использовались и пучки стеблей зерновых злаков. Часть самана, возможно, употреблялась в качестве корма для скота в зимний период.

Изучение костей неолитического времени дает общее представление о скотоводческом хозяйстве жителей Чопан-депе. По предварительным определениям научного сотрудника Института археологии АН СССР В. И. Цалкина, кости из Чопан-депе принадлежат козе, овце, быку, собаке, джейрану и лисице. Из них первые четыре вида относятся к домашним животным, а остальные — к диким²⁹. Судя по тому, что кости быка:

²⁹ С. А. Ершов. Холм Чопан-депе стр. 19.

были встречены только в верхнем горизонте (II—III ярус), можно предполагать, что сначала был одомашнен мелкий рогатый скот и лишь значительно позднее—крупный. Охота, как это видно по числу найденных костей, велась преимущественно на джейранов.

Скотоводство дополняло запасы продуктов питания и служило источником сырья для домашнего производства; в основном это шкуры и шерсть. Кости животных использовались в качестве материала для производства некоторых видов орудий, в первую очередь шильев, проколов, основ для вкладышевых жатвенных ножей и разнообразных украшений—бус, подвесок и т. д.

В верхнем слое Чопан-депе (Чопан 2) появляются иглы с ушком, широко распространяются керамические «напряслы» (грузики с отверстием), что, видимо, было связано с зарождением ткачества.

Изучение Чопан-депе продолжается. Дальнейшее изучение этого интереснейшего памятника неолитической джейтунской культуры, несомненно, приведет к новым интересным открытиям.

O. Berdiyev

CHOPAN-DEPE—A MONUMENT OF NEOLITHIC DJEITUN CULTURE

The settlement Chopan-depe, which was discovered in 1952 by A. A. Maruschenko, is situated 7.5 km to the east from Geok-depe. The hill was dug down in 1957—1958 by S. A. Ershov and in 1959 by A. A. Marushchenko.

In the southern part of the area (216 sq. m.) some separated small size chambers and three big hearths were cleared up (fig. 1). Ceramics from all the levels of settlement may be divided in two periods; the first period in its turn is divided in two stages—Chopan 1-A and B.

Ceramics of the Chopan 1-A have two forms of vessels (table V, 1, 4) and cups (table V, 2, 3, 5—7). Motives of painted ornaments are also of two varieties; 1. stream painting (table I, 21, 26, 27); 2. cone ornament (table I, 22).

Ceramics Chopan 1-B are subdivided on vessels, vases, basis (table V, 12), jar—formed vessels (table I, 5). Paintings in shape of close vertical lines with rare horizontal intercutting lines begin to appear (table II, 26).

Ceramics Chopan. The previous forms are conserved, but now some pots begin to appear (table V, 8). For the first time we can see some paintings like silhouetted triangles (table II, 13). In the settlement some grain-gratters (table VII, 1), pestles (table VII, 2—3), balls for slings (table VII, 4, 5) were discovered.

Women's pendants and beads were made from stone and bones.

The skull that was found there was determined as Europeid, Easern—Mediterranean, with relatively high and narrow facial bones.

Dwellers of Chopan-depe were settled farmers and hunters.

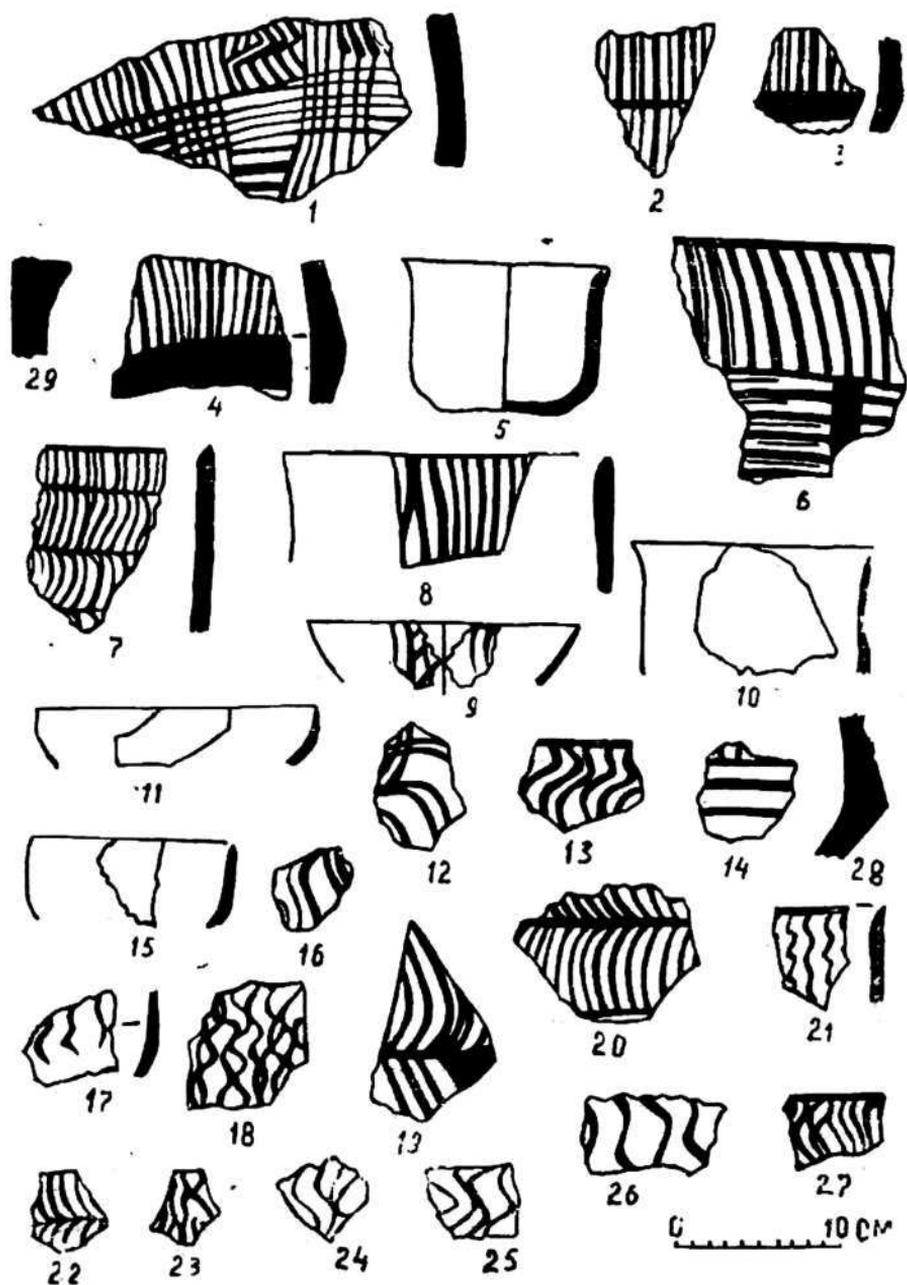

Табл. I. Чопан-депе. Керамика.

Таблица II. Чопап-депе. Керамика

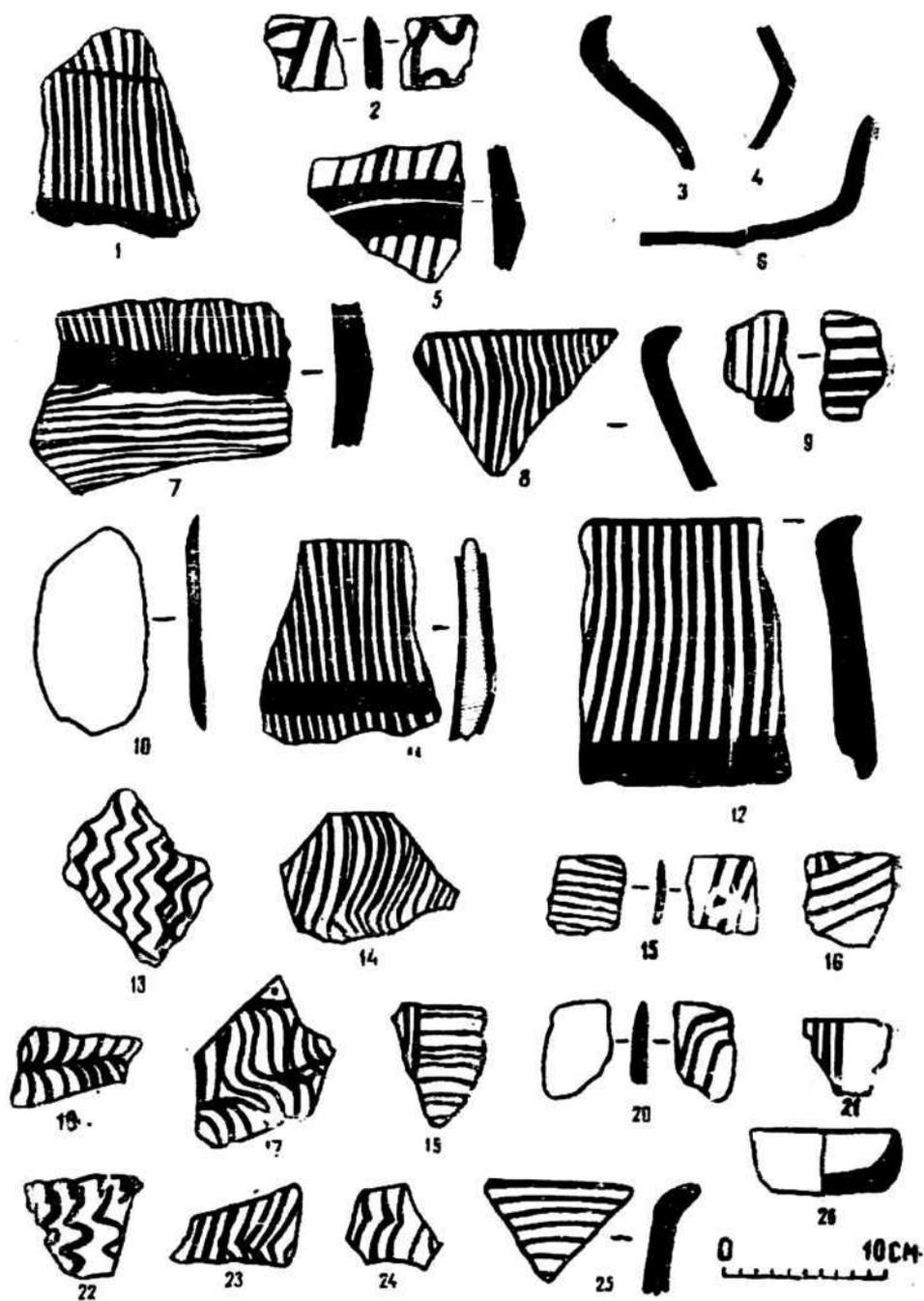

Табл. III. Чопан-депе. Керамика.

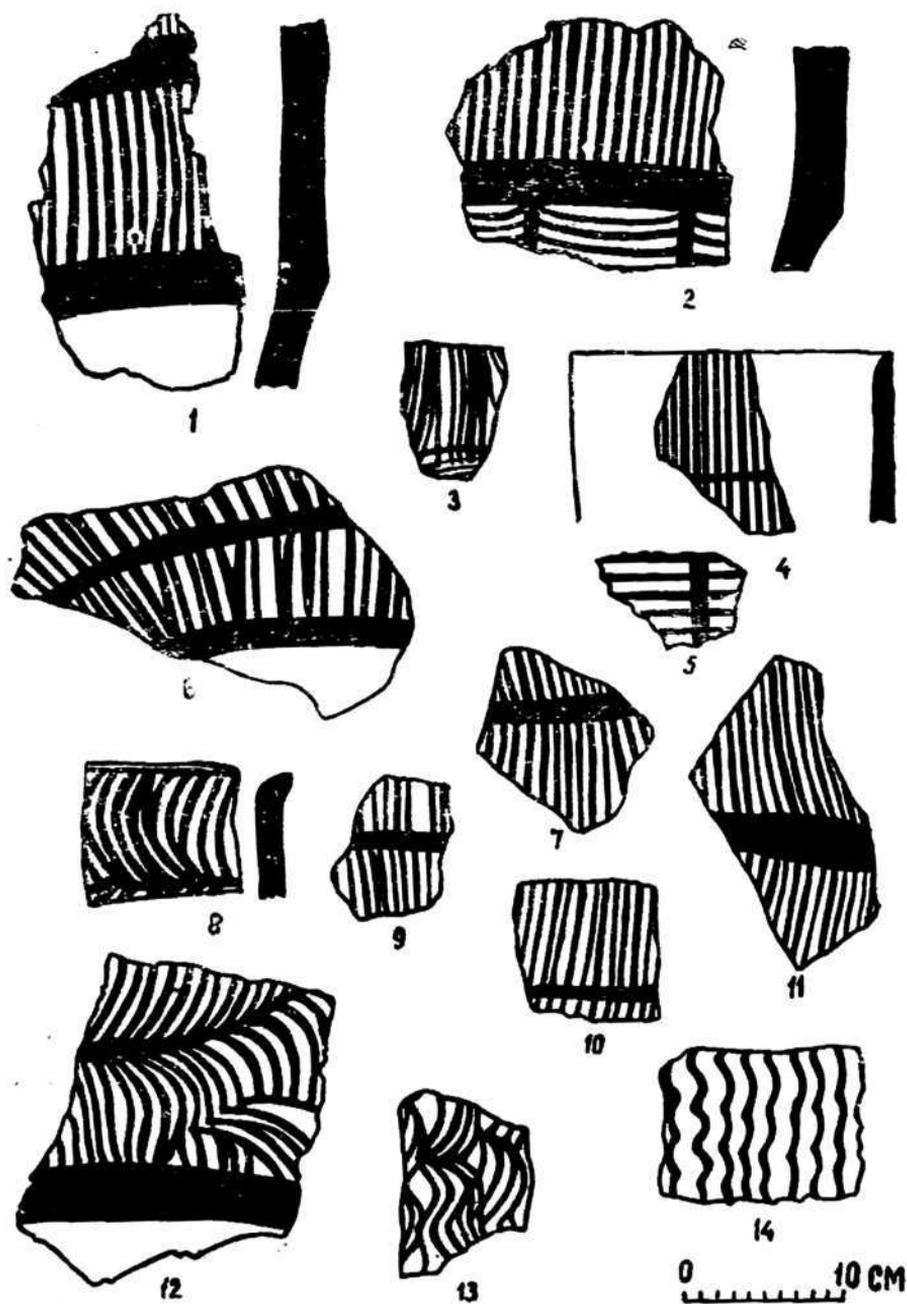

Табл. IV. Чопан-депе. Керамика.

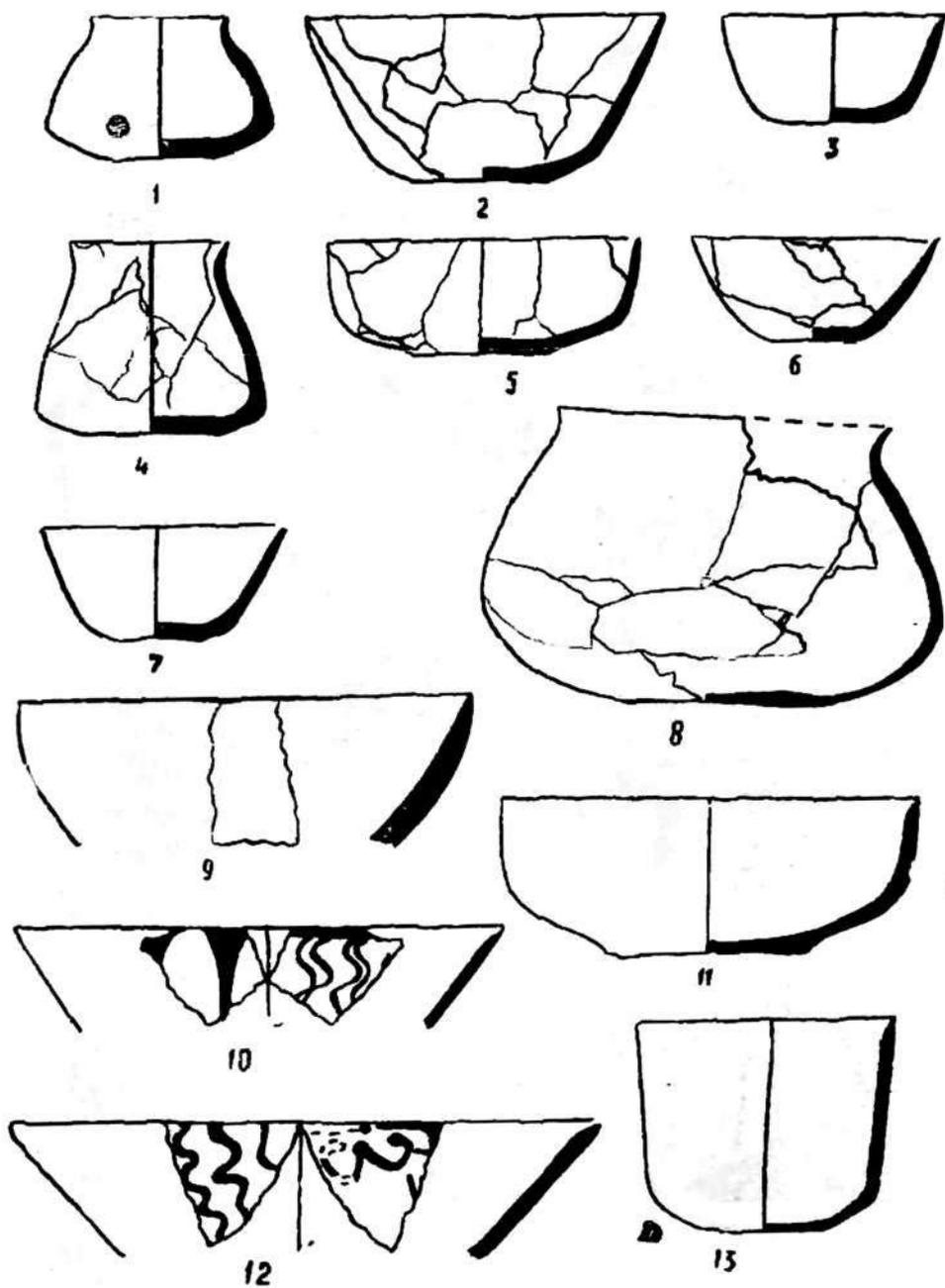

Табл. V. Чопан-депе. Формы глиняных сосудов.

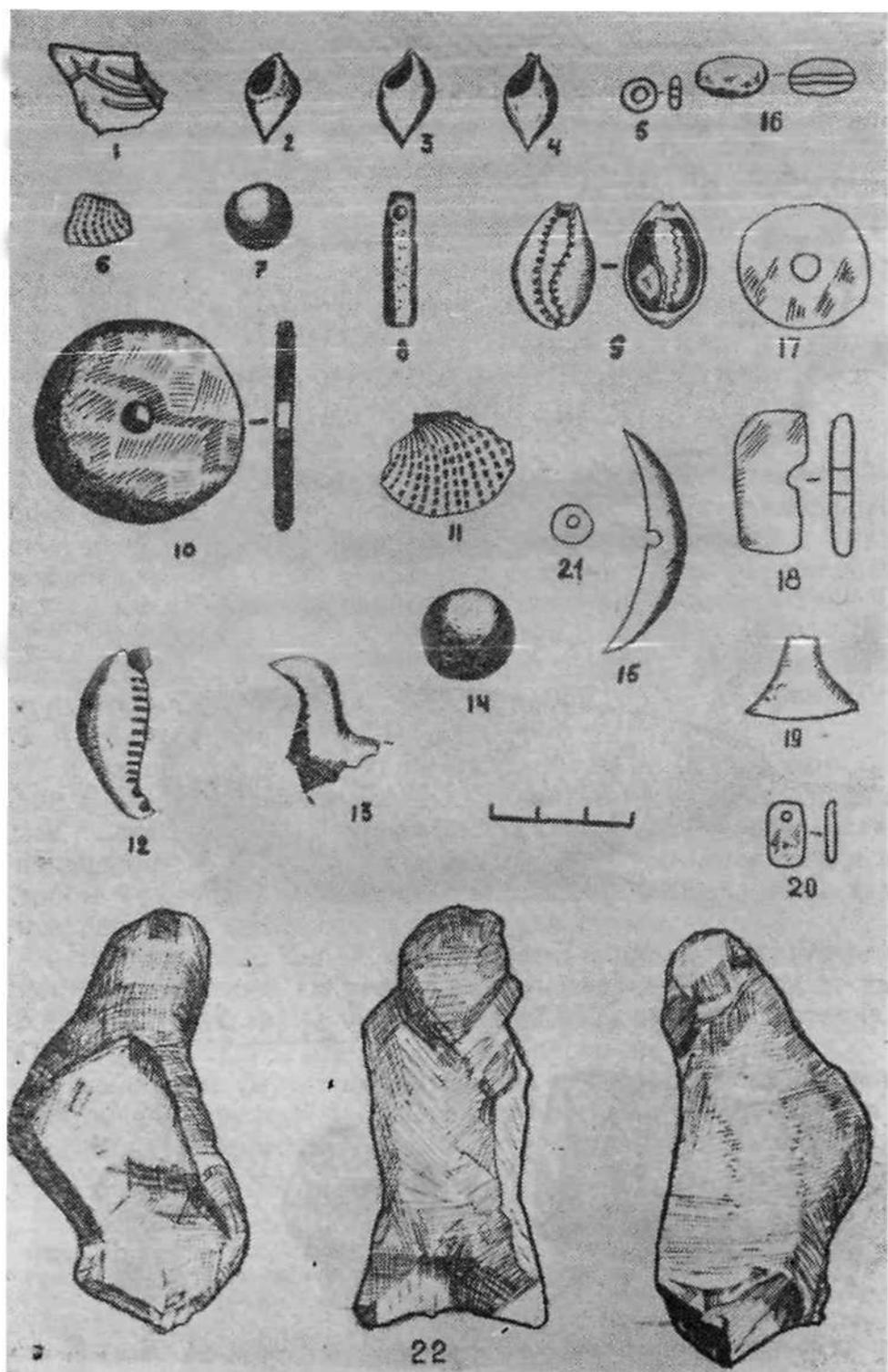

Табл. VI. Чопан-депе. Изделия из камня, кости, глины и ракушек

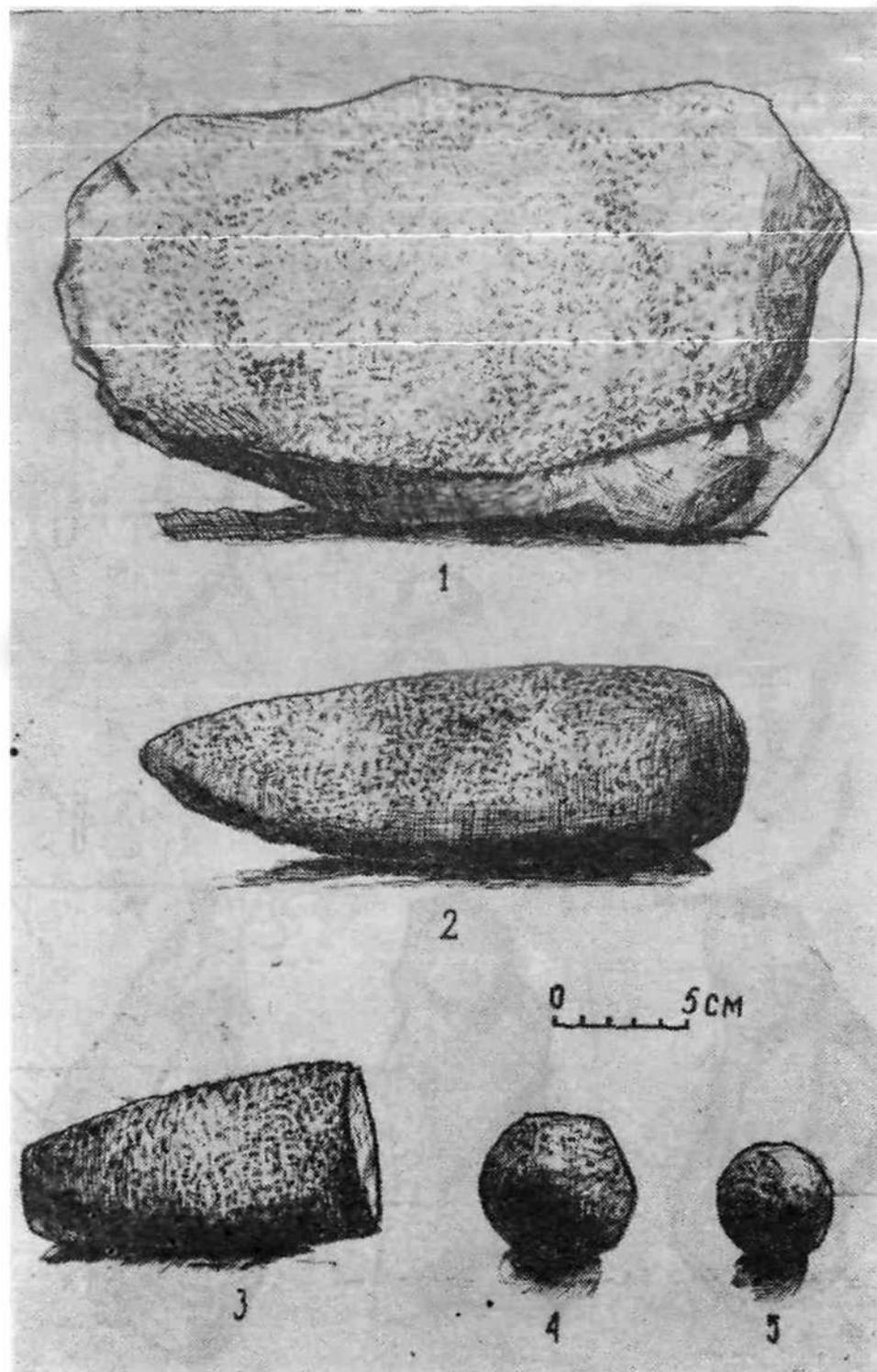

Табл. VII. Чопан-депе. Каменные орудия.

Г. Ф. КОРОБКОВА

БИНОКУЛЯРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОРУДИЙ ТРУДА ИЗ ЧОПАН-ДЕПЕ

Поселение Чопан-депе после Джейтуна представляет собою один из интереснейших памятников раннеземледельческой джейтунской культуры, с четкой стратиграфией и двумя комплексами находок (ранним и поздним). Оно расположено в 7—8 км к востоку от районного центра Туркмении Геок-Тепе и в 4 км к югу от первых песчаных гряд Каракумов¹. Памятник открыт в 1952 году А. А. Марущенко и исследовался на протяжении ряда лет (1953, 1957—1959 гг.) С. А. Ершовым и А. А. Марущенко².

В настоящей работе дается подробная классификация орудий труда, основанная на функциональном изучении предметов, согласно имеющихся на их рабочих поверхностях следов изношенности. Весь материал из Чопана был просмотрен автором под бинокулярным микроскопом, а результаты этого исследования изложены в настоящей статье.

На поселении Чопан-депе собрано около 2000 каменных и костяных изделий. Из них на камень падает 94,2%, на кость—5,8%³. Орудия труда составляют 27,05% от всего материала. Остальные 72,95% относятся к отбросам производства.

В качестве сырьевого материала обитатели Чопан-депе использовали крупные желваки кремня различных оттенков — от беловато-серого до черно-коричневого. В коллекции имеют

¹ Подробное описание местонахождения памятника и его общая характеристика даны в статье О. Бердыева «Чопан-депе — памятник джейтунской культуры», помещенной в этом же сборнике.

² С. А. Ершов. Холм Чопан-депе. ТИИАЭ АН ТССР, т. II. Ашхабад, 1956.

³ Точно такое же соотношение между каменными и костяными изделиями мы имеем в Джейтуне.

ся 4 экземпляра таких желваков со следами единичных сколов (табл. III, 1—4). Они неопределенных очертаний, покрытые со всех сторон толстым известковистым налетом. У трех экземпляров сколота ударная площадка, не имеющая никаких признаков дополнительной подправки. Один желвак обладает двумя ударными площадками. На всех образцах просматриваются следы начального скалывания. По-видимому, эти желваки были принесены жителями Чопан-депе как сырьевой материал, оставшийся по неизвестной причине неиспользованным. Здесь, на месте поселения, производилось дальнейшее расщепление желваков на пластины и отщепы, из которых изготовлялись орудия труда. Этот факт позволяет предполагать, что на территории поселения находилась мастерская по первичной и вторичной обработке кремня и изготовлению орудий. Об этом свидетельствуют и находки многочисленных нуклеусов, отщепов, чешуек, пластин кремня, представленных на поселении в большом количестве.

По внешнему облику все нуклеусы (50 шт.) можно разбить на несколько групп: 1) аморфные нуклеусы, 2) призматические, 3) конические и 4) карандашевидные.

Нуклеусы аморфного типа, как правило, не имеют специально подготовленных ударных площадок и очертания их самые разнообразные. В качестве площадок нередко использовались негативы предыдущих сколов. Поверхность скалывания чаще всего оббита со всех сторон, реже покрыта желвачной коркой. Использовались в основном в целях пробы сырьевого материала. Техника скалывания с них отщепов самая примитивная — оббивка.

Призматические нуклеусы представлены в большом количестве. Они имеют одну, реже две ударные площадки, не имеющие никаких следов подправки (за исключением единичных экземпляров). Отсутствие подправки зачастую приводит нуклеус в негодность, так как на плоскости скалывания образуются крутые карнизы, плечики, препятствующие отделению тонких, правильной формы, пластин.

Длина призматических нуклеусов 1,9—5,1 см, ширина ударной площадки 2,1—4,9 см. Имеют одностороннее ограничение. Расщепление призматических нуклеусов производилось с помощью посредника, а само ядрище закреплялось в специальных зажимах-щемилках⁴, на что указывает отсутствие ка-

⁴ С. А. Семенов. Изучение первобытной техники методом эксперимента. В сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М.-Л., 1963, стр. 202.

ких-либо следов смятости на нижнем конце нуклеусов и сравнительно миниатюрные их размеры.

Нуклеусы конической формы отличаются тщательной отделкой поверхности. Они небольших размеров: длина 2,3—2,8 см, наибольший диаметр ударной площадки 1,8—3 см. Ударные площадки подправлены мелкими фасетками. Нуклеусы имеют круговое ограничение. Расщепление производилось с применением посредника. Два экземпляра ядрищ раскалывались с упором на твердую основу — наковальню, от которой на нижнем конце нуклеуса остались следы смятости и выкрошенности, остальные — в зажимах. Все они использовались для получения микропластин.

Карандашевидные нуклеусы единичны (всего 3 экз.). Длина их 2,1—3,7 см, диаметр ударной площадки 0,7—1,4 см. Площадки и плоскости скалывания тщательно подправлены. Использовались для получения микропластин.

При сравнении техники расщепления камня на Джейтуне, Чагыллы-депе и Чопан-депе бросается в глаза некоторая небрежность, порою грубость в обработке орудий, наблюдаемая на последних двух памятниках⁵. В коллекции Чопан-депе в большом количестве представлены расколотые и небрежно-расщепленные пластины, имеющие неправильные очертания, неровные края, массивные сечения, участки желвачной корки на спинке. Здесь нет тонких, длинных пластин со скошенным концом, тщательно отделанных мелкой, плоской ретушью, как в Джейтуне, а если встречаются, то в единичных экземплярах. Ретушь, наблюдаемая на ряде пластин, вторичного происхождения, образовавшаяся в процессе срабатывания рабочего края.

В большом количестве на поселении Чопан-депе представлены отщепы и чешуйки, среди которых встречаются очень крупные, грубые, массивные образцы, напоминающие собой отщепы мустьерского облика. Характер ударных площадок нуклеусов, отщепов и пластин, оставшиеся на них следы обработки позволили нам реконструировать те технические приемы, которые применяли обитатели Чопан-депе при изготовлении орудий и расщеплении камня. Это оббивка, ударная (с помощью посредника) и отжимная техника. Жителям были известны и различные приемы скалывания пластин: на наковальне, с помощью специальных зажимов, в руке.

⁵ О. Бердыев и Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-депе. ИАН ТССР, № 6. Ашхабад, 1964.

Существенную роль в технике обработки камня на поселениях Чопан-депе и Чагыллы-депе играла оббивка и ударная техника, в то время как в Джейтуне предпочтение оказывалось отжимной технике. Кроме того, джейтунские изделия отличались более тщательной отделкой рабочих краев, чего нельзя сказать об орудиях Чопан-депе или Чагыллы-депе. Однако в обоих последних памятниках в отделке некоторых орудий намечаются незначительные, прогрессивные черты, свидетельствующие о развитии техники обработки камня. Каковы эти черты и в чем они проявились, на этих вопросах остановимся ниже.

Характерной чертой всех раннеземледельческих поселений джейтунской культуры является обилие земледельческих орудий, в частности, вкладышей серпов. Это относится и к Чопан-депе, где вкладыши серпов составляют основную массу орудий труда — 162 экз. Заготовками для них служили всевозможные призматические пластины различных размеров и очертаний, среди которых пластины правильной формы, с ровными прямыми лезвиями составляют единицы. Эта черта в технике изготовления орудий сближает поселение Чопан-депе с Чагыллы-депе. Наибольший процент в коллекции серпов составляют вкладыши с одним рабочим краем, чаще всего не имеющим никаких следов обработки (табл. I, 25a). Однако среди них встречаются образцы с частичной ретушью по краю, образовавшейся вследствие использования. Имеют место серпы с тщательной отделкой рабочего лезвия или только скошенного конца (табл. I, 3, 4). В коллекции встречаются вкладыши джейтунского типа, изготовленные из призматических пластин правильной формы, с одним скошенным ретушированным концом (табл. I, 4, табл. II, 15, 19). Но они в основном характерны только для нижних слоев Чопана (в верхнем слое таких серпов обнаружено лишь 3 экз.). Наличие в нижних горизонтах вкладышей джейтунского типа является важным датированным признаком, характерным только для раннего этапа джейтунской культуры. Имеются случаи оформления рабочего лезвия серпов с помощью противоположащей ретуши (табл. I, 7). Как и в Чагыллы-депе, здесь встречаются экземпляры, поврежденные в работе, но тем не менее продолжающие использоваться в той же функции (табл. I, 28).

Среди однолезвийных серпов выделяется интенсивной изношенностью вкладыш, изготовленный из реберчатой пластины, с крупными глубокими фасами вдоль всего лезвия (табл. I, 16). Зубчатые вкладыши, совершенно отсутствующие в нижних слоях Чопан-депе и Джейтуне, занимают значительное место в коллекциях серпов из верхнего слоя Чопан-депе, 9)

где они насчитываются двумя десятками образцов (табл. I, 11, 26, 27). Появление зубчатых вкладышей серпов именно в верхних горизонтах Чопан-депе свидетельствует об их наиболее позднем возрасте, чем нижние слои Чопан-депе и Джейтуна. Форма рукоятки серпов прямая. Крепление вкладышей производилось параллельно рукоятке. Важно отметить, что эта архаичная форма древних серпов на территории Средней Азии продолжает бытовать и в более позднее время, в эпоху энеолита, на поселениях Ялангач-депе, Кара-депе, стоящих на более высокой ступени исторического развития, нежели Джейтун, Чопан-депе, Чагыллы-депе и другие памятники. Однако в отличие от последних, энеолитические серпы были оснащены только зубчатыми вкладышами⁶. Прямая форма рукоятки является местной чертой, характерной для неолита и энеолита Средней Азии⁷ и Казахстана⁸.

Характерной чертой для всех памятников джейтунской культуры является экономное использование орудий труда. По мере возможности все орудия срабатывались до конца. Некоторые из них переделывались неоднократно и использовались в новой функции. Например, экземпляр серпа, изображенный на табл. I, 20, использовался в работе дважды: сначала как серп, потом как скобель. Другой серп (табл. I, 21) употреблялся в качестве развертки. Имеются случаи использования вкладышей серпов в качестве скребков. Некоторые экземпляры серпов (табл. II, 17), несмотря на переделку, вторично не употреблялись.

Итак, для поселения Чопан-депе характерны четыре вида вкладышей серпов: 1) джейтунского типа (на пластинах со скошенным ретушью концом), встречающиеся в основном только в нижних слоях Чопан-депе; 2) вкладыши без следов вторичной обработки, характерные как для нижних слоев Чопан-депе, так и для верхних; 3) вкладыши с ретушированными лезвиями, имеющие место только в верхнем слое Чопан-депе; 4) вкладыши с зубчатым рабочим краем, встречающиеся

⁶ Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений Южной Туркмении. ИАН ТССР, сер. обществ. наук. № 3, 1964, стр. 82, табл. I, рис. 1—4.

⁷ Например, для памятников кельтеминарской культуры, расположенных в низовьях Зеравшана (раскопки У. Исламова). Бипопулярное исследование каменного инвентаря из Большого и Малого Тузкана проведено автором данной статьи.

⁸ Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. В сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М.-Л., 1963, стр. 229.

только в верхних горизонтах и полностью отсутствующие в нижних. Появление зубчатых серпов свидетельствует о дальнейшем прогрессивном развитии техники изготовления земледельческих орудий.

Второе место в коллекции кремневых орудий Чопан-депе (как и в других памятниках джейтунской культуры) занимают скобели — 88 экз. Заготовками им служили призматические и реберчатые пластины желтовато-коричневого и серого цвета кремня и крупные массивные отщепы мустьерского облика. Длина пластинчатых заготовок 3,3—6,7 см, ширина 0,6—1,3 см, длина отщепов 4,7—6,9 см, их ширина в средней части 3,1—4,6 см. Нередки случаи изготовления скобелей из крупных пластин неправильных очертаний (табл. I, 1—2), имеющих по два рабочих лезвия, сформированных мелкой, затупливающей край ретушью. Ретушь неравномерная, глубокая, крутая, поэтому лезвие имеет вид кривой линии. Выступающие части лезвий сильно затуплены, а сами лезвия выкрошены (табл. II, 7). На затупленных участках и брюшке часто наблюдаются линейные следы, перпендикулярные рабочему краю. Линии глубокие, края их остро очерчены. В результате сработанности, многие экземпляры скобелей приобрели выпукло-вогнутую или просто вогнутую форму лезвий (табл. I, 5, 6, 17, 18, 31; табл. II, 13, 17, 33). Девять экземпляров скобелей сделаны из старых, сильно изношенных серпов (табл. I, 32—34; табл. II, 33). В ряде случаев у них затуплены не только продольные края, но и закругленный с помощью ретуши конец (табл. II, 28).

Скобели на отщепах (табл. II, 5, 6), как правило, не имеют никаких следов вторичной обработки. Поэтому их легко спутать с отбросами производства. Бинокулярное исследование этих предметов показало, что они использовались в работе длительное время. Наибольший экземпляр (табл. II, 5) — длина его 6,9 см, ширина в средней части 3,8 см — сработан с трех сторон: с двух продольных и со стороны ударной площадки. Все лезвия сильно изношены, затуплены, покрыты множеством линейных следов. Экземпляр скобеля меньших размеров (табл. II, 6) изношен только с одной выпукло-вогнутой стороны. Употреблялись без рукоятки. Скобели использовались для обработки дерева и изготовления деревянных изделий. Они являются существенным признаком для характеристики кремневой индустрии всех раннеземледельческих памятников Южной Туркмении (Джейту-

на, Чагыллы-депе, Монжуклы и др.⁹⁾ и охотничье-рыболовческих культур Средней Азии¹⁰ и Казахстана¹¹. Эта существенная деталь кремневой индустрии особенно бросается в глаза при сравнении с раннеземледельческими поселениями Передней Азии и Ближнего Востока, для которых данные орудия не типичны (за исключением индустрии Джармо).

На территории Средней Азии и Казахстана этот тип орудия существует только на определенном отрезке времени, охватывающем эпоху мезолита и неолита. В период бронзы он совсем исчезает. В Туркмении, где скребели были особенно широко распространены в неолитическую эпоху, в энеолите они не встречаются. По-видимому, в это время их заменяют более современные металлические орудия, частично вытеснившие кремневые изделия.

Многочисленную и разнообразную группу на поселении Чопан-депе составляют скребки, характерные для раннего периода джейтунской культуры¹². Сюда входят боковые скребки (13 экз.), концевые (3 экз.) и скребки на отщепах (4 экз.).

Боковые скребки изготовлены из призматических пластин, рабочими лезвиями которых служили продольные края, использованные в основном без дополнительной подправки (табл. II, 21, 22). Все они представлены фрагментами. Ширина пластин 0,8—1 см, толщина 0,1—0,3 см. Боковые скребки имеют одно или два рабочих лезвия, использованные в работе неравномерно. Лезвия сильно затуплены, резко заполированы. На самой кромке рабочего края наблюдается множество линейных следов, поперечных краю. Незначительная часть боковых скребков употреблялась без рукоятки. На это указывают:

⁹ В. М. Массон. *Джейтунская культура*, ТЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1960, стр. 93, табл. XI, 10—15; его же. *Средняя Азия и Древний Восток*. М.-Л., 1964, стр. 23; Г. Ф. Коробкова. *Определение функции каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы*. ТЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960, стр. 114—115; О. Бердыев и Г. Ф. Коробкова. *Производственные функции каменных и костяных изделий из Чагыллы-депе*, стр. 21—22.

¹⁰ Подобные орудия широко распространены в памятниках кельтеминарской культуры. См.: С. П. Толстов. *Древний Хорезм*. М., 1948, стр. 59—60; У. Исламов. *Кельтеминарская культура на Махан-Дарье*. В сб.: «Научные работы и сообщения отделения общественных наук», кн. IV. Ташкент, 1961.

¹¹ Такие же орудия встречаются в неолитических и энеолитических памятниках Казахстана. А. А. Формозов. *Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане*. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 146; его же. *Кельтеминарская культура в Западном Казахстане*. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 53, рис. 16, 9; Г. Ф. Коробкова. *Результаты изучения производственных функций...* стр. 221 и 22, 219, рис. 2а.

¹² Г. Ф. Коробкова. *Определение функций...* стр. 115—119.

1) неравномерное распространение линейных следов на лезвии (с одного конца пластины они проступают резче, чем с другого), 2) углы пластины сильно затуплены и заполированы наравне с лезвием. Большая часть орудий употреблялась в рукоятке, в которую они вставлялись по два-три экземпляра в ряд, параллельно продольной оси рукоятки. Очертания линейных следов и округлость лезвия позволяют говорить об использовании боковых скребков для обработки шкур и выделки кож животных.

Концевые скребки, обнаруженные на Чопан-депе, можно рассматривать как образцы старой технической традиции, не получившей своего дальнейшего развития. Длина их 3,2—3,5 см, ширина 1,2—1,3 см. Сделаны из призматических пластин правильной формы, оформленных на конце плоской частой ретушью, подправленной у края мелкой зазубриной. Употреблялись они для обработки шкур животных.

Скребки из отщепов немногочисленны (всего 4 экз.), изготовлены из отщепов средних размеров, неправильных очертаний. Исключение составляет один экземпляр скребка из массивного, крупного, короткого отщепа (табл. I, 16) с широким, крутым рабочим краем, оформленным высокой, затупливающей ретушью. Длина его 3,4 см, ширина 5,9 см. Интересен другой экземпляр скребка, изготовленный из небольшого отщепа серого кремня, у которого лезвием служила площадная часть орудия, слегка подправленная по самому краю тонкой прерывной ретушью (табл. II, 32). Скребки на отщепах имеют все признаки, характерные для орудий, употреблявшихся для обработки шкур животных.

Особую группу в серии скребков составляют скобящие орудия микролитического облика (10 экз.), редко встречающиеся на поселениях позднего этапа джейтунской культуры (Ба-ми, Чагыллы-депе, Новая Ниса¹³ и совершенно исчезающие на поселениях энеолитического времени (Ялангач-депе, Геоксюр, Кара-депе)¹⁴. Они сделаны из миниатюрных отщепов цветного кремня и сечений призматических пластин (табл. I, 8—10, 12, 35, 36; табл. II, 31). Длина их 0,8—2,1 см, ширина 1,1—1,7 см. В большей своей части представлены концевыми формами с одним, реже двумя рабочими краями (табл. I,

¹³ О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, № 4; его же. Чагыллы-депе. ИАН ТССР, сер. обществ. наук, 1964, № 1, стр. 93; О. Бердыев, Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-депе, стр. 23; О. К. Бердыев. Неолит «Новой Нисы». СА, 1965, № 2.

¹⁴ Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия... стр. 81—85.

8—10, 31, 35, 36). Рабочие лезвия имеют либо скошенный, либо слегка выпуклый вид (табл. I, 8, 35; табл. II, 31). Встречаются экземпляры с круговой ретушью по краю (табл. I, 12). Чрезвычайно интересен экземпляр скребка, сделанный из сечения призматической пластины, с ретушированным продольным краем (табл. II, 26) и характерными для скребков следами изношенности. Употреблялся как вкладыш составного скоблящего орудия.

Большая часть чопановских «микроскребков» находит самые близкие аналогии в Джейтуне. Джейтунские «микроскребки» обладают сильно сработанными краями, слегка заваленными на сторону спинками. Поэтому острые, выступающие вперед края фасеток, оформляющих лезвие, совсем сглажены. Лезвия прямые, на них четко прослеживаются поперечные линейные следы, несколько более резких очертаний, нежели у скребков, употреблявшихся для обработки шкур животных. В отличие от скребков, углы лезвий не завалены и не затуплены. Многочисленные эксперименты, проведенные с подобными орудиями в лаборатории первобытной техники под руководством С. А. Семенова, наглядно продемонстрировали, что такие следы изношенности (какие мы наблюдали на джейтунских и чопановских «микроскребках») могли возникнуть только от работы по дереву. В данном случае «микроскребки» использовались как своеобразные орудия «резчики-скобели», предназначенные для проделывания различных желобков, отделки поверхности, словом, для обработки дерева и изготовления деревянных изделий. Экспериментальные резчики-скобели дали под микроскопом аналогичные следы сработанности, что и джейтунские, и чопановские «микроскребки». Экспериментами же выяснены вопросы крепления данных орудий в рукоятках. Как показали опыты, эти «микроскребки» вставлялись в торец удлиненной рукоятки (костяной), заклиниваясь в губчатую массу кости настолько прочно, что могли употребляться без какого-либо клейкого вещества. Во время работы такое орудие находилось в строго вертикальном положении к обрабатываемому предмету, поэтому лезвие сильно стачивалось, образуя плоскую прямую грань. Вставленное таким образом в рукоятку, оно становилось достаточно эффективным орудием. Чопановские «микроскребки» с абсолютной точностью повторяют форму и следы джейтунских резчиков-скобелей и употреблялись в той же функции.

Большое количество скребков и разнообразие их форм характерно для раннего периода джейтунской культуры, где наряду с земледелием огромное место в хозяйстве занимала охота, требующая для обработки добытого материала целого ас-

ассортимента скобящих орудий. Боковые скребки — характерный тип орудия джейтунской культуры, встречающийся на всем ее протяжении. Встречаются они и в некоторых памятниках кельтеминарской культуры (Большой и Малый Тузкан в низовьях Зеравшана¹⁵) и в позднем неолите Казахстана¹⁶. Время их распространения падает только на период неолита, так как в энеолитических памятниках этой территории они не встречаются.

На соседней со Средней Азией территории — Ближнем Востоке наблюдается аналогичная картина развития скребковых орудий. Так, например, в памятниках хассунского типа¹⁷ уже нет того разнообразия скребковых орудий, которое имело место на поселениях типа Джармо¹⁸. Многих исследователей интересовали и интересуют вопросы, связанные с функциональными назначениями геометрических микролитов. Функции их устанавливались предположительно. С помощью метода микроанализа нам удалось подойти к изучению геометрических орудий конкретно и установить их функции по имеющимся на их рабочих поверхностях следам изношенности. В Чопан-депе найдено 11 экз. геометрических орудий и 11 экз. микропластинок.

Геометрические орудия представлены трапециевидными формами. Трапеции правильной формы, миниатюрных размеров. Длина основания 0,9—1,7 см, высота 0,9—1,2 см (табл. I, 25; табл. II, 1, 2, 11, 14, 20, 29, 30). Заготовками служили сечения призматических пластин. Трапеции имеют симметричную форму, боковые края их тщательно отретушированы (только со стороны спинки). Как правило, основания трапеций и верхний край лишены каких-либо следов ретуши. Только на отдельных экземплярах (табл. II, 14) со стороны брюшка наблюдаются мелкие выщербинки по краю, оставшиеся от употребления. Следует отметить, что в верхних горизонтах Чопан-депе трапеции имеют меньшие размеры, чем в нижних (например, табл. I, 25; табл. II, 1, 2, 11, 14, 20, 29, 30). Большинство трапеций не было в употреблении. Только отдельные экземпляры обладают следами изношенности, характерными для

¹⁵ У. Исламов. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореферат канд. диссертации. Л., 1963. Бинокулярное исследование материала из Большого и Малого Тузкана проведено автором данной статьи.

¹⁶ Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма, стр. 223 и 224.

¹⁷ S. Lloyd, F. Safar. Tell. Hassuna. Journal of Near Eastern studies, vol. IV, № 4, 1945. Chicago.

¹⁸ Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigation in Iraq Kurdistan. SHOS, № 31, 1960, Chicago; R. Braidwood. The Jarmo flint and obsidian industry. Summer, v. VII, 1951.

серпов и скребков (табл. II, 14). Нет сомнения, что некоторые экземпляры геометрических орудий могли употребляться в качестве вкладышей метательных орудий¹⁹.

Микропластинки встречаются только в верхнем слое Чопан-депе. Они правильной формы, миниатюрных размеров, с едва заметной ударной площадкой (табл. I, 20—24). Длина их 1,1—2,9 см, ширина 0,4—0,5 см. Некоторые микропластинки имеют ретушированные продольные края, причем один край, оформленный очень крутой мелкой ретушью, образует узкую грань, сформированную двумя рядами фасеток, идущих от края к центру, навстречу друг другу (по типу усть-нарынских микропластин)²⁰. Вне всякого сомнения, подобные пластинки могли ретушироваться только в специальных зажимах²¹. Техника ретуширования микропластин в зажимах характерна для памятников кельтеминарской культуры²². Для раннего этапа джейтунской культуры подобные пластинки нетипичны. Они имеют место лишь в верхних горизонтах Чопан-депе, так как в других памятниках позднего этапа джейтунской культуры они неизвестны. Техника ретуширования микропластин в особых зажимах является чисто местным признаком Чопан-депе, свидетельствующим о том, что наряду с такими приемами изготовления орудий, которые были характерны для Джейтуна и Чагыллы-депе, здесь вырабатывается своя особая техника, получившая широкое распространение в кельтеминарской культуре и в позднем неолите Восточного Казахстана, где микропластинки по технике ретуширования отличаются большим многообразием.

Характерным орудием раннеземледельческих культур является сверло, ведущее свое происхождение с палеолита и особенно широко распространенное в эпоху неолита и энеолита. Сверло имело значение очень важного инструмента, применявшегося для изготовления предметов украшения, для бытовых нужд, в частности, для изготовления пряслиц, грузил, для связывания разбитых сосудов и т. д. Поэтому сверла существуют довольно длительное время и различаются между собой только отдельными деталями в оформлении самого острия или це-

¹⁹ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 49.

²⁰ Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма, стр. 219, рис. 2, л. н.

²¹ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА СССР, № 54, 1957, стр. 80, 82, рис. 16, 2; Г. Ф. Коробкова. К вопросу о технике расщепления кремня и изготовления орудия (по материалам Усть-Нарыма). В сб.: «Палеолит и неолит СССР», вып. V. № 131, 1965. МИА СССР.

²² А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане, стр. 145, рис. 51, 13, 15.

лого орудия, или способами их применения (одноручного, двуручного или станкового). Последние можно определить лишь по следам изношенности. Именно следы сработанности позволяют установить не только тип сверла, способ его применения, но и определить характер обрабатываемого материала, нередко отсутствующего на поселениях или стоянках. Соответствующую роль в определении способов использования сверл играет анализ всех тех предметов, которые имеют хотя бы незначительные следы от сверления: фрагменты керамики, украшения, статуэтки, грузила, пряслица, утяжелители и др. Все эти вопросы позволяют глубже проникнуть в сущность процесса сверления, лучше изучить технику и орудие, участвующее в этом процессе.

На поселении Чопан-депе обнаружено 28 экз. сверл и 3 развертки. Все они сделаны из призматических пластин небольших размеров и иногда из обломков старых орудий. Размеры их следующие: длина 2,1—7,2 см, ширина в средней части 0,5—1 см, наибольший диаметр острия 0,4—0,5 см. Равномерно встречаются во всех горизонтах памятника. Одни сверла имеют форму правильного стержня, другие — специально выделенное острие (табл. I, 13, 14, 29), оформленное крутой противоположающей ретушью. Встречаются экземпляры, отличающиеся особой тщательностью обработки (табл. II, 27, 35). Продольные края их затуплены, кончик острия закруглен и сильно заполирован. Рукояточная часть отделана мелкой, плоской ретушью, предохраняющей руку от поранения. Достаточно большие размеры их (длина 4,8—7,8 см, ширина в средней части 0,5—0,6 см), сравнительно неправильные их очертания (особенно экземпляр, изображенный на табл. II, 35) и характер имеющихся на их поверхности следов сработанности позволяют говорить об использовании данных сверл без рукоятки. К таким сверлам следует относить и образцы, изображенные на табл. II, 35. Характер имеющихся на их поверхности следов сработанности позволяет говорить об использовании данных сверл без рукоятки. В процессе труда применялся одноручный способ сверления. К таким сверлам следует относить образцы, изображенные на табл. II, 9, 10. Обращают на себя внимание сверла с симметричным острием, небольших размеров (длина 2,8—4,0 см, ширина в средней части 0,5—0,7 см) с сильно изношенным рабочим острием (табл. II, 8), на котором линейные следы располагаются строго по кругу в параллельном между собой направлении. Такие следы являются бесспорным признаком того, что данные образцы употреблялись как станковые сверла (в лучке). Интересны экземпляры

сверл, изготовленных из старых, изношенных орудий, в частности из серпов (табл. I, 29; табл. II, 12, 24, 25, 34). Факт использования в качестве заготовок старых, пришедших в негодность орудий, является характерной чертой для всех памятников джейтунской культуры (Джейтуна, Чагыллы-депе, Монджуклы и др.). Особенно часто использовались земледельческие орудия — вкладыши серпов, переделанные в сверла (табл. I, 29; табл. II, 24, 25, 34). Как правило, на образцах, сделанных из старых орудий труда, наблюдаются линейные следы, оставшиеся от первой и второй работы. Так, например, некоторые сверла, изготовленные из серпов, дополнительно подправленных на конце крутой ретушью, имеют следы изношенности, характерные для серпов и для сверл (табл. I, 29; табл. II, 24, 25, 34). Боковые грани у них стертые, кончик острия затуплен. На затупленных частях граней и острия наблюдаются четкие, строго параллельные между собой и перпендикулярные продольной оси пластины линейные следы, характерные для станкового сверла. Интересен экземпляр сверла, изображенный на табл. II, 34, сделанный из вкладыша серпа с двойным лезвием, позднее переделанный с помощью противоположащей ретуши в орудие, напоминающее по внешнему виду наконечник стрелы с боковой выемкой (у которого и черешок, и острие обработаны противоположащей ретушью). В качестве наконечника орудие не использовалось. Оно употреблялось как сверло.

Большое сходство со сверлами имеют кремневые развертки (табл. I, 15), обладающие следами изношенности. Но в отличие от первых, на развертках линейные следы располагаются по боковым граням пластин, немного отступая от кончика острия; рабочий конец не имеет такого заостренного характера как у сверл. Обычно в качестве рабочего конца разверток использовалась ударная площадка призматических пластин, чаще всего не имеющая никаких следов подправки. Боковые края, прилегающие к ударной площадке, сильно изношены: один край затуплен и слегка завален в сторону спинки, другой — в сторону брюшка. Подобные орудия использовались в работе в качестве разверток, применяемых для расширения проделанных отверстий. Объектом обработки служили камень, кость.

Имеются в коллекции Чопан-депе и проколки (22 экз.). Сделаны они из призматических пластин красновато-желтого, полупрозрачного кремня, с одним естественно заостренным концом. Жальце слегка подправлено (со стороны спинки) мелкой ретушью. Длина проколки 3,1 см, ширина в средней части

0,7 см (табл. I, 30). Кончик острия и прилегающие к нему боковые края заполированы.

На основании изучения рабочей поверхности сверл можно констатировать, что в технике сверления произошла эволюция. В памятниках раннего этапа джейтунской культуры (Джейтун, нижние слои Чопан-депе) встречаются в основном одноручные сверла крупных размеров, с симметричным и асимметричным острием. Способ их применения ручной. На позднем этапе джейтунской культуры появляются сверла небольших размеров, правильных очертаний, с симметричным острием и с исключительно четкими линейными следами в виде правильных концентрических окружностей, перпендикулярных продольной оси пластины. Способ их применения станковый.

Вкладыши ножей (24 экз.) также являются характерными типами орудий всех раннеземледельческих поселений, в хозяйстве обитателей которых немаловажную роль продолжала играть охота, а в связи с нею и орудия труда, непосредственно или косвенно связанные с охотой. Ножи, наряду с наконечниками стрел, копий, дротиков, являются охотничьими орудиями. Ножами вспарывались и снимались шкуры, разделялись туши, очищались кости. Поэтому ассортимент ножей самый разнообразный. В памятниках джейтунской культуры встречаются только вкладышевые ножи, вставленные в рукоятку с помощью клейкого вещества. Их довольно много в Джейтуне, Чагылы-депе и в Чопан-депе (табл. I, 37). Все они сделаны из призматических пластин, с едва заметной ретушью на продольных краях (либо на спинке, либо на брюшке). Она образовалась в процессе использования орудия, а не в результате обработки. Для рабочей поверхности ножей характерна сильная заполированность, равномерно распространяющаяся как на выступах пластины, так и на впадинах фасеток, расположенных вдоль рабочего лезвия. Такие следы специфичны для мясных ножей, используемых для разделки туш убитых животных.

Незначительное место в коллекции Чопан-депе занимают пилки, известные на всех раннеземледельческих поселениях джейтунской культуры. Материалом для них служили призматические пластины кремня, часто не имеющие никаких следов вторичной обработки. Использовались они без рукоятки.

Один экземпляр пилки из Чопан-депе (табл. II, 18) сделан из призматической пластины, с легкой ретушью по одному продольному краю, нанесенной в целях подправки лезвия. Лезвие прямое, гладкое, очертания его округлые. По обоим сторонам лезвия наблюдается множество линейных следов, распо-

ложенных параллельно рабочему краю навстречу друг другу. Длина пилки 4,3 см, ширина 1 см.

Другой экземпляр пилки (табл. II, 23) изготовлен из призматической пластины без следов ретуши. В работе использовались оба лезвия, имеющие сильные следы изношенности. Длина орудия 2,9 см, ширина 1 см. Имеет повреждение, полученное во время работы, но тем не менее продолжавшее использоваться²³. По характеру следов изношенности близко к первой пилке и аналогичным орудиям из Джебела. Использовалась для распиливания раковин, кости, камня.

Коллекция каменных (не кремневых) орудий из Чопан-депе незначительна и набор их однообразен. Это абразивные инструменты, песты, зернотерки, ложила, краскотерки, ядра для пращи, прясла. Абразивных инструментов — 2 экз. Это плоские плитки из мелкозернистого песчаника овальной формы. Наибольший размер их 12,2—14,1 см, наименьший 8,7—5,4 см, толщина 0,8—1 см. В результате сработанности поверхность плиток стерта, особенно с одного какого-либо конца, на ней наблюдается множество линейных признаков, оставшихся от заточки каменных изделий.

Большую серию образуют песты, используемые для дробления и растирания зерна и минеральной краски. Пестов найдено 12 экз., зернотерок 2 экз. Сырьевым материалом для них служил крупнозернистый песчаник серого цвета. Встречаются в равной степени как в верхнем, так и в нижних слоях Чопан-депе.

Песты представлены шаровидными формами, удлиненными, сигарообразными, с одним изношенным рабочим концом. Все они, безусловно, предназначались для растирания зерна, но какая-то часть их (довольно значительная) использовалась и для других целей — для растирания красной охры. Сочетание в одних и тех же орудиях разных функций — характерная черта каменной индустрии джейтунской культуры. Все песты изготовлены с помощью точечной техники. Один из пестов использовался в работе с трех сторон (следы изношенности наблюдаются на боковых поверхностях орудия и на нижнем округлой формы конце). Изношенные поверхности покрыты множеством выбоинок, рисок, в которых сохранились остатки охры. На нижнем конце, помимо выбоин, четко просматриваются линейные следы, направленные параллельно продольной оси орудия. Боковые поверхности песта могли использоваться для дробления крупных кусков охры, нижний ко-

²³ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 94, рис. 20. Здесь дана реконструкция рабочего положения пилки.

нец — для окончательного растирания краски в порошок. Эта операция могла производиться в такой ступке, полость которой была бы не больше диаметра нижнего конца орудия. От соприкосновения песта со стенками ступки на поверхности его образовались линейные следы, свидетельствующие о прямолинейном движении песта во время работы (вниз и вверх). Аналогичные ступки найдены на другом памятнике джейтунской культуры — Чагыллы-депе²⁴.

Зернотерки — 2 экз. Один экземпляр сделан из крупной массивной плитки, неравномерной толщины, выбитой (со стороны рабочей поверхности) точечной техникой. Длина плитки 27,2 см, ширина 18,5 см, толщина 2,2—4,8 см, глубина в центре 0,7 см. Рабочая поверхность зернотерки сильно стерта, выступающие части плоскости сглажены. Наблюдаемые на ней линейные следы обращены в одну сторону — параллельно оси плитки. В порах рабочей поверхности сохранились следы красновато-коричневатой охры. По-видимому, сначала плитка использовалась как зернотерка, потом — как краскотерка, на которой производилось растирание краски.

Другой экземпляр представлен фрагментом. По своему материалу, форме, следам изношенности аналогичен первому экземпляру. Но в отличие от первой зернотерки, использовался только для растирания зерна.

В нижних слоях Чопан-депе встречены обломки краскотерок настоящего джейтунского типа²⁵. Как и джейтунские, они тоже сделаны из серого плитчатого камня, тщательно зашлифованного и уплощенного с двух сторон на абразиве и имеют аналогичные следы изношенности. Характерно то, что на позднем этапе джейтунской культуры подобные краскотерки отсутствуют.

Среди орудий шаровидной формы встречаются образцы совершенно отличные от пестов (хотя имеют ту же самую форму и одинаковые размеры). Это галечка шаровидной формы, с гладкой заполированной поверхностью, испещренной многочисленными линейными следами, идущими в различных направлениях и нередко пересекающимися друг с другом. Линии тонкие, края их остро очерчены. В отличие от пестов они не имеют выбоин, вмятин, глубоких рисок. Поверхность их интенсивно заполирована. Совокупность перечисленных здесь признаков сработанности позволяет видеть в данных орудиях

²⁴ Раскопки О. К. Бердыева в 1963 году.

²⁵ Г. Ф. Коробкова. Определение функций..., стр. 122—123.

лощила, использованные для выглаживания стенок высушенных сосудов.

Кроме того, в коллекции Чопан-депе имеются галечки шаровидной формы меньшего (чем лощила) диаметра (1—2,5 см). Следов использования на них не обнаружено. Аналогии их с подобными керамическими шариками позволяют предполагать, что каменные шарики могли использоваться в качестве ядер для пращи.

Следует остановиться на загадочных предметах дисковидной формы, с просверленным отверстием в центре (в Чопан-депе их обнаружено 2 экз.). Это правильной формы диски, 3—4 см в диаметре, великолепно зашлифованные на абразиве с двух плоских сторон и по кругу. Аналогичные кружки с просверленным отверстием обнаружены во всех памятниках джейтунской культуры. Никаких следов сработанности (за исключением следов заточки от абразива) они не имеют. Однако правильность формы, строго расположенное в центре отверстие наводит на мысль, что они предназначались для каких-либо определенных целей. Т. С. Пассек, анализируя подобные предметы из трипольских поселений, высказывает предположение об использовании их в качестве пряслиц²⁶. С. Н. Бибииков склонен считать их изделиями, предназначенными для какой-то игры²⁷. Наши наблюдения не расходятся с первой гипотезой. Тщательность обработки дисков, правильность их очертаний и едва уловимые (в одном случае) следы вдавления, образовавшиеся, по всей вероятности, от привязывания нити — все эти признаки позволяют предполагать, что данные диски могли использоваться в качестве напрядел. Сравнительно небольшое число подобных изделий в ранних памятниках джейтунской культуры позволяет предполагать, что в Джейтуне и нижних слоях Чопан-депе были лишь зачатки ткачества, широко развившегося в позднем периоде этой культуры.

Поражает своим обилием костяной инвентарь из Чопан-депе. Однако ассортимент костяных изделий сравнительно однообразный. Это — шилья, развертки, скобящие орудия, иглы, лощила, бусы, подвески. Следует также отметить, что количество костяных предметов заметно возрастает по мере исчезновения изделий из камня. В Чопан-депе костяные орудия составляют 23% от всего количества орудий труда. Первое ме-

²⁶ Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА СССР, 1961, М., стр. 40.

²⁷ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА СССР, вып. 38, 1953, стр. 202.

сто среди них занимают всевозможные шилья, употреблявшиеся либо как проколки, либо как развертки, либо в сочетании тех и других функций. Всего найдено 68 таких предметов (табл. III, 1—8, 11, 12, 15—16). Все они сделаны из отрезков трубчатых костей животных, порою даже необработанных. У большинства экземпляров подправлено только острие, остальная же часть орудия сохраняет естественную поверхность расколотой кости (табл. III, 2, 3, 15). Часть шильев, помимо острия, имеет еще дополнительную подправку на гранях и эпифизе (табл. III, 7, 8, 11). И только небольшое количество шильев отличается тщательностью отделки всей поверхности (табл. III, 5, 6, 7, 12, 16). Они, как правило, зашлифованы на абразиве со всех сторон. Единичные экземпляры не имеют никаких признаков дополнительной обработки. Размеры шильев следующие: длина 3,5—10,5 см, диаметр острия 0,2—0,6 см. Имеются шилья с двойным острием (табл. III, 4, 5) и в виде стержня (табл. III, 5, 16). Все они использовались в работе и в качестве разверток. На рабочем конце четко просматриваются два вида линейных следов, из которых одни идут параллельно продольной оси, другие — кольцеобразно, пересекаясь в ряде мест с первыми. Острия, как правило, сильно заполированы. Выделяется среди них один экземпляр шила (табл. III, 6) с небольшими, полученными искусственным путем плечиками. Аналогичные шилья обнаружены в коллекции Чагыллы-депе²⁸. Основная цель плечиков — получение отверстий равного диаметра, с ровными краями. Среди шильев имеются образцы, используемые в работе только в качестве разверток (табл. III, 7, 11). Они применялись для расширения сделанных отверстий в производстве по изготовлению одежды. С производством по обработке шкур животных связаны и другие типы костяных изделий. Это орудия из лопаток, широко распространенные на Джейтуне, встречающиеся как в нижних слоях Чопан-депе, так и в верхнем (всего 4 экз.), иглы (2 экз.) и ложила (2 экз.).

Скоблящие орудия на лопатках в отличие от джейтунских имеют более выровненный рабочий край. Лезвие подправлено с помощью кремневого ножа, от которого на боковых поверхностях, прилегающих к рабочему краю, остались следы срыва ножа. Длина орудий — 7,8—13,2 см, ширина — 1,2—1,6 см. (табл. III, 9, 14, 17). На рабочем крае наблюдается масса линейных следов, мягких округлых очертаний, перпендикуляр-

²⁸ О. К. Бердыев и Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-депе, стр. 21, табл. I, рис. 4.

ных лезвию. Эти орудия, как и джейтунские, употреблялись для грубой обработки шкур животных. Для выглаживания швов на коже использовались другие инструменты — ложила. Они имеют выпуклый, округлой формы конец, тщательно уплотненные на абразиве (табл. II, 7). Рабочее лезвие с двух сторон сильно заполировано. На обоих плоских поверхностях, прилегающих к нему, видны линейные следы, направленные по диагонали к рабочему краю. Линии тонкие, едва уловимые, характерные для следов изношенности ложил.

Иглы миниатюрны, изящны, тщательно заточены на абразиве. Материалом для них служили мелкие кости птиц. Поверхность игл заполирована до блеска. Они имеют небольшое отверстие для продевания нити, процарапанное кремневым ножом с двух сторон. Длина их 3—4,4 см, наибольший диаметр 0,25 см (табл. III, 10). Линейных следов не наблюдается.

Среди костяных изделий встречаются украшения в виде подвесок (табл. III, 13). Сделаны из отрезка расщепленной вдоль трубчатой кости, тщательно зашлифованной со всех сторон на абразиве. В верхней части имеют сквозное отверстие. Последнее неправильной формы, постепенно сужающееся на конус. Отверстие сделано с одной стороны одноручным сверлом. Длина подвески 2,8 см, ширина 0,6 см, диаметр отверстия 0,4—0,25 см.

В изготовлении орудий труда применялась самая разнообразная техника: оббивка ударная, отжимная, абразивная и точечная. Использовались самые различные приемы скалывания пластин с нуклеусов: на наковальне, с помощью щемилки, в руке. Эти же приемы были известны и на Джейтуне. Для последнего характерна тщательная отделка орудий ретушью (на конце пластины). На поселении Чопан-депе и Чагылды-депе жители употребляли пластины почти без всякой подправки рабочего края (за исключением ряда орудий, в частности, вкладышей серпов, происходящих из нижних слоев Чопан-депе). Несмотря на некоторую архаичность техники обработки камня, на Чагылды-депе и Чопан-депе, хотя и незначительные, но все же заметны сдвиги в сторону прогресса.

Обилие в коллекции Чопан-депе одних типов орудий и многочисленность других позволяет говорить о возможности того или иного орудия в производственном процессе. Значительный процент скобящих орудий (скребки, орудия из лопаток), костяные шилья, иглы, ложила, то есть орудия, непосредственно связанные с обработкой шкур животных и изготовлением одежды, свидетельствуют о той большой роли, которую играло это производство в жизни обитателей Чопан-депе. Вместе с тем

жители этого поселения, возможно, какую-то часть одежды изготовляли из ткани, на что указывают находки каменных зашлифованных дисков с просверленным отверстием в центре, могущих выполнять функции напярсел.

Большое место в производственной жизни обитателей Чопан-депе занимали разнообразные плотничьи работы. Хотя дерево на поселении и не сохранилось, однако целый ряд инструментов — скобели, скобели-резчики, сверла — указывает на существование производства по обработке дерева и изготовлению деревянных изделий. Дерево шло на рукоятки для серпов, скребков, на древки для стрел, на изготовление палок-копалок, на рукоятки для рубящих орудий. Оно легче обрабатывалось и не требовало на свою обработку больших затрат времени. Отсутствие на поселениях джейтунской культуры костяных оправ и рукояток (кроме одной оправы для серпа из Чопан-депе)²⁹ позволяет предполагать, что их здесь заменяли рукоятки из дерева, не сохранившегося в слое.

На поселении производилась обработка и изготовление минеральной краски, широко используемой в хозяйстве ранних земледельцев. Изготавливались различные украшения из раковин, кости, камня, глиняные фигурки людей и животных.

Ведущее место в хозяйстве чопановцев занимало земледелие. На это указывают прежде всего остатки вкладышей сложных серпов, составляющих (как и на других памятниках джейтунской культуры) почти половину всех орудий; во-вторых, каменные зернотерки, песты, используемые для обработки продуктов земледелия; в третьих, отпечатки зерен и стеблей ячменя и пшеницы³⁰. Отсутствие на поселении каких-либо следов землеобрабатывающих орудий заставляет предполагать, что в качестве последних могли употребляться обычные палки-копалки, снабженные каменными утяжелителями и представляющие собой (как показали неоднократные опыты, проведенные экспериментальной экспедицией под руководством С. А. Семенова в Приозерском районе Ленинградской области по испытанию подобных орудий) достаточно эффективное орудие, позволяющее сравнительно легко, без особой затраты труда, вскапывать и разрыхлять комковатую почву. Интересно, что и на других раннеземледельческих поселениях

²⁹ В. М. Массон. Южно-туркменистанский центр раннеземледельческих культур. ТЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960, стр. 15, рис. 4.

³⁰ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 20; О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения, стр. 189; его же. Чагылы-депе..., стр. 94.

джейтунской культуры орудия по обработке земли тоже не обнаружены, за исключением каменных утяжелителей с отверстием в центре. Поэтому у нас нет данных для утверждения, что на территории Средней Азии в неолитическое время существовало мотыжное земледелие (как на поселениях Древнего Востока)³¹. Находки же в памятниках джейтунской культуры и энеолита крупных каменных дисков с отверстием в центре позволяют предполагать, что обработка земли производилась с помощью палок-копалок, снабженных каменными утяжелителями.

Урожай снимался простыми жатвенными ножами, состоящими из отдельных вкладышей, вставленных в прямую рукоятку из кости или дерева. Сначала это были серпы с гладким, ровным, почти необработанным лезвием (на первом этапе джейтунской культуры), затем появляются образцы с зубчатым лезвием. Прямая форма рукоятки держится довольно устойчиво и доживает даже до энеолита (Ялангач-депе, Усть-Нарым)³². В качестве вкладышей серпов используется любой материал, находящийся под рукой у производителя (например, наконечники стрел в Ялангач-депе)³³. Снятый серпами урожай обрабатывался с помощью зернотерок, курантов, пестов и ступок, а солома использовалась в качестве отошителя для строительства глинобитных домов и изготовления посуды.

Наряду с земледелием значительный вес в хозяйстве обитателей Чопан-депе имела охота. Об этом свидетельствуют остеологические остатки, среди которых преобладают кости диких животных, орудия труда и оружие. К оружию следует относить каменные и керамические ядра для пращи и геометрические микролиты, могущие быть использованными в качестве вкладышей составного метательного оружия³⁴. Под орудиями охоты подразумеваются инструменты, предназначенные для обработки продуктов охоты. Это всевозможные ножи, встреченные в большом количестве на всех поселениях джейтунской культуры и используемые для разделки туш убитых животных и резания мяса, и различные скобящие орудия, применяемые в производстве по обработке шкур и выделке

³¹ S. Lloyd, F. Safar, ... *Цит. работа.*

³² Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия..., стр. 82; е е ж с. Результаты изучения производственных функций..., стр. 229.

³³ Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия..., стр. 82, табл. № рис. 3, 4.

³⁴ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 14, 15, 49. А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959, стр. 70; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 62.

кожаных изделий. Охота на ранних ступенях развития джейгунской культуры не только доставляла основное количество мясной пищи, но и снабжала население необходимым материалом для изготовления одежды и предметов домашнего обихода. Лишь в конце неолита, особенно в энеолите, охота почти целиком вытесняется скотоводством, зачатки которого появились еще в эпоху мезолита⁴⁵.

G. F. Korobkova

BINOCULAR STUDY OF MEANS OF LABOUR FROM CHOPAN-DEPE.

Research of traces of wear on the tools allows us to determine the different types of labour of agricultural neolithic stage in South Turkmenistan.

For harvesting the crops reaping hoors were used used (table I, 3, 4, 7, 11, 19, 25—28; table II, 14—16, 19). Of great importance was the hide elaboration which was done with different types of scrapers (table I, 8—10, 12, 35, 36; table II, 3—4, 21, 22, 32; IV, 9, 14—17). In carpenters' work were used different cramps (table I, 2, 5, 6, 17, 18, 31, 32, 34; table II, 5—7, 13) and saws (table II, 18, 23).

Knife-sheaths are connected with the hunting (table I, 27), geometrical microlithes (table II, 1, 2, 11, 20, 29, 30) and balls for slings (table V, 4—6).

⁴⁵ C. Coon Seven caves. London 1957, стр 150

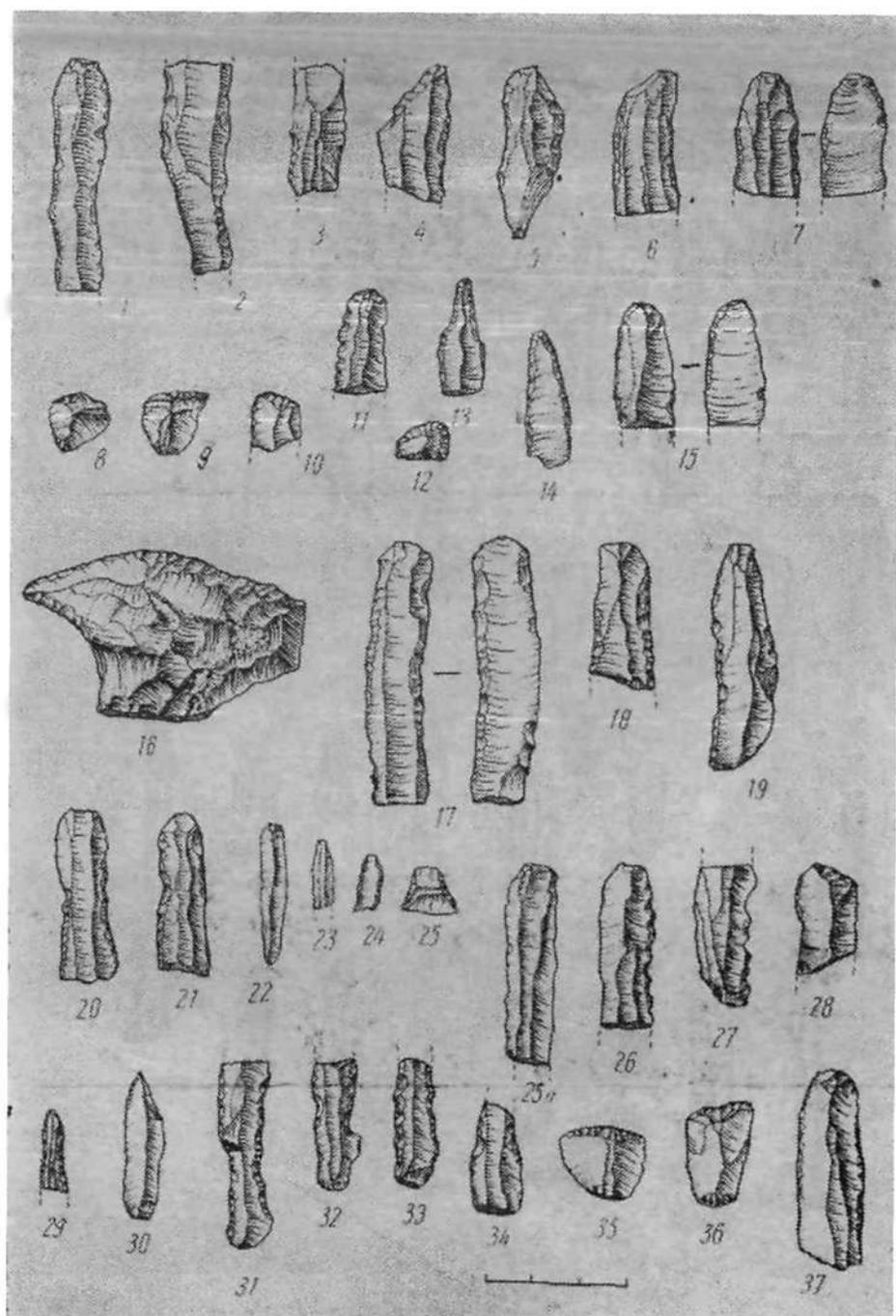

Таблица 1. Кремневые орудия:
 1, 2, 5, 6, 17, 18, 31—скобели; 3, 4, 7, 11, 19, 25а—28—серпы. 8—10;
 12, 35, 36—«микроскребки», 16—скребок; 13—14—сверла; 15—раз-
 вертка; 20—серп-скобель; 21—серп-развертка; 22—24—микропласти-
 ны; 25—трапеция; 29—сверло на серпе; 30—проколка; 32—34—ско-
 бели на серпах; 37—вкладыш ножа.

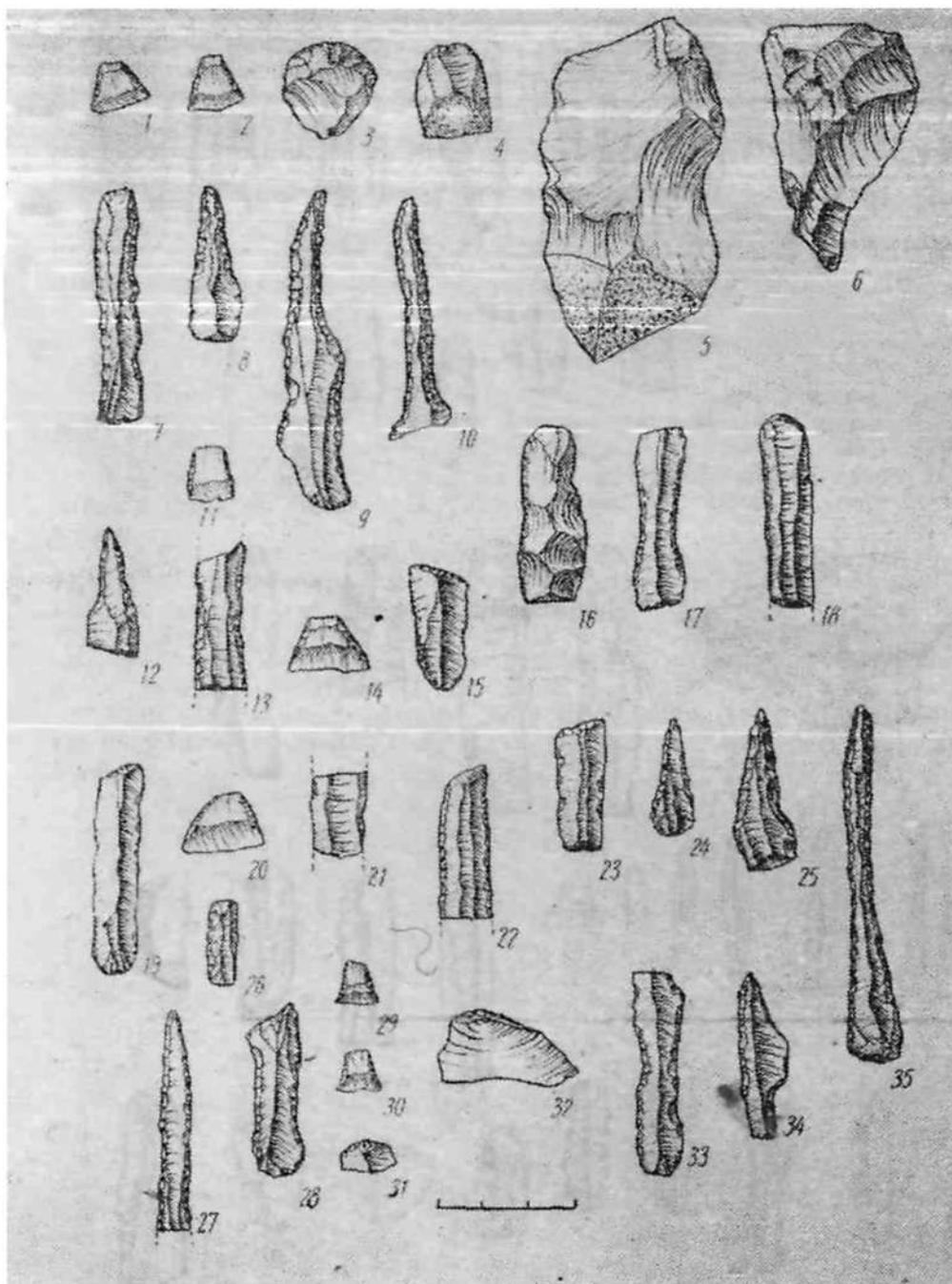

Таблица II. Кремневые орудия:

1, 2, 11, 20, 29, 30—трапеции; 3—4—скребки; 5—7, 13—скобелки;
 8—10, 12, 27, 35—сверла; 14—16, 19—серпы; 17, 28, 33—скобелки на
 серпе; 18, 23—пилки; 21, 22, 32—боковые скребки; 24, 25, 34—
 сверла на серпе; 26—микровкладыш бокового скребка.

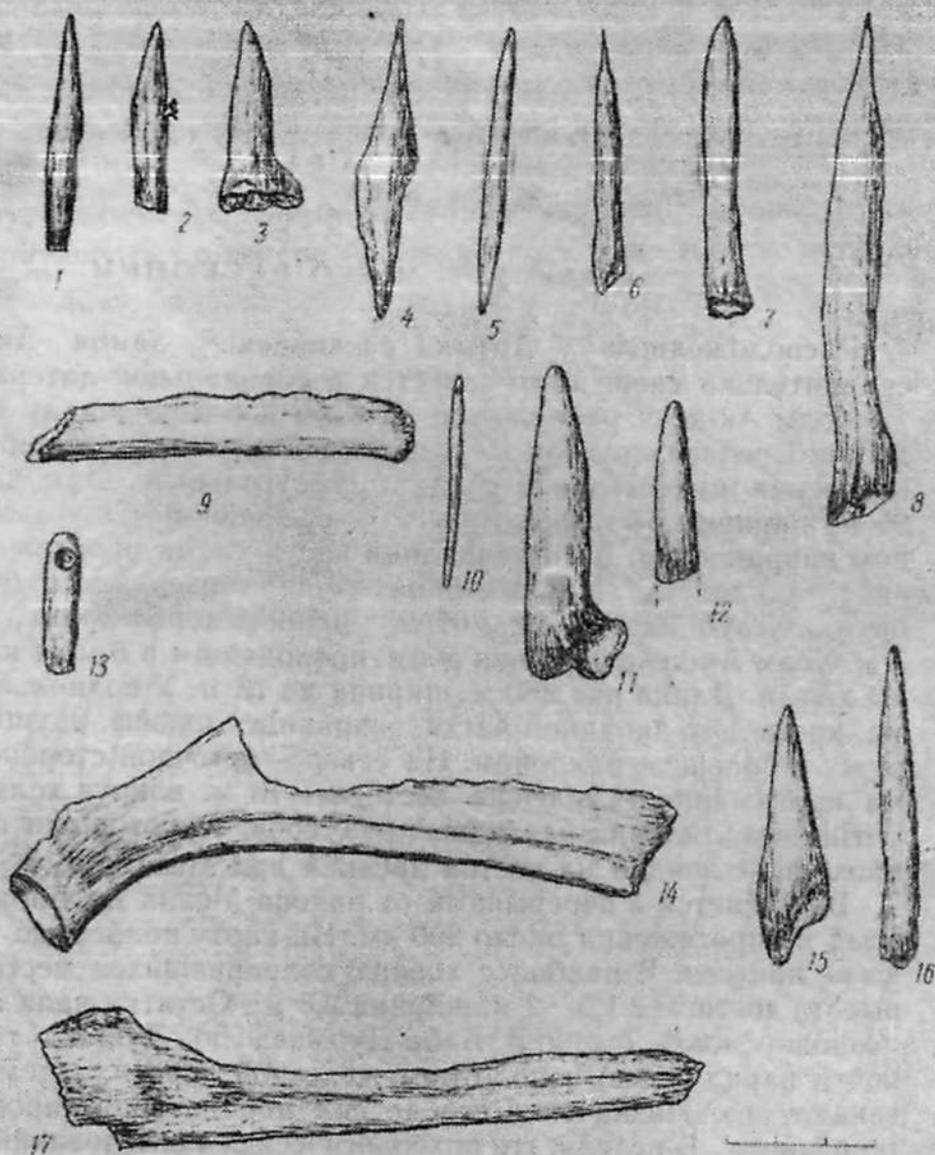

Таблица III. Костяные изделия:
 1—6, 8, 15—16 — шилья; 7, 11, 12 — разбертки; 9, 14—17 — скобящие
 орудия на лопатках; 10 — иглы; 13 — подвеска.

А. ГУБАЕВ

ЗАМОК АК-ДЕПЕ И ЕГО РАСКОПКИ

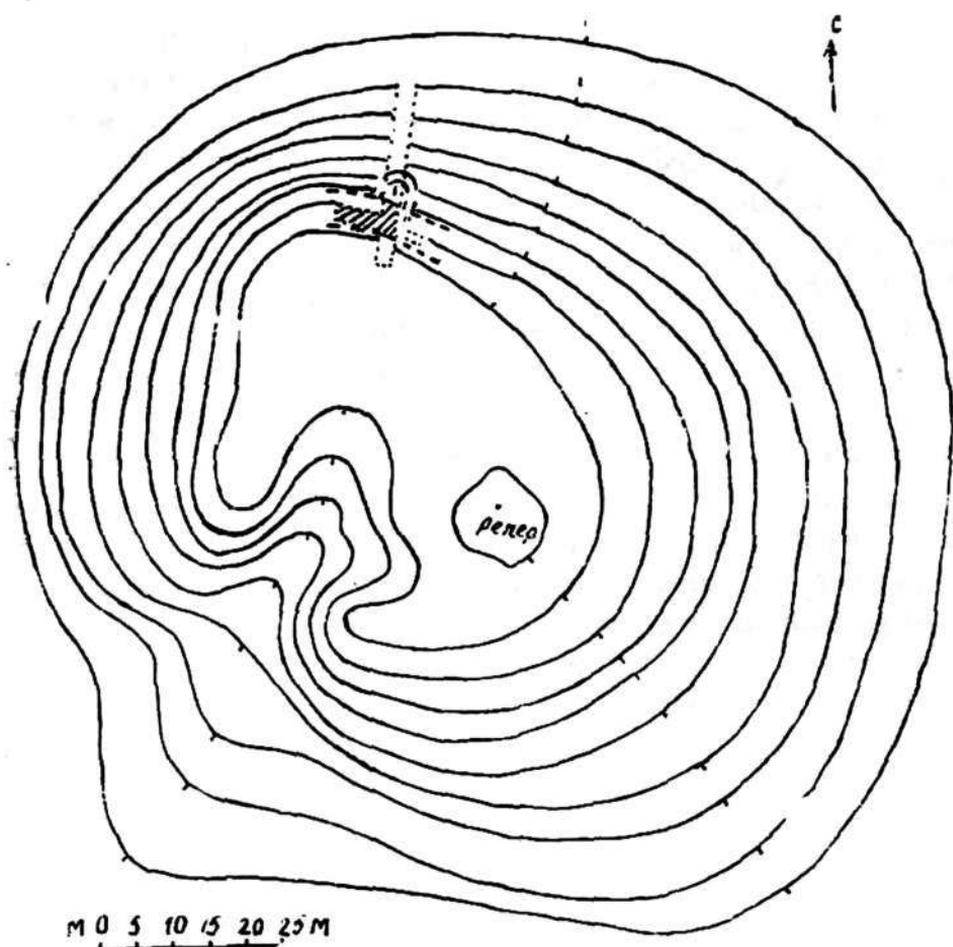
Расположенный у Артыка сасанидский замок Ак-депе сравнительно давно стал известен в специальной литературе.

Холм Ак-депе расположен в 3 км к северо-западу от ст. Артык Среднеазиатской железной дороги. Центральная часть поселения представляет собой прямоугольный холм длиной 90 м, шириной 54 м, высотой 12 м, сужающийся в юго-западном направлении. В юго-западной части холма прослеживается довольно глубокая ложбина, по-видимому, место бывшего выезда. Глубина ложбины от поверхности холма примерно 4—5 м. Холм Ак-депе окружен рвом, проходящим в 6 м от подошвы холма. Длина рва 280 м, ширина до 13 м. У подножия холма, кроме юго-западной части, сохранился шлейф, идущий наружу с большим наклоном. На северо-восточной стороне холма протяженность шлейфа достигает 13 м, вокруг холма заметны всхолмления различных размеров, за которыми в 40 м проходит с запада на восток древний вал Мерз.

Вал тянется с перерывами от района Меана до Баба-Дурмаза на протяжении около 200 км. На карту полностью он пока не нанесен. В наиболее хорошо сохранившихся местах его высота достигает 1,5—2 м, ширина 2,5 м¹. Остатки вала от железнодорожной станции Баба-Дурмаза до Душака тянутся почти параллельно с полотном железной дороги, затем пересекают его. Назначение его до сих пор интерпретировалось по-разному. В результате археологических исследований автору удалось нанести на карту северный вал Мерз. Оба вала проходят почти параллельно на расстоянии один от другого в 20 км. В районе Ак-депе между валами Мерз проходит шоссейная асфальтированная дорога Ашхабад—Каахка.

¹ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, 1947. ТЮТАКЭ, том II. Ашхабад, 1953, стр. 44.

Вокруг центрального холма Ак-депе, на расстоянии 32 м от него расположены всхолмления различных размеров — остатки усадьбы. В 25 м к западу от всхолмлений в валу Мерз заметна неглубокая ложбина, быть может, въезд к замку. Западнее ложбины, перпендикулярно валу Мерз прослеживается еще один вал по направлению с севера на юг. Этот вал пересекается с основным валом Мерз. На юго-востоке в 100—150 м от замка Ак-депе прослеживаются следы древнего русла, тянувшегося с севера на юг, по всей вероятности, остатки

Ак-депе. Глазомерный план.

древнего арыка. В свое время он, видимо, являлся продолжением современного арыка, который обеспечивает водой население станции Артык и идет со стороны гор вниз извилистой промоинной с пологими, почти выровненными краями. В 1,5 км от замка Ак-депе на северо-восток расположены два маленьких холмика, на поверхности которых в основном встречается подъемная керамика, напоминающая позднеантичную. Сейчас вокруг этих холмиков раскинулись колхозные поля.

На Ак-депе в 1964—1965 годах были проведены следующие раскопочные работы: заложен шурф на усадьбе, к западу от замка осуществлено вскрытие ряда помещений верхнего слоя; заложен на вершине замка стратиграфический шурф, а для изучения стены были осуществлены разрезы северного склона холма, доведенные местами до стилобата. Рассмотрим последовательно соответствующие археологические работы.

С целью выяснения культурной жизни, на окружающем замок Ак-депе поселении был заложен шурф. Шурф размером 2×2 м был заложен в 50 м к северо-западу от замка, глубина его 3 м. Шурф прорезал стену из сырцового кирпича (размеры кирпича 38×38×8 см), идущую с востока на запад. Прослеживаются также уровни пола, быть может, первого периода проживания людей на Ак-депе.

Наиболее значительные по объему работы были проведены на вершине холма. Здесь нами было раскрыто несколько жилых и хозяйственных помещений. Все они забутованы плотно спрессованными обломками сырцового кирпича.

Помещение № 1 расположено в юго-восточной части комплекса. Пол помещения находится ниже реперной точки на 20 см, высота сохранившихся стен до 85 см, длина южной стены 4,5 м, восточной стены 5 м, северной 5 м, западной 5,5 м. Дверной проем, ведущий в помещение № 2, находится в северо-западной стене. На полу сохранились тонкие глиняные промазки — слои в 6 см толщиной с большой примесью самана. В юго-восточной части помещения был обнаружен жернов и рядом подпяточный камень (дверной проем в соседнюю комнату обнаружен на северо-западной стене комнаты).

Помещение № 2 расположено на запад от помещения № 3, размеры те же, что и у помещения № 1. В центральной части помещения вместе с обломками хума были найдены две серебряные монеты: Иездигерда I (398—420 гг.) и Иездирегда II (438—457 гг.). Раскопки доведены до уровня 1,5 м от репера, пол пока не обнаружен.

Помещение № 3 с алебастровым полом. Алебастровая обмотка толщиной 8 см также частично сохранилась и на стенах. В центре помещения обнаружено углубление в виде ванночки, обмазанное алебастром. Пол ванночки ниже реперной точки на 2 м, размеры ванночки: высота края 15 см, высота стены в хорошо сохранившейся части 55 см, длина с севера на юг 1,5 м, ширина 1 м; в середине ванночки помещен толстостенный керамический хум, высота сохранившейся части 50 см. Вокруг хума было найдено несколько монет Варахрана V (420—438 гг.) и геммы — печать. Проход в соседнее помещение № 4 не обнаружен. Возможно, эти помещения вообще не сообщались, поскольку помещение № 3 было жилым, а помещение № 4 — хозяйственным.

Помещение № 4 расположено на юго-запад от помещения № 3 с алебастровым полом. Оно имеет два строительных этапа с полами на уровне 2 м и 1 м реперной точки.

Помещение № 5 (двор?) расположено параллельно помещению № 4 с южной стороны. Полностью оконтурить его не удалось, но по планировке оно напоминает двор. Здесь тоже могут быть прослежены два строительных этапа.

В восточной части помещения четко прослеживаются следы тамдыра круглой формы. Внутри тамдыра обожженная промазка толщиной 0,4 см, сохранившаяся высота 18 см, диаметр в верхней части 70 см, диаметр нижней части 75 см; тамдыр был заполнен золой с фрагментами керамики. Находки представлены в основном керамикой из плохо отмученного теста с примесью дресвы и гипса.

Помещение № 6 расположено в юго-восточной части двора, между двором и помещением № 4, четко прослеживается стена из пахсы толщиной 40 см, но местами наблюдаются сырцовые кирпичи размером 37×3×7 см. Здесь наблюдаются те же два этапа, что и в других помещениях.

На уровне пола первого этажа вокруг попарно стоящих хумов обнаружены глиняные буллы с многочисленными отпечатками, на которых видны изображения различных животных и человеческих фигур. На каждой булле разместилось до 12—

13 различных отпечатков, а всего круглых булл с изображениями и надписями найдено 24 фрагмента. Здесь же встречен красноангобированный керамический сосуд с двумя ручками и круглым отверстием в верхней части.

Хозяйственное помещение расположено на восточной стороне замка, высота стен в наиболее сохранившейся части — 55 см, в центре расположены 5 хумов, стоящие двумя рядами: в одном ряду — три, в другом — два.

Таким образом, некоторые помещения замка имели свое определенное назначение. Так, помещение № 1, скорее всего, являлось хранилищем зерна и других продуктов, как об этом свидетельствуют найденные семена ячменя, пшеницы, косточки, видимо, абрикосов.

В помещении № 3, в центральной части (как уже говорилось), обнаружена неглубокая ванночка, обмазанная алебастром так же, как пол и стены, которая могла быть винодавильной. В качестве аналогии укажем на винодельческие мастерские, раскопанные в одном из загородных домов Пенджикента², а также в Семиречье в замке Луговое «А» и усадьбе Луговое «Б»³.

Шурф, заложенный на вершине холма, позволил выявить более ранние этапы истории Ак-депе. Раскопки велись по ярусам в 0,5 м каждый. Размеры шурфа 4×4 м, глубина его — до 9 м от репера (рис. 2). Верхняя часть шурфа находится ниже репера на 1,32 м, поэтому первый, второй и начало третьего яруса воздушные.

В конце третьего яруса в шурфе идет сырцовая кладка, размером 40×?×9 см; на западной стене этого же яруса начинается плотная земля. Там же отмечен уровень верхнего пола, то есть пол алебастрового помещения № 3. В пятом ярусе зафиксирован уровень нижнего (второго) пола. С шестого по восьмой ярус идут слои плотной твердой земли. Они включают в свой состав фрагменты сырца, керамики и слой строительного мусора толщиной 1,5 м.

С конца восьмого яруса до десятого яруса идет смешанный селитроносный слой, местами переходящий в узкую полосу зольного слоя. Затем идут одиннадцатый и двенадцатый ярусы, здесь между рыхлыми и наносными слоями проходит тонкая полоса селитроносного слоя. Ниже отмечен рыхлый слой толщиной в 60—70 см и начинается завал стро-

² О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, 66, стр. 179.

³ К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, сер. обществ. наук, 1966, № 2, стр. 75.

ительного мусора. В тринадцатом ярусе, на северной стене, замечено несколько рядов сырцового кирпича, затем снова завал и рыхлая натечная земля. На южной стене прослежена узкая полоса горелой земли, а под ней селитроносный слой. Ниже четырнадцатого яруса, на западной стене местами наблюдаются сырцовые кирпичи указанного выше размера. В конце восемнадцатого яруса начинается мусорная яма с включением угольков, фрагментов керамики, а также обломков сырца. После мусорной земли начинается твердая земля с отсутствием археологического инвентаря, это дает основание говорить, что строительные сооружения замка кончаются и начинается платформа или стилобат.

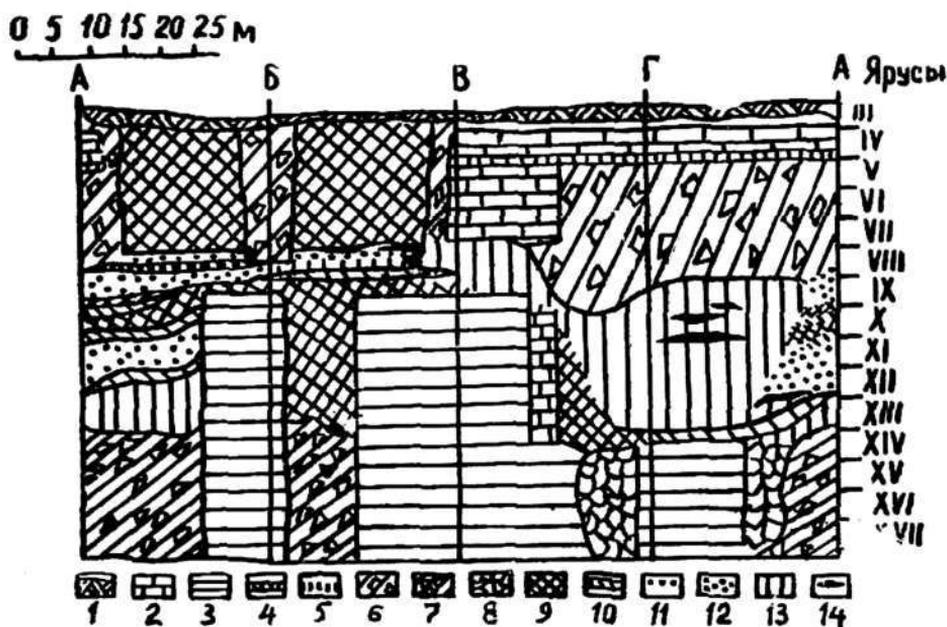

Рис. 1. Стратиграфический шурф на вершине замка:

1—стена из сырцового кирпича; 2—сырцовый кирпич; 3—стена из твердой глины; 4—золенный слой; 5—уровень пола; 6—битые куски металла и кости; 7—рыхлый слой; 8—мусорная яма; 9—упавший кирпич; 10—уровень пола; 11—золенный слой; 12—обгоревший слой; 13—стена пахсовая; 14—смешанный слой.

Таким образом, шурф позволил выделить, ведя отсчет снизу вверх, несколько строительных этапов. Представим их в обобщенном виде.

Первый этап—XVIII—X ярусы. Здесь, местами по всей площади шурфа, идет стена из глины. С XVIII по XIV ярусы на западной стене местами наблюдаются сырцовые кирпичи в твердой земле. Эта картина повторяется также на северной и южной стенах. Видимо, на протяжении этих слоев мы имеем дело с остатками наиболее ранних строений замка, внутренняя часть которых заполнена мусором и материалами разрушенных.

Второй этап—X—VIII ярусы. Здесь глинобитная стена исчезает, начинается смешанный селитроносный и наносный слой, местами на ограниченной узкой полосе проходит зольный слой.

Третий этап—VIII—V ярусы — уровень нижнего пола, в VII—VI ярусах — плотная твердая земля, а на западной стене — завал строительного мусора толщиной в 1,5 м.

Четвертый этап—V—III ярусы—уровень верхнего пола, то есть пол алебастрового помещения, а также стена из сырцового кирпича, размеры которого $40 \times ? \times 9$ см. К этому этапу относится многокомнатный дом.

Помимо шурфа, нами был сделан разрез северо-западного склона замка с целью изучения его фортификации.

В процессе работы здесь была встречена толстая обводная сырцовая стена, идущая по краю холма. Первоначальная стена имела высоту 2,10 м, затем рядом была пристроена ремонтная стена толщиной 2 м, высотой 2,10 м. Более сложным оказался внешний край стены. Здесь первоначально было сооружено круглое в плане башнеобразное сооружение. В период работ мы наткнулись на бойницу с диаметром сохранившейся части 18 см. Рядом с ней было найдено глиняное необожженное круглое ядро. Сохранившаяся высота башни в нижней части 6,15 м, диаметр с запада на восток 5,5 м, сложена она из сырцового кирпича различного размера: $39 \times 39 \times 8$ см, $40 \times 40 \times 10$ см. Находки в основном представлены красноангобированной керамикой, напоминающей позднеантичную керамику. Хорошо сохранились входы в башню; один расположен в северо-восточной части, другой — в юго-восточной. Нижняя часть башни до уровня 1 м заполнена рыхлой землей. Один из входов имеет арочное перекрытие, высота входа 1 м, ширина 70 см. Он сложен из сырцового кирпича, размером $40 \times 40 \times 10$ см. Сама башня сужается вверх. В позднее время это башнеобразное сооружение было превращено в керамическую печь. Печь эта сложена из прямоугольного сырцового кирпича различного размера: $39 \times 39 \times 9$ см, $40 \times 40 \times 10$ см, $42 \times 42 \times 8$ — 10 см, $38 \times 38 \times 8$ см. Среди находок в

керамической печи интересны парные камни, служившие подшипником ручного гончарного круга⁴.

Высота сохранившейся части керамической печи 2,60 м, верхний диаметр в сохранившейся части 2,5 м, диаметр дна печи 3 м. В процессе работы было выявлено, что наружная стена замка была использована как южная стена керамической печи, то есть печь как бы пристроена к стене замка. Наша печь перекрыта сводом, пол печи не сохранился, местами сохранилась промазка печи толщиной 4—5 см. На полу печи были обнаружены в юго-западном углу три хума почти одинаковых размеров. Высота хума 60 см, диаметр венчика 30 см, диаметр дна 20 см. В центре один хум с алебастровой круглой крышкой диаметром 35×37 см. Видимо, эти хумы попали в печь после того, как ее забросили и стали использовать как хозяйственное помещение. Таким путем устанавливаются два этапа жизни в период существования керамической печи: 1) период постройки у внешнего фасада стены замка сводчатой керамической печи, 2) момент заброса печи и использования ее в качестве помещения для хумов (хозяйственное помещение). Вероятно, печь построена в момент, когда оборонительная стена замка и сторожевая башня потеряли свое значение.

Проведенные работы позволяют выделить четыре периода в истории замка.

Первый период. К нему следует отнести постройку первоначальной стены замка толщиной 2 м и находки в XII—XVIII ярусах шурфа. В этих ярусах встретились главным образом фрагменты сырцовых кирпичей, обломки хумов, а также стенки и венчики кухонных сосудов. В основании шурфа шли слои чистой земли без примеси строительного мусора (возможно, остатки стилобата). Стены строений, видимо, оказались вне пределов площади, пройденной шурфом.

Второй период. К нему относятся слои VIII—X ярусов, где никаких остатков строительных сооружений не прослеживается. Этот период совпадает с постройкой у стены замка дополнительной стены толщиной 2 м. Таким образом, во второй период укрепления замка стены стали более мощными.

Третий период. Этому периоду соответствует уровень пола в раскопанных помещениях на глубине 1,5 м от репера.

⁴ В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.). История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 43, рис. 4. А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб. КСИИМК, вып. XXXVI, № 2, стр. 138, рис. 37.

В юго-западной части помещения № 2 вместе с керамическими находками была обнаружена монета Иездигерда II (438—457 гг.). Третьему периоду соответствует постройка башни у крепостной стены замка. Таким образом, в третьем периоде в основном массиве замка возводится многокомнатное сооружение, а фортификация усиливается за счет возведения башен.

Четвертый период. Этому периоду соответствует уровень пола, находящийся на глубине 1 м от репера. На этом полу в помещении № 1 (у юго-восточной стены) были обнаружены семена ячменя, пшеницы и тыквы; там же был найден жернов и рядом подпяточный камень. На одном фрагменте керамики, найденном здесь, имеется налп в виде головы барана, характерный для символики сасанидского периода. Хотя многокомнатное здание основного массива замка в течение четвертого периода продолжает существовать, в фортификационных сооружениях наблюдается некоторый упадок. Так, башня используется в качестве керамической печи, пристроенной снаружи к обводной стене замка. На позднем этапе своего существования печь используется в качестве складского помещения.

Таким образом, раскопками установлена сложная и длительная история существования акдепинского замка. Его центральная часть представляла собой значительное фортификационное сооружение, возведенное на стилобате с обводной стеной, фланкированной круглыми башнями. За длительный период существования замка в нем накопились многометровые культурные наслоения. В прилегающей к замку усадьбе (видимо, складывавшейся постепенно) эти слои незначительны — всего около 1,5 м.

Датировка слоев третьего и четвертого периода определяется комплексом предметов, относящихся ко времени не ранее V—VII вв. н. э., найденных на полу в одном из помещений. Серебряные монеты Варахрана V (420—438 гг.) и Иездигерда II (438—457 гг.), найденные в нижних слоях помещения № 2, позволяют говорить о датировке второго периода V в. н. э. В таком случае, первый период, то есть время постройки замка, может быть ориентировочно отнесен к III—IV вв. н. э.

В ходе раскопок акдепинского замка как в шурфах и разрезах, так и в помещениях на вершине холма были сделаны многочисленные находки. Среди них керамические изделия, изделия из металла, кости, а также монеты, геммы и буллы.

Полученный нами керамический материал происходит из керамической печи, из стратиграфического шурфа, из разреза

стен, а также из архитектурного комплекса. Большую часть материала мы получили из керамической печи и из мусорной ямы шурфа.

Среди находок часто встречаются фрагменты бракованной керамики и керамические шлаки. Это доказывает, что в замке Ак-депе у Артыка было местное керамическое производство, кроме Ак-депе в качестве сравнения привлечена керамика из Мисриана, добытая В. М. Массоном из Мерва, Койне-Каахка, а также Байрамалийского некрополя.

Раскопанные объекты на Ак-депе, согласно добытому археологическому материалу, можно разделить на два этапа.

1. Ранние объекты четко прослеживаются в нижних слоях помещения в VIII—X и XII—XVIII ярусах стратиграфического шурфа.

2. Поздние объекты. Им соответствует верхний уровень пола раскопанных помещений в замке и керамические фрагменты с изображением головы и фигуры домашних животных.

Дадим развернутую характеристику наиболее массового позднего комплекса. Типологически выделяются следующие группы.

Чаши плоскодонные. В большинстве венчик слегка загнут наружу. Диаметр устья 13—14 см, диаметр дна 9—10 см, толщина стенок 0,7—0,9 см (рис. 3).

Чаши конической формы: а) чаша с прямым венчиком, на слегка выступающем поддоне, из хорошо отмученной и хорошо обожженной глины, с ровным белым ангобом на внутренней стороне, неровной толщины пятнами и красноватой краской на внешней поверхности; чаши с вертикальными стенками (в фрагментах): фрагмент дна тонкостенной чаши бело-красноватого цвета, серым ангобом, толщина стенок 0,5 см, которые плавно переходят к плоскому донцу, диаметром 7—8 см.

Кувшины имеют очень простую форму, незначительные варианты их различаются по величине и степени изогнутости шейки. В основном встречаются с высоким горлом, плавно переходящим к тулову. Большинство из них изготовлено на гончарном круге. В основном серо-красного цвета. Диаметр донца у них обычно немного меньше диаметра устья. Форма ручки круглая в сечении и прикреплена нижним концом к плечу. В результате неравномерного обжига она имеет пятнистую красноватую окраску. Кувшины по форме делятся на следующие группы.

Кувшины без ручек, высотой 13—15 см, толщина венчика 0,8—0,9 см, плечики расширяются по бокам и плавно выпрямляются книзу (рис. 4), 1—20).

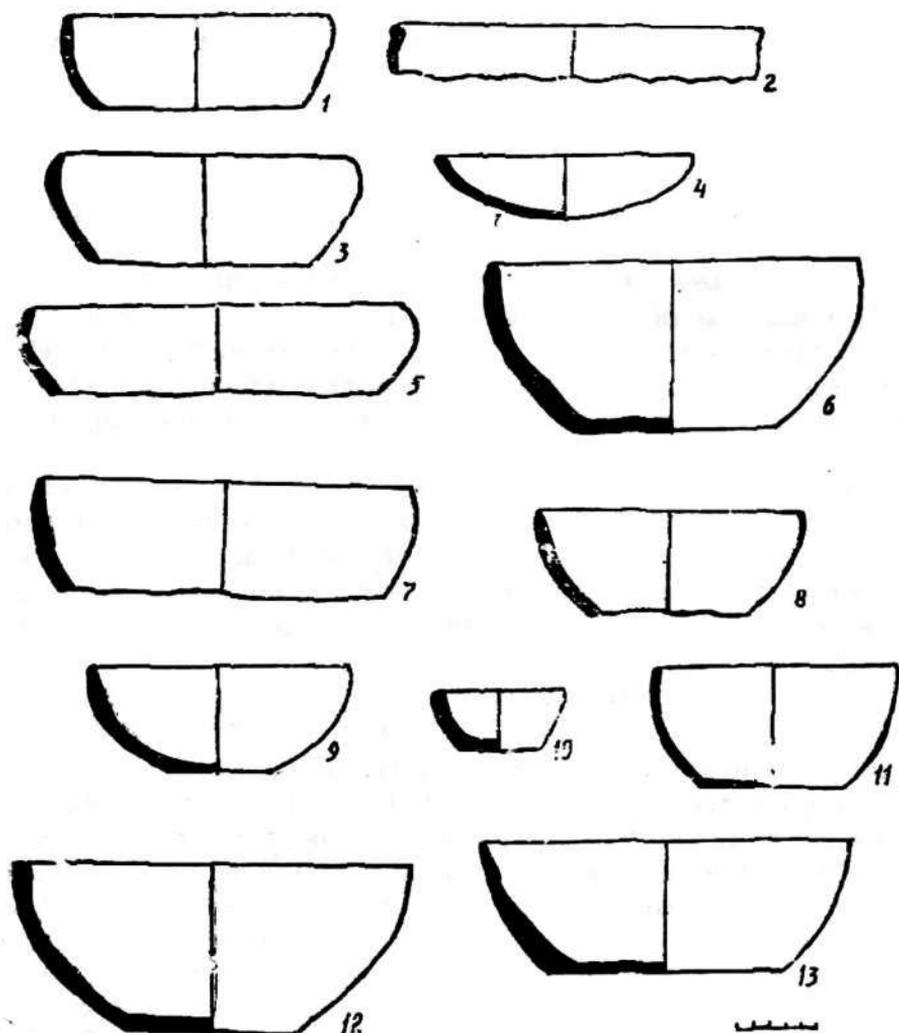

Рис. 2. Чашы из замка Ак-дөпө.

Кувшин графинообразный с одной ручкой. Венчик слегка стогнут во внутрь, диаметр горла 8—9 см, бело-сероватого цвета.

Кувшин с выступом на ручке, сосуд на верхнем изгибе ручек имеет налепы (выступы) в виде небольших лепешечек для упора большого пальца (рис. 4, 3).

Широкогорлые горшковидные сосуды. Большие сосуды с двумя вертикальными ручками и широким горлом, диаметр 16 см, толщина стенок 0,6 см (рис. 5).

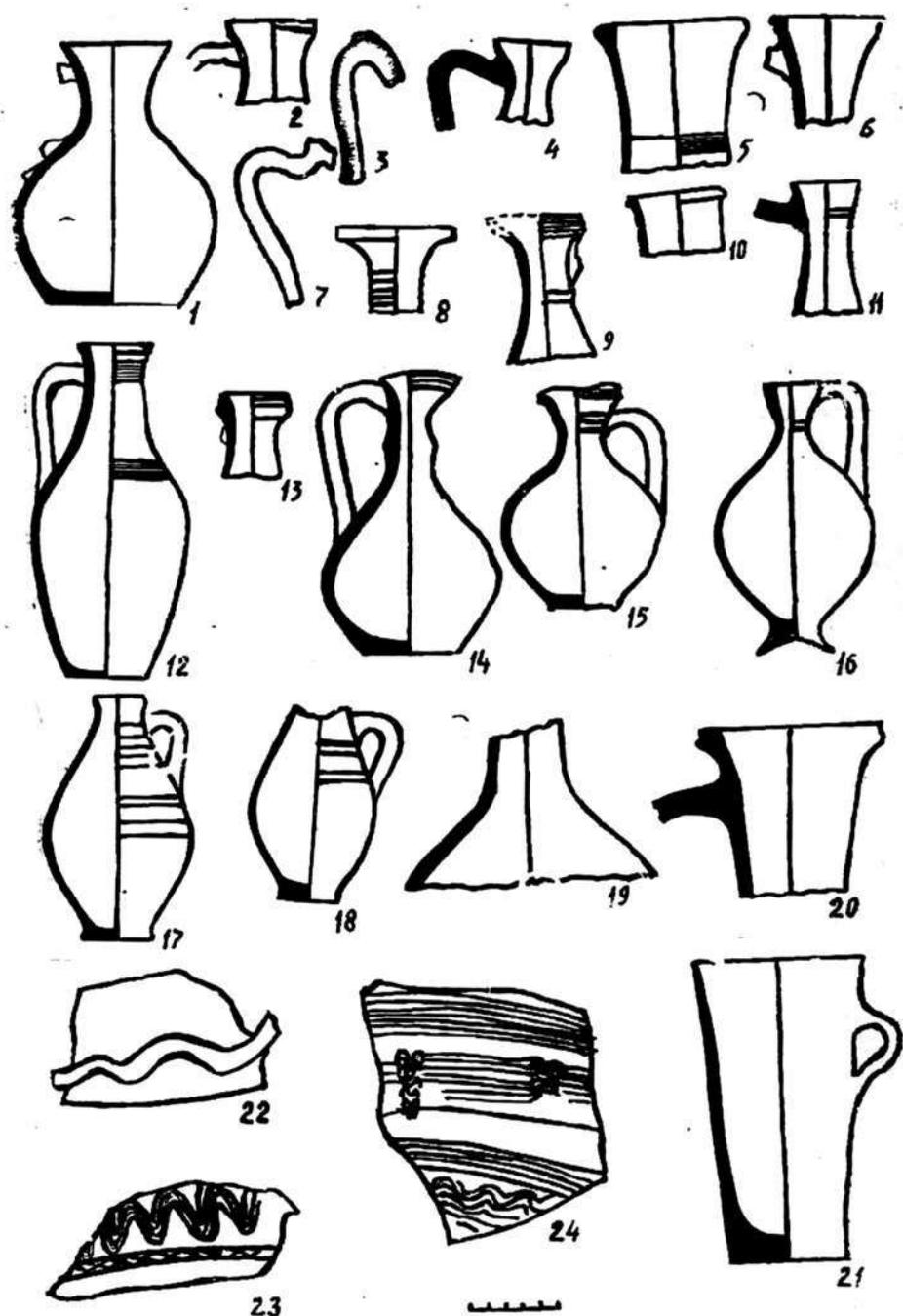

Рис. 3. Узкогорлые кувшины.

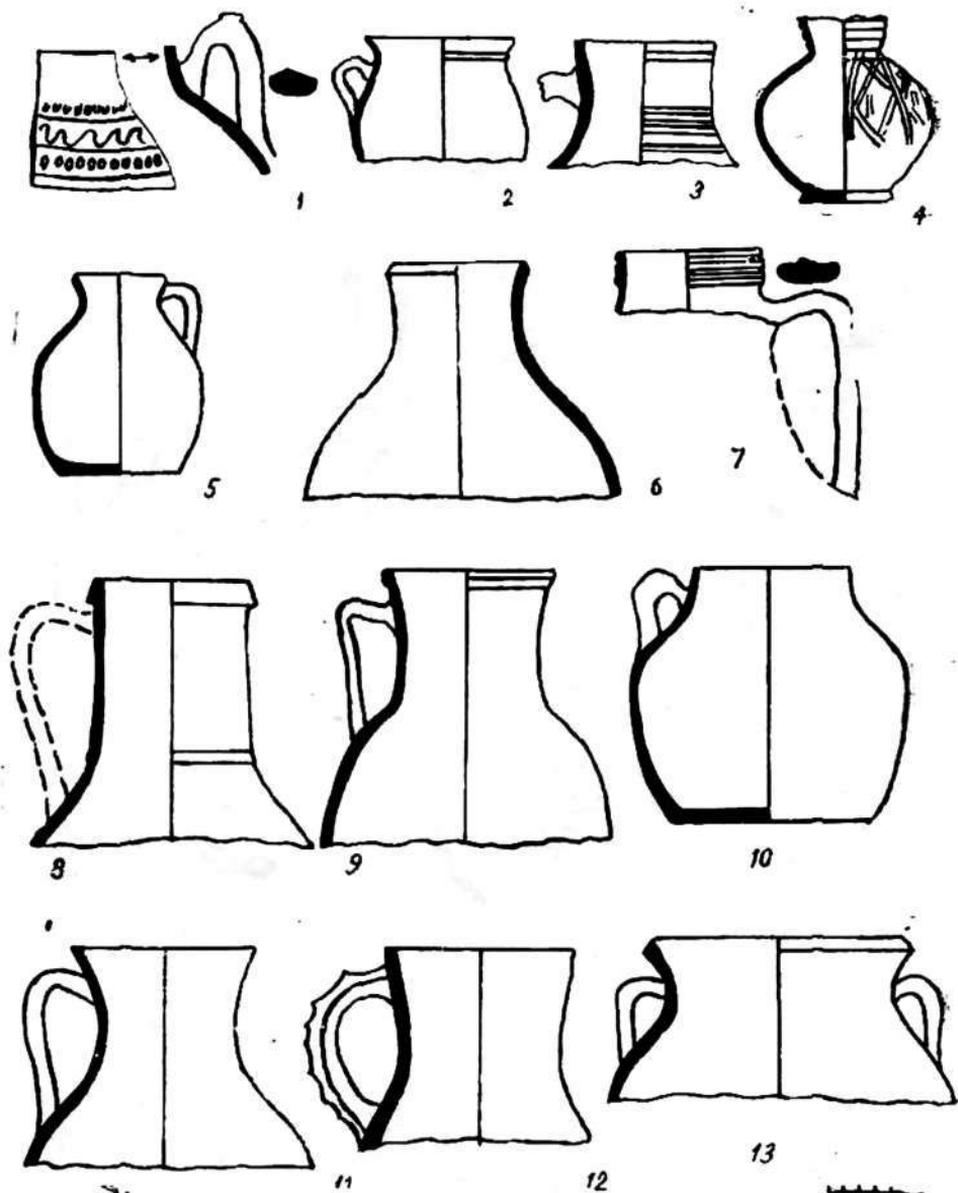

Рис. 4. Широкогорлые горшковидные сосуды из раскопок Ак-депе.

Горшки с двумя ручками, толстостенные, по бокам у венчика две небольшие вертикально стоящие ручки. Венчик низкий, уплощенный по верхней части.

Миски. Миска конической формы, венчик слегка отогнут во внутрь, диаметр верхней поверхности 10—12 см, толщина стенок — 13 см, плоское дно (рис. 3, 8, 11, 12, 13).

Чашевидная миска с довольно широким устьем, венчик мягко вогнут во внутрь, стенка плавно переходит ко дну.

Миски с полукруглым туловом и горизонтальным бортиком по верхнему краю.

Бокалы. Бокал с ручкой, высота стенок 9,5 см, диаметр дна 6 см, с ровным обжигом, как правило, без орнамента, с кольцевидной ручкой (рис. 4, 21).

Бокал без ручек, толстостенный (рис. 4, 5). Фрагмент стенки бокала, высота сохранившейся стенки 8,5 см, диаметр сохранившегося дна 7 см, обжиг ровный.

Бокал без ручек, тонкостенный. Описание и размеры аналогичны вышеприведенным.

Хозяйственная посуда. Хумы. В основном хумы из комплекса имеют следующие размеры: диаметр венчика 30 см, диаметр дна 70 см. Встречаются хумы с насечками по краю венчика, а иногда по всей его плоскости. Почти у всех найденных хумов на нижнем крае венчика четко прослеживаются следы, выдавленные пальцем. У некоторых хумов отсутствует проработанное горло, а большинство хумов имеет невысокую шейку, округлой формы тулово. Изготовлены хумы из грубого теста с большой примесью дресвы и шамота.

Кухонная посуда. При анализе керамического комплекса Ак-депе нам удалось выделить домашнее и ремесленное производство котлов.

Орнаментация керамики Ак-депе у Артыка отличается некоторой однообразностью и относительной бедностью. На керамике преобладали белый и темно-коричневый ангоб. В верхней части сосуда применялось вертикальное движение лощила, в нижней — горизонтальное. На Ак-депе наиболее распространенным методом орнаментации были процарапанные параллельные и ломаные линии.

Среди археологического материала важное место занимают металлические предметы, изготовленные из бронзы и железа. Была найдена медная чаша овальной формы с утолщенным краем. Длина чаши 18 см, ширина резервуара 13 см, глубина 15 см; неглубокий круглый диск, по-видимому, зеркала⁵, диаметром 12 см. Были обнаружены серп из железа, молоток с острым концом и ряд лезвий небольших кинжалов. Многочисленные металлические предметы раннего средневековья были обнаружены С. А. Ершовым при раскрытии Байрамалийского некрополя: четыре колокольчика, два круглых бра-

⁵ Похожее зеркала есть в сборах из Пенджикента, хранятся в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА.

слета, один перстень, несколько подвесок. Найденная бронзовая ложка имеет близкие аналогии в пенджикентских находках⁶. Скорее всего она имеет культовое назначение. Была обнаружена также железная лопатка, имеющая большую плоскую пластинку размерами 15×4 см, плохой сохранности. Сходная лопаточка была опубликована А. М. Беленицким⁷. Это были фрагменты узкогорлых флаконов с плоским дном.

В алебастровой комнате была найдена гемма из халцедона, мутно-желтоватого цвета с отверстием для шнура. На овальной плоской поверхности изображена стоящая вправо птица, над ней видна очень грубая схематическая резьба (рис. 9, 2). Оперение передано параллельными черточками. Размеры: диаметр нижней поверхности 0,3×0,5 см, высота 4 см. Прямых аналогий в литературе пока не встречается.

Среди выброшенной земли была обнаружена другая гемма из беловато-мраморовидного камня. На овальной плоской поверхности изображены Гопатшах, над головой звездочка⁸ (рис. 8, 3).

В раскопках Ак-депе было найдено шесть серебряных монет, четыре из них одной чеканки с изображением Варахрана V (420—438 гг.), а две — Иездигерда I (399—420 гг.) и Иездигерда II (438—457 гг.). Одна подъемная монета принадлежит чекану Шапура I (241—272 гг.).

Большой интерес представляют обнаруженные в замке Ак-депе глиняные буллы с различными отпечатками и пехлевийской надписью. Сасанидские буллы находили во время археологических работ в Иране, а также на территории СССР. В 1938 году американской археологической экспедицией Йельского университета в замке Каср-и-Абу Наср (район Шираза, Южный Иран) в небольшом помещении было обнаружено около 500 таких булл⁹. Помещение, в котором найдены буллы, датируется сопутствующим археологическим материалом VI—VII вв. В 1965 году Германская археологическая экспедиция при раскопках храма позднеасанидского времени в Тахт-и Сулейман (Южный Азербайджан) обнаружила 235 булл¹⁰.

⁶ А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, 37, стр. 32, рис. 10, 2.

⁷ Там же, рис. 10, 1.

⁸ Г. А. Пугаченкова. Геммы из Мерва. ИАН ТССР, 1957, № 3, стр. 65; С. А. Ёршов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.). ТИИАиЭ АН ТССР. Ашхабад, 1959, стр. 201.

⁹ I. Upton. The Persian expedition, «Bulletin of the Metropolitan Museum», 1938, № 1.

¹⁰ В. Г. Луконин. Сасанидские буллы. СГЭ, т. XIX. Л., 1960.

Приведем описание некоторых монет.

Монета из алебастровой комнаты Ак-депе, диаметр—29—30 мм, вес 3,46 г. Av. В кольцевом ободке бюст царя Варахрана I (420—438 гг.). На государе зубчатая двухкрылая корона со сложным венчанием. На шее ожерелье. Внутри ободка справа и слева расположена круговая пехлевийская легенда. Rv. В кольцевом ободке расположен алтарь огня, по обе стороны которого стоят человеческие фигуры.

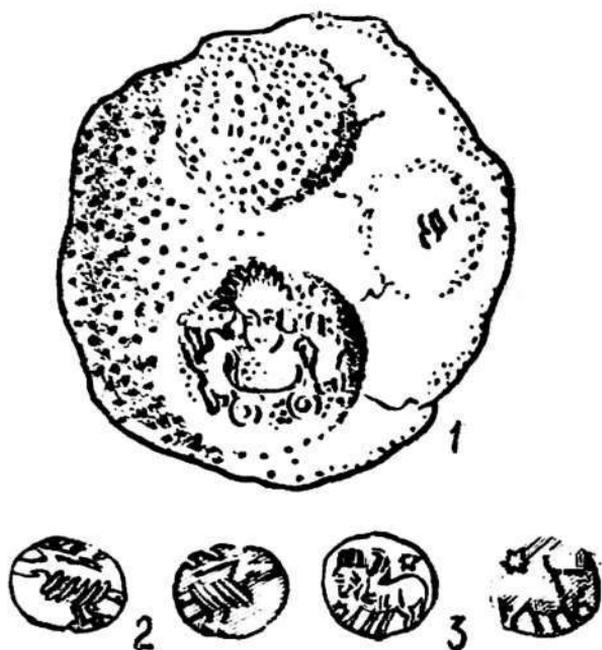

Рис. 5. Геммы и буллы из раскопок Ак-депе.

Монета из комнаты № 2 Ак-депе — Иездигерда I (398—420 гг.). диаметр—28—30, вес—3,15 г. Av. На одном кольцевом ободке погрудное изображение в профиль Иездигерда I (398—420 гг.) с ожерельем и короной на голове. На передней части короны полумесяц, а на вершине короны—шар; между шаром и короной расположено два пера. На фоне короны видно изображение трехступенчатой пирамиды. Внутри ободка круговая пехлевийская легенда. Rv. В одном кольцевом ободке расположен алтарь огня, а по обе стороны от него стоящие человеческие фигуры.

Монета из комнаты № 2 Ак-депе — Иездигерда II (438—457 гг.). диаметр—27 мм, вес—3,55 г. Av. В одном кольцевом

ободке погрудное изображение в профиль Иездигерда II (438—457 гг.) с ожерельем, серьгой в правом ухе и короной на голове. Центр короны составляет все та же трехступенчатая пирамида, на вершине которой укреплен полумесяц, в его выеме стоит шар; края короны составляют плоскости с внешней стороны и трехзубчатую поверхность с внутренней. Лицо царя обрамлено пейсами. Рv. В одном кольцевом ободке расположен алтарь огня, а по обе стороны от него стоящие человеческие фигуры.

На территории нашей страны сасанидские буллы были найдены при раскопках на Северном Кавказе¹¹ и под Ашхабадом¹². Как указывает академик А. А. Семенов, большое количество булл хранилось у частных коллекционеров в Средней Азии и находилось на территории древних городищ¹³. Литература, посвященная сасанидским буллам, пока немногочисленна¹⁴. О назначении булл в печати высказывались предположения о том, что ими опечатывали юридические документы (Э. Хэрцфельд, Р. Н. Фрай и др.) или служили своеобразными «пломбами» для тюков с товарами, предназначенными для оптовой торговли (В. Г. Луконин).

Б у л л ы (помещение № 6)

Ниже дается описание и предварительное чтение пехлевийских надписей на найденных сасанидских буллах в помещении № 6 (чтение надписей на буллах предварительное, до реставрации)¹⁵.

¹¹ Г. М. Асланов. Материальная культура Мингечаура I—VII вв. Автореферат диссертации. Баку, 1963.

¹² Обнаружены Д. Дурдыевым в раннесредневековой усадьбе под Ашхабадом. Материал хранится в секторе археологии АН ТССР.

¹³ А. А. Семенов. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях. ИАН Тадж.ССР, вып. 14, 1957.

¹⁴ См.: Wilkinson. Notes on the Sasanian seals. «Bulletin of the Metropolitan Museum», 1936, № 9 Ch; Torrey. Pehlvi seal inscriptions. «Journal of the American Oriental society», vol. 52, 1932; E. Herzfeld. Notes on the Achemenid Coinage and some Sasanian Mint Names. «Transactions of the International Congress», London, 1938; Р. Н. Фрай. Сасанидские буллы. Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. II. М., 1963, стр. 178—181; В. Г. Луконин. Сасанидские буллы. СГЭ, т. XIX. М., 1960.

¹⁵ Чтение осуществлено В. Г. Лукониным и В. А. Лившицем, которым автор приносит искреннюю благодарность за разрешение воспользоваться результатами этой работы.

I — *одинадцать оттисков.*

- 1) Печать с надписью. Центр—3 строки а) isngwstr,
б) tysgkd'п (?),
в) mgw LG.
По краю — srhsy (?) p'wrty.
- 2) Печать с изображением одногорбого верблюда (аналогии; кат. № 753, 754). По краю — надпись: Hwzyp tur gwsnpol't,
- 3) Печать с изображением лежащего архара. По краю — черточки (имитация надписи; аналогии: кат. № 365—367).
- 4) Печать с изображением «Даниила во рту львином» (аналогии; кат. № 189).
- 5) Печать с изображением сцены нападения льва на зебу. Остальные оттиски неразличимы.

II—*четырнадцать (?) оттисков.*

- 1) То же, что и I, 1.
- 2) То же, что и I, 2.
- 3) Печать с изображением портрета официала. Перед лицом — шестиконечная звезда. По краю надпись (не разобрана).
- 4) Печать с изображением тюльпана.
- 5) То же.
- 6) То же, что и I, 4.
- 7) Печать с изображением лежащего льва (аналогии: кат. 310, 311). Надпись имеется.
- 8) Печать с изображением всадника на коне. Остальные оттиски неразличимы.

III — *двадцать два оттиска.*

- 1) То же, что и I, 1.
 - 2) То же, что и I, 2.
 - 3) То же, что и II, 4.
 - 4) Квадратная печать с изображением утки. Перед ней — полумесяц рогами кверху, с точкой над ним.
 - 5) Печать с изображением лежащего зебу. Надпись не разобрана.
 - 6) Печать с изображением скорпиона.
 - 7) Печать с изображением двух птиц.
- Остальные оттиски неразличимы.

IV. (фрагмент) — *три оттиска.*

- 1) То же, что и I, 1.
- 2) Печать с изображением бога Митры на колеснице, запряженной конями. По краю надпись: (рис. 9, 1).
Третий оттиск неразличим.

V. — *три оттиска.*

- 1) То же, что и I, 1.

VI — *шесть оттисков.*

- 1) То же, что и I, 1.
 - 2) То же, что и IV, 2.
- Остальные оттиски неразличимы.

VII — *пять оттисков.*

- 1) То же, что и I, 1.
 - 2) То же, что и IV, 2.
- Остальные оттиски неразличимы.

VIII — *один оттиск.*

- 1) То же, что и IV, 2.

IX (фрагмент) — *четыре оттиска.*

- 1) То же, что и IV, 2.
- Остальные оттиски неразличимы.

X (фрагмент) — *два оттиска.*

- 1) То же, что и I, 1.
- 2) То же, что и IV, 2.

XI (фрагмент) — *один оттиск.*

- 1) То же, что и I, 1.

XII — *один оттиск.*

- 1) Печать с изображением пегаса. Надпись по краю не разобрана.

XIII — один оттиск.

1) Печать с изображением горного барана с лентами (бантом «ашхараванд») на шее. По краю — надпись не разобрана.

XIV (фрагмент) — пять оттисков.

1) Печать с изображением стоящего зебу.
Остальные оттиски неразличимы.

XV (фрагмент) — четыре оттиска.

1) Печать с изображением портрета официала. Надпись по краю не разобрана (анalogии, кат. № 61).
2) Печать с изображением орла, терзающего зебу.
Остальные оттиски неразличимы.

XVI (фрагмент) — четыре оттиска.

1) Печать с изображением идущего льва (анalogии: кат. № 306).
Остальные оттиски неразличимы.

XVII — один оттиск.

1) Печать с изображением двойного портрета — мужского и женского. Надпись имеется.

XVIII — четыре оттиска.

1) То же, что и I, 1.
2) Печать с изображением портрета официала. Надпись имеется.
3) «Монограмма» (см. кат. В. Г. Луконина):
4) Печать с изображением головы медведя (?). Надпись по краю не разобрана.

Оттиски печатей на остальных буллах и фрагментах — неразличимы.

Большая часть оттисков печатей на буллах находит прямые аналогии среди сасанидских печатей, датируемых V—VII вв. Об их связи даже говорит манера исполнения (так называемая «штриховая манера») оттисков печатей I, 3; I, 5; III, 8; XIII, 1 и др. В той же манере выполнены изображения и на геммах, найденных в Ак-тепе и описанных выше,

а также характер и стиль «официального портрета», представленный на оттисках II, 3; XV, 1, XVIII, 2¹⁶. Сюжеты печатей, использованных для булл из Ак-тепе, широко представлены в позднесасанидской глиптике. Среди них особенно интересна печать с изображением Митры на колеснице (IV, 2; V, 2; VI, 2; VII, 2; VIII, 1; IX, 1; IX, 1; X, 2 — всего семь оттисков одной и той же печати). Печать принадлежала некоему магу (жрецу храма огня), имя которого ни на одном из оттисков не сохранилось полностью. До сих пор была известна лишь одна печать с тем же сюжетом, судя по палеографии надписи, относящаяся к несколько более раннему времени (V в.) «добрый Митра, первейший из богов»¹⁷. На оттисках I, 2 (bwɪzyp stwry gwsnspd'r II, 7 (I'sn) XVII, 1 vbwɪcy) XVIII, 2 (pɪg-wod'st) отражают лишь имена владельцев печатей (все имена — так называемые «теофорные», данные в честь зороастрийских божеств и святых. Например, I, 2 — «данный высоким огнем Гушнаси» — twɪg gwsnɪp — знаменитая зороастрийская святая в Шизе). На печати IV, 2, как говорилось выше, упомянут титул владельца — маг. Особенно интересен отпечаток печати I, 1, повторенный и на других буллах. До проведения реставрации трудно поручиться за точность чтения этой весьма сложной надписи. Гемма принадлежала официальному лицу — судье города или провинции. Название города или провинции (как всегда на подобных печатях) расположено в круговой надписи, в данном случае — Серахс, Апаварт.

Дукт надписей на буллах из Ак-тепе является лапидарным вариантом так называемого «книжного пехлеви», то есть тем именно вариантом, который характерен для поздних и послесасанидских надписей на торевтике¹⁸, позднесасанидских надписей Дербенда¹⁹, позднесасанидских (до середины VIII в.) надписей на мервских остроконах и т. д. Наличие многих лигатур, многозначность чтения отдельных знаков, а также то обстоятельство, что на буллах из Ак-тепе мы встречаемся преимущественно с именами владельцев печатей, заставляет предполагать лишь варианты чтения, которые в дальнейшем при использовании большого количества сравнительного материала могут быть изменены.

¹⁶ Аналогии даются по изданию: А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963. (Каталог).

¹⁷ Воспроизведение. см.: A. Survey of Persian Art. London—New York, vol. IV, pl. 225, 1939.

¹⁸ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на произведениях торевтики. ВДИ, № 3, 1964.

¹⁹ Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербенда. «Известия об-ва обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V.

Итак, оттиски сасанидских гемм на буллах из Ак-депе по стилю, иконографии и манере исполнения не могут быть датированы ранее V в. н. э. Надписи на этих геммах по палеографии датируются еще позднее — VI — началом VII в. Поскольку палеография надписей на геммах дает пока более узкие даты, чем стиль и иконография изображений, мы должны датировать буллы из Ак-депе VI — началом VII в.²⁰

Найденные на Ак-депе геммы, монеты и буллы дают надежные отправные точки для датировки памятника. Прямые аналоги акдепинским геммам в литературе нами не встречены, но некоторые сходные черты могут быть отмечены в геммах Эрмитажа, датируемых материалами V—VI вв. н. э.²¹ Вышеупомянутая глиняная булла датируется VI—VII вв. н. э.²² К VI в. третьего периода относятся описанные выше монеты, найденные в слоях.

Таким образом, мы располагаем определенным материалом для датировки замка Ак-депе: верхние слои можно отнести к V—VI вв., во всяком случае, не позднее VII в. н. э. Эту же датировку подтверждают монеты сасанидских правителей и глиняные буллы. В таком случае, время возникновения замка можно отнести к III—IV вв. н. э. На эту же эпоху указывают и архитектура замка и весь комплекс находок. Так, для позднеантичных замков Средней Азии характерны прямоугольные башни. Это хорошо показал материал, полученный во время работ в Хорезме. Прямоугольные башни имеют Старая Ниса и крепости Мерва. По наблюдениям С. П. Толстова, смена прямоугольных башен круглыми относятся к III—IV вв. н. э. Это дает возможность датировать овальную башню Ак-депе временем не ранее III—IV вв. н. э.

Керамика типа Ак-депе распространена в сасанидских комплексах в Мерве²³ и Беркут-Калининском оазисе в Хорезме²⁴. Кроме того, аналогичная керамика с процарапанным волнистым и зигзагообразным орнаментом имеется в Таджикистане²⁵. Часть керамического материала по орнаменту и форме близка к согдийской керамике из Тали-Барзу 5 и Ка-

²⁰ Е. А. Пахомов. Пехлевийские надписи Дербенда. «Известия об-ва. обследования и изучения Азербайджана», № 8, вып. V.

²¹ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963, табл. 556.

²² В. Г. Луконин. Сасанидские буллы. СГЭ, т. XIX, Л., 1960, стр. 32.

²³ Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 102.

²⁴ Е. Е. Неразник. Керамика Хорезма Афригидского периода. ТХАЭ, т. IV, М., 1959, стр. 226.

²⁵ Н. Б. Бенатович. Находки на горе Муг. МИА, № 66, стр. 362.

фыр-Калы²⁶. В Иране аналогии могут быть отмечены в ранне-средневековых слоях Суз²⁷.

Таким образом, раскопки замка Ак-депе дали новый материал для характеристики истории культуры Южного Туркменистана поры раннего средневековья. Накопленные данные в известной мере характеризуют хозяйство древней Апаварктики, где расположен замок Ак-депе. Ведущее место в оседлых оазисах занимало земледелие, основанное на искусственном орошении. Для изучения земледелия большой интерес представляют обнаруженные на Ак-депе растительные остатки ячменя, семян тыквы и др.

Археологические работы на территории Южного Туркменистана дают некоторый материал, свидетельствующий о прогрессе техники обработки продуктов земледелия. Ручные мельницы-жернова, обнаруженные в процессе раскопочных работ, свидетельствуют о вытеснении в эту пору былых зерно-терок.

В письменных источниках сообщается о водяных мельницах на территории Южного Туркменистана в позднесасанидское время (Табари и др.), приводятся некоторые подробности эксплуатации и аренды мельниц. Работами ЮТАКЭ был исследован квартал мукомолов на Гяур-Кала. Здесь вскрыто около 40 помещений, принадлежащих, по-видимому, 10—12 ремесленникам. В каждом хозяйстве обнаружено от 3 до 5 «агрегатов» для помола зерна и большое число хумов (для хранения муки и зерна). Мельница состояла из двух жерновов: нижний, меньшего диаметра, закреплялся неподвижно на подставке из жженных кирпичей; верхний, больший по диаметру, соединялся с ним деревянной осью.

Таким образом, раскопки Ак-депе у Артыка наметили контуры истории замкового поселения, существовавшего в IV—VII вв. н. э. Памятники этого вида широко распространены в Южном Туркменистане (в настоящее время их известно более 60). Наличие замков нескольких вариантов свидетельствует о том, что этот тип поселений весьма характерен для IV—VII вв. н. э. Многочисленность поселений замкового типа, с нашей точки зрения, свидетельствует об усилении роли земледельческой аристократии и становлении раннефеодальных отношений.

²⁶ Г. В. Григорьев, Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. КСИИМК, XII, 1946, стр. 151.

²⁷ Там же.

CASTLE AK-DEPE AND ITS EXCAVATIONS

During the excavations at the castle Ak-depe near Artyk some chambers and surrounding wall with a round tower were discovered.

Upper parts of the castle might be dated on V—VII centuries of new era on the basis of coins of Varachran the Fifth, some gemmas and also some clay bulls (fig. 9).

During the diggings at the castle many ceramics (fig. 5) and bones and articles (fig. 8) were found.

Thus, excavations at Ak-depe near Artyk have marked outlines of history of castle population which existed in IV—VII centuries of the new era. Such monuments are widely spread in South Turkmenistan. At present we know more than 60 of them. The presence of castles of different varieties is a good evidence that this type of settlement was quite peculiar for that period of the history. The great number of castletype settlements shows, from our point stand, the great role of agricultural aristocrats and establishment of early feudal relations.

Е. АТАГАРРЫЕВ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ ШЕХР-ИСЛАМ (результаты работ 1961—1964 гг.)

К числу интереснейших средневековых памятников Туркменской ССР относится городище Шехр-Ислам, расположенное в 20 км к северу от Бахардена. Впервые оно было обследовано еще в конце XIX в.¹ и затем неоднократно исследовалось археологами². В 1930 году Шехр-Ислам изучался археологической экспедицией Туркменкульта, и тогда впервые было высказано мнение о возможности отождествления Шехр-Ислама со средневековым городом Таким или Языром³, известными из упоминаний письменных источников. В 1946—1947 годах Шехр-Ислам рекогносцировочно обследовался пятым отрядом ЮТАКЭ⁴, а в 1948 году тем же отрядом здесь были произведены раскопки⁵.

В 1960 году на городище работал отряд Туркменской археолого-этнографической экспедиции МГУ под руководством Г. Е. Маркова, при участии автора настоящей работы⁶. В 1961—1964 годы работы были продолжены сектором архео-

¹ Ф. А. Михайлов. Развалины города Шехр-Ислам. Ежемесячные художественно-литературные приложения к газете «Закаспийское обозрение» за 1898 г., № 1, стр. 13—16.

² В. Д. Дейнеко. Гипотеза о так называемом городе Шехр-Ислам. Газета «Асхабад», № 86 (1882) от 27 марта 1902 г. и № 87 (1883) от 28 марта 1902 г.

³ А. А. Марущенко. Существенные поправки. «Туркменоведение», № 12, 1930.

⁴ Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра-Дуруна. ТЮТАКЭ, т. 1, 1949.

⁵ Результаты не опубликованы, см.: Б. А. Литвинский. Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XIV вв. Рукопись кандидатской диссертации. Ташкент, 1950.

⁶ Отчет о раскопках на городище Шехр-Ислам хранится в секторе археологии Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР.

логии Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР под руководством автора. В результате были получены новые данные, разносторонне отражающие жизнь этого средневекового городища. В настоящей статье дается описание археологических работ и общие сведения о добытых материалах. Детальное исследование имеющихся находок, в частности обширной керамической коллекции, а также рассмотрение историко-культурных связей Шехр-Ислама и его места в истории городской жизни средневекового Хорасана, будет сделано в других работах.

Городище (рис. 1) состоит из шахристана, на котором расположены две цитадели, именуемые нами восточной и западной, и рабада, примыкающего к шахристану с западной и южной сторон. На территории южного рабада находится почти квадратное сооружение, напоминающее цитадель, которое исследователи Шехр-Ислама именовали форпостом.

Раскопки 1961—1964 годов были проведены на обоих цитаделях, шахристане, рабаде, «форпосте», на линиях водопровода; было вскрыто также несколько средневековых могил. Наряду с раскопками городища проводилось обследование его окрестностей и сбор дополнительных сведений о Шехр-Исламе у жителей Бахардена, Дуруна и пастухов, проживающих в районе колодцев Башлак, Сызалы, Черетенли в окрестностях Шехр-Ислама. Переходим к описанию археологических исследований, проводившихся в разных частях городища.

Шахристан. На его территории расположены 2 цитадели. Шахристан окружен стеной и имеет в плане форму прямоугольника, со сторонами в 280 и 740 м, ориентирован углами по сторонам света. Поверхность шахристана холмистая, с буграми, образовавшимися из остатков разрушившихся строений. В нескольких местах имеются углубления. На площади шахристана, к востоку от западной и к юго-западу от восточной цитаделей, обнаружены следы двух центров металлургического производства. Кроме того, к югу от восточной цитадели много следов керамических горнов. Почти по всей площади шахристана можно проследить остатки стен помещений, примыкавших одно к другому. Вдоль внутренних стен шахристана расположены жилые помещения, стены которых возведены из сырца. В центральной его части многие дома были сделаны из обожженного кирпича. Между двумя цитаделями прослеживается понижение, по-видимому, это была главная улица шахристана, соединявшая одну цитадель с другой. Пески, окружающие теперь шахристан со всех сторон, в течение нескольких веков засыпали его северную и восточную части. Высота

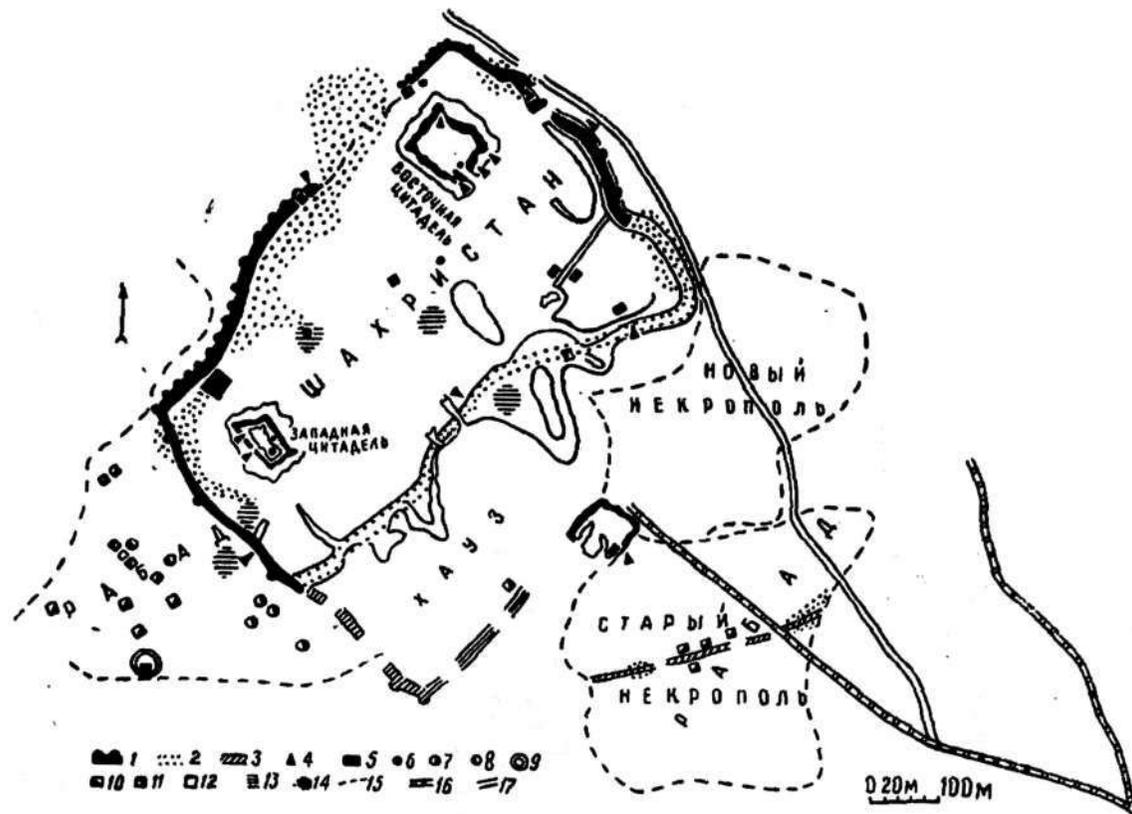

Рис. 1. План городища Шехр-Ислам.

1) стены города с башнями; 2) предполагаемое направление стены; 3) стена рабада; 4) места зачисток; 5) раскопы; 6) шурфы; 7) круглые керамические печи (нераскопанные); 8) круглые керамические печи (раскопанные); 9) постройка круглая в плане; 10) прямоугольные керамические печи (раскопанные); 11) прямоугольные керамические печи (нераскопанные); 12) керамическая мастерская; 13) место расположения кварталов металлстов; 14) пески; 15) границы рабадов; 16) водопровод; 17) современная дорога.

песка над уровнем шахристана достигает в некоторых местах 4—5 м.

В разное время на шахристане заложено 10 стратиграфических шурфов и сделано несколько раскопов. Заметны следы многих зачисток. Первый исследователь городища Ф. А. Михайлов заложил два шурфа: один на южной стороне восточной цитадели, а другой — в южной части, ближе к стене шахристана. Однако следует отметить, что в результате низкого уровня методики археологических раскопок он не смог установить возраст шахристана.

В 1961—1964 годы у западного конца северной стены шахристана были произведены раскопки жилых домов, существовавших с конца XII — начала XIII в. и заброшенных в монгольский период (подробности об этих раскопках будут изложены в разделе о жилище). В 1963 году в 50 м на юго-запад от восточной цитадели были расчищены две комнаты верхнего горизонта, которые по керамическому материалу можно отнести к XIV в. В том же году было раскопано помещение к юго-востоку от восточной цитадели, ближе к стене шахристана. Судя по археологическим находкам, оно относится к позднему периоду существования города, к XIV в.

Как было отмечено, шахристан с четырех сторон был окружен стенами, возведенными из сырцовых кирпичей размером $30 \times 30 \times 6$ см. Длина стен неодинакова. Стены городища укреплены башнями. Для выяснения времени возведения стен шахристана в некоторых местах производились зачистки. В 1962 году, примерно в середине северной стены шахристана, с наружной стороны, была сделана расчистка. Оказалось, что стена имела около 2 м толщины и была возведена из сырцовых кирпичей размером $30 \times 30 \times 5 \times 6$ см. В самом нижнем ряду стены, среди сырцовых кирпичей, был положен один обожженный кирпич. Высота сохранившейся части стены 1,7 м.

В этом же году была осуществлена зачистка западной стены шахристана в его южном углу. При этом было выяснено, что под стеной залегает культурный слой XI или XII вв. Третья расчистка стены шахристана была произведена с южной стороны, ближе к восточному углу, где была большая промоина. В этом месте стена стоит на скоплении кусков жженого кирпича и достигает толщины до 1 м. Слой, лежавший под стеной, дал керамику XI или XII вв. В результате расчистки можно с уверенностью сказать, что стены шахристана были возведены на месте поселения XI—XII вв.

Еще одна зачистка произведена с наружной стороны восточной стены шахристана. Стена была сложена из крупных сырцовых кирпичей размером 30×30×6. Ширина стены 2,75 м. Высота сохранившейся ее части 3,6 м. Стена стоит на песке.

В 1960 году Г. Е. Марков производил раскопки вдоль восточной стены шахристана. Было вскрыто квадратное в плане помещение, которое, по его мнению, являлось башней⁷. Башни городской стены имеют полукруглую в плане форму и возведены, как и городская стена, из крупного кирпича. По своим размерам они неодинаковы. Некоторые из них выступают за линию стены на 4—6 м, другие — на 3—4 м. Расстояния между башнями также разные, от 20 до 60 м. Пески, перекрывающие северную и восточную стены, скрывают башни. На северной стене прослеживаются 18 башен, на западной — 6, на южной — 4, а на восточной — 8 башен.

Для выяснения конструкции стен шахристана и ее башен Б. А. Литвинским были произведены в 1948 году раскопки одной башни и прилегающего к ней участка городской стены. Это была четвертая башня на северной стене, если считать от северо-восточного угла. Судя по его описанию, толщина стены башни составляет 0,55 м. Башня сохранилась на высоту 3,85 м⁸. При раскопках помещения внутри башни, на глубине 1,7 м от поверхности, была встречена керамика, датированная Б. А. Литвинским XII в. На глубине 2,8 м была обнаружена керамика XI—XII вв.⁹

В 1964 году была раскопана еще одна башня, расположенная у северной стены шахристана, там, где пески перекрывают городскую стену. Толщина ее стен в верхней части 90 см, у основания 1,7 м. Возведена она из сырцового кирпича размером 29—30×29—30×6 см. При расчистке помещения внутри башни на глубине 0,5 м, около городской стены был обнаружен открытый очаг, сделанный из кусков обожженных кирпичей. Очаг содержит золу и многочисленные глиняные сосуды, а также кости животных. Среди находок имеется неполивной широкогорлый кувшин с двумя ручками и поливной светильник, которые датируются обычно домонгольским временем.

Внутри башни, на глубине 1,1 м, был расчищен полукруглый выступ городской стены из сырцового — кирпича, высту-

⁷ Г. Е. Марков. Отчет о работе Туркменского археолого-этнографического отряда МГУ в 1960 г. Отчет хранится в секторе археологии Института истории имени Ш. Батырова.

⁸ Б. А. Литвинский. Средневековые поселения, стр. 133.

⁹ Там же.

павший на 65 см. Ниже выступа на 47 см обнаружена забутовка из кусков необожженного кирпича толщиной 35 см.

На глубине 1,8 м городская стена кончалась, стены же башни шли вниз. Вход в башню находится со стороны шахристана и имеет ширину 1 м. В углу башни, там, где они примыкают к городской стене, на глубине 1,05 м от поверхности был обнаружен вход, упиравшийся в городскую стену. По-видимому, он использовался до того, пока не был сделан более поздний, верхний вход. Керамические материалы, собранные при раскопках башни, не позволяют выделить в ее истории несколько периодов, так как все относится к одному времени, XII—началу XIII в.

По наблюдению Б. А. Литвинского, стены башни конструктивно не связаны с городской стеной, поэтому он заключил, что башня была построена позже стен¹⁰.

Авторы, описавшие Шехр-Ислам, предполагали, что вход в город находился с его южной стороны. Наши наблюдения подтвердили это, но дополнительно было выяснено, что в городе имелись не один, а два входа. Южный вход прослеживается очень плохо, так как южная стена шахристана сильно разрушена, сильнее чем остальные стены. Второй вход расположен в восточной стене шахристана. Ширина его 4,5 м, по обе стороны входа имеется по полукруглой башне.

Цитадели. В 1961 году на западной цитадели, ближе к южной ее стене, был заложен стратиграфический шурф размером 4×2 м и глубиной 9,65 м. Шурф доведен до материка. Было вскрыто три одновременных слоя: верхний относится к XIII—XIV вв., средний к XII — началу XIII в. и нижний к X—XI вв. В верхней 20-сантиметровой прослойке были обнаружены обломки крупного сырцового кирпича размером 27—28×27—28×6 см. По-видимому, это были остатки разрушенной стены цитадели. Ниже этой прослойки были обнаружены стены помещения, возведенные из обожженного кирпича неодинаковых размеров: 20×20×4, 21×21×4, 29×29×5, 32×5 м, что позволяет предполагать, что кирпичи были использованы вторично. Стены помещения сохранились довольно хорошо на высоту 1,9 м. На полу помещения были найдены крупные железные гвозди с полукруглой шляпкой и крупные куски дерева.

Аналогичная картина была встречена при раскопках Б. А. Литвинского на той же цитадели. На основании находок—крупных железных гвоздей и дерева он пришел к выводу, что перекрытие помещения в западной цитадели было плоским, со-

¹⁰ Б. А. Литвинский, Средневековые поселения, стр. 117.

оруженным при помощи двух крупных балок¹¹. Керамический материал представлен в основном в виде обломков глиняных сосудов, покрытых голубой и зеленой поливой. Встречены немногочисленные обломки каменных сосудов. По своей форме и орнаментации керамика может быть отнесена к концу XIII—XIV вв. В этом случае встречаются кости животных, большинство которых принадлежит мелкому рогатому скоту—баранам и козам.

В слое, относящемся к XII — началу XIII в., обнаружена стена здания из обожженного кирпича 21—22×4—5 м. Найдены обломки гончарных изделий. Посуда глиняная, покрыта двусторонней голубой или зеленой поливой. Встречается кашинная и люстровая посуда. Найдены две медные монеты, из которых одна принадлежит чекану хорезмшаха Мухаммеда II (1200—1220 гг.)¹², другая, ввиду плохой ее сохранности не могла быть прочтена.

Для нижнего слоя X—XI вв. характерны остатки построек из сырцовых кирпичей. Керамика здесь с черной и коричневой росписью по белому фону, по облику близкая к афрасиабской.

В 1962 году был заложен раскоп в нескольких метрах от северо-западного угла западной цитадели. Здесь стена цитадели, как показала зачистка, сложена в верхней части из сырцового кирпича (размером 30×30×6—6 м). Толщина стен из сырцового кирпича 1,5 м. При расчистке от песка на глубине 1,85 м около стены встретились обломки отвалившихся сырцовых кирпичей. Толщина этого слоя до 20—25 см.

На глубине 2,25 м в песчано-глинистых отложениях лежал второй слой завалившихся сырцовых кирпичей. Слой глиняного завала с кусками жженных кирпичей уходил ниже. На глубине 2,85 м в северо-восточном углу раскопа, у стены, были расчищены четыре лежащих один на другом обожженных кирпичей. Здесь песчано-глинистые слои, лежавшие у самой стены, сменились глиняным слоем, под которым на глубине 3,15 м от верха стены (глиняный слой имел толщину около 30 см) расчистились вымостки из жженных кирпичей.

При удалении песчано-глинистых слоев встречались обломки керамики, преимущественно стенки сосудов красноватого и светлого обжига, без ангоба или со светлым ангобом. Из поливных сосудов представлено несколько обломков сосудов с бирюзовой и зеленой поливой.

¹¹ Б. А. Литвинский. Средневековые поселения..., стр. 171.

¹² Монета определена сотрудником Государственного исторического музея С. А. Яниной.

Когда раскопки достигли глубины 2,5 м, раскоп был расширен на 2 м к северу и 2 м к западу. На этом уровне песчано-глинистый слой сменился завалом из жженных кирпичей, а затем обнаружилась стена из жженных кирпичей разного размера: $28 \times 28 \times 5$; $23 \times 23 \times 4$; $20 \times 20 \times 3,5$ и $21 \times 21 \times 3,5$ см. Ширина стены 1 м. Она сохранилась на высоту 1,5 м. Выяснилось, что эта стена — наружная облицовка цитадели. Таким образом, внутри цитадель была облицована сырцовыми кирпичами, а снаружи — обожженными. Подобный архитектурный прием был нередким в средневековом Туркменистане и известен, в частности, в Дехистане (Западная Туркмения). Следовательно, прав Б. А. Литвинский, считавший, что «значительное количество жженого кирпича, заполняющего все скаты цитадели, делает не лишенной основания догадку, что здесь подобно тому, как это было в Мисриане, снаружи стена из сырцового кирпича была облицована жженым кирпичом»¹³.

Большой интерес представляет тот факт, что при возведении стены на всем ее протяжении под ее фундамент были положены бревна диаметром от 13 до 20 см. По этнографическим данным, такие бревна необходимы для предохранения кирпичной кладки от соленых грунтовых вод.

Среди кирпичей был найден один круглый обожженный кирпич диаметром 24 см. На одной из его сторон имеется гравированный шестиугольник. Между двух стен был найден кусок облицовочной плиты с голубой поливой. Наружная стена из обожженных кирпичей стоит на твердом слое земли, перекрывающим культурный слой, содержащий обожженные кирпичи, золу, керамику конца XII в, кости животных. На глубине 5,5 м раскоп был оставлен.

Восточная цитадель Шехр-Ислама представляет ныне мощный холм, имеющий почти прямоугольную в плане форму. Размеры ее 68×60 м, ориентация — углами по странам света. Валы цитадели возвышаются сейчас над поверхностью городища на 6—6,5 м, а восточный склон даже на 7 м. Поверхность цитадели покрыта целым и битым обожженным кирпичом. В некоторых местах прослеживаются стены домов, торчат большие хумы. Это обстоятельство позволяет предполагать, что прежняя высота цитадели была больше нынешней не менее чем на 2 м, так как, судя по раскопкам, у северной стены шахристана высота домов составляла около 2 м. В южной части цитадели имеется промоина, где скопился наносный слой толщи-

¹³ В. А. Литвинский, Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. ТЮТАКЭ, т. II, стр. 257.

ной около 2 м из обломков жженных кирпичей разного размера: 20×20×3,5; 21×21×4; 32×32×5 см. После расчистки южной стены выяснилось, что ее толщина около 2 м. Стена цитадели укреплена полукруглыми башнями, которых было не менее 12. Угловые башни выделяются своей мощностью. Расстояния между башнями неодинаковы. Так, например, две средние башни южной стены расположены в 6 м одна от другой. Башни выступают за пределы стен на 4—4,5 м, угловые — на 5,5—6 м. Толщина стен башен 55—60 см.

На восточной цитадели первый шурф был заложен в 1898 году Ф. А. Михайловым. Как он полагал, стены цитадели были облицованы жженными кирпичами с внутренней стороны¹⁴. В 1948 году на восточной цитадели был заложен шурф Б. А. Литвинским. По его мнению, время постройки восточной цитадели датируется XI—XII вв., но, возможно, она была возведена еще в X в.¹⁵ В 1960 году на цитадели был заложен шурф Г. Е. Марковым. Судя по его отчету, верхний слой относился к XII—XIII вв.¹⁶ В этом слое было обнаружено помещение, пострадавшее от сильного пожара¹⁷. В 1961 году на южной стороне восточной цитадели, где промоина входа, был заложен шурф размером 3×4 м, доведенный до глубины 8,45 м, и установлено два периода существования жизни цитадели: XII—XIII вв. и XIV в. Верхний слой, достигающий мощности 4 м, содержал в основном остатки постройки из сырцового кирпича.

Как было отмечено выше, Ф. А. Михайлов высказал мнение, что стены восточной цитадели были облицованы с внутренней стороны обожженным кирпичом. При шурфовке выяснилось, что облицовка, о которой говорил Ф. А. Михайлов, является стеной примыкавшего к цитадели помещения. Керамика из верхнего слоя шурфа датируется поздним периодом существования города — XIV в. Сосуды глиняные с темно-зеленой и голубой поливой, расписаны сложным растительным орнаментом. Встречается кашинная керамика. Найденные здесь несколько монет чеканены хулагидом Абу Саидом (1316—1335 гг.). Нахождение монет хулагидов опровергает высказанное мнение о прекращении существования восточной цитадели в XIII в.¹⁸

В здании, относящемся к нижнему строительному ориентиру

¹⁴ Ф. А. Михайлов. Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 13—16.

¹⁵ Б. А. Литвинский. Средневековые поселения..., стр. 124.

¹⁶ Е. Е. Марков. Отчет..., 1960.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Б. А. Литвинский. Средневековые поселения..., стр. 125.

зонту, пол имел алебастровую обмазку толщиной 5 см. Керамика из этого горизонта отличается от найденной в верхнем. Вместо поливной керамики со сложным растительным орнаментом в нем найдены поливные сосуды с зеленой и голубой поливой без росписи XII—XIII вв.

Среди находок из нижнего слоя есть бронзовая печать¹⁹. Кроме того, был найден бронзовый предмет с гравированным орнаментом. Встречены были также фрагменты стеклянных предметов и два больших куса необработанного стекла.

Шурф, заложенный с внешней стороны цитадели, ставил своей целью уточнить время возведения ее стен и выяснить их конструкцию. Зачистка стен показала, что они были возведены последний раз из крупных сырцовых кирпичей размером 30×30×8 см, по всей вероятности, во второй половине XIII в., что видно из того, что в одном кирпиче оказались обломки посуды с зеленой поливой, которые попали в кирпич при его изготовлении, когда брали глину из культурного слоя XIII в. Высота кладки верхней стены 3,2 м. Ниже, в XII в. — начале XIII в., стена сложена из жженого кирпича размером 21×21×4—4,5 м. Высота кладки стены из жженого кирпича 2 м. В западной стене шурфа была расчищена стена башни, сделанная также из обожженного кирпича, примыкающая к стене цитадели. В основании стены находится завал из обломков обожженной и необожженной посуды. Толщина завала около 1 м. Основную массу керамики составляет здесь неполлированная посуда. Однако немало и поливной керамики, относящейся к концу XII—началу XIII в. Под слоем скопления керамики были обнаружены остатки помещения, сложенного из крупного сырцового кирпича размером 32×32×6—7 м. Эта стена стояла на красноватом такыре. Керамический материал более раннего времени здесь не найден. Поэтому и этот горизонт следует отнести к XII—XIII вв.

В этом же году, недалеко от описанной выше башни, к югу от нее были обнаружены остатки какого-то полукруглого сооружения, стены которого примыкали к цитадели. В ходе расчистки сооружения выяснилось, что оно является входом в цитадель и возведено из обожженного кирпича размером 21—22×21—22×3 см. Это сооружение служило, очевидно, не только входом, но и башней. Ширина его 9,3 м, выступает оно из стены на 4,3 м. По наружному краю проема входа сохранились в некоторых местах специальные кирпичи полукруглой формы. Наружная сторона входа была украшена фигурными

¹⁹ Е. Атагарриев. Печати из Шехр-Ислама. ИАН ТССР (сер. обществ. наук), 1965, № 2, стр. 74—75.

бангиками, покрытыми голубой поливой. Такие кирпичи как элементы архитектурного оформления, относятся, по мнению Б. А. Литвинского, к XI—XII вв.²⁰ Г. А. Пугаченкова придерживается того же мнения²¹, но другие авторы относят их к XI—XIII вв.²² При зачистке проема была найдена медная монета, однако ввиду плохой сохранности не было возможности определить ее.

Кроме того, в 7 м на восток от шурфа с наружной стороны цитадели была сделана зачистка стены. Оказалось, что стена из жженных кирпичей идет на всем протяжении до угловой башни.

Из данных раскопок можно сделать вывод, что восточная цитадель функционировала до последних дней существования города. Об этом свидетельствуют найденные на ней медные и серебряные монеты хулагидов. От XIV в. на восточной цитадели сохранился культурный слой толщиной около 4 м. Это показывает, что и в XIV в. на цитадели шла интенсивная жизнь. Г. Е. Марков отмечает, что при шурфовании на восточной цитадели обнаружено помещение, погибшее в результате пожара, которое содержало керамику XIII в. Это лишнее подтверждает, что город, в том числе цитадель, пострадали от нашествия монголов. До монгольского времени стены цитадели были из жженого кирпича, а позднее была возведена стена из сырцового кирпича.

В результате раскопок на обоих цитаделях был получен новый археологический материал, который позволяет уточнить время существования цитадели Шехр-Ислама. До сих пор считалось, что на восточной цитадели Языра в XI—XIII вв. интенсивность жизни была незначительной²³. Теперь установлено, что на восточной цитадели сохранился культурный слой XIII—XIV вв. мощностью более 3 м.

Жилые помещения. Жилища являются одним из ценнейших источников, дающих сведения не только о гражданском зодчестве, но и в какой-то мере помогающие определить этническую принадлежность обитателей этих домов, хотя в ту по-

²⁰ Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г., стр. 264

²¹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ТЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 333.

²² Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X — начала XIII в. и проблема сельджукского стиля. ТЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963, стр. 263.

²³ Б. А. Литвинский. Средневековые поселения..., стр. 124.

ру общие черты в жилищах были присущи всему Востоку, в том числе и Средней Азии. Изучение жилищ позволяет исследовать семейную и общественную жизнь общества.

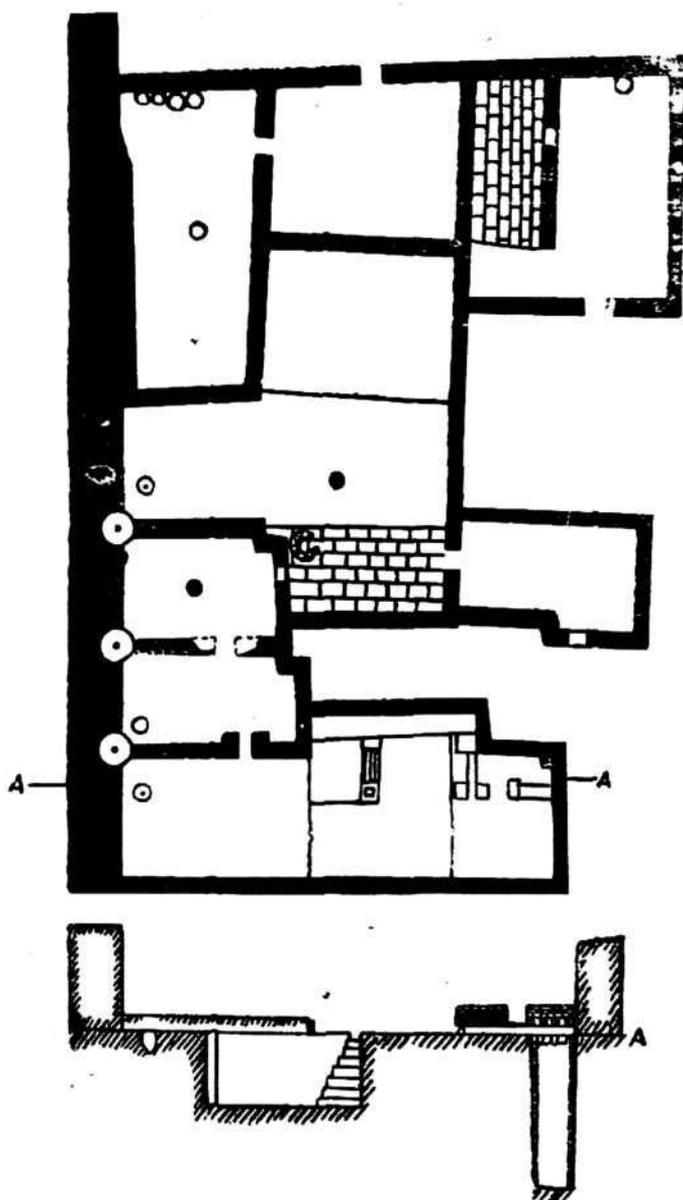
Почти во всех частях шахристана прослеживаются остатки жилых помещений: стены комнат, примыкавших одна к другой. Многие дома пристроены непосредственно к городской стене, поэтому городская стена является одновременно стеной и примыкавших к ней домов, сооруженных в основном из сырцового кирпича. При расчистке помещений выяснилось, что их стены сохранялись обычно на высоту 1,8—2,2 м. В центральной части города дома были из жженого кирпича, но сохранились они плохо. В ряде случаев от домов оставался только фундамент. После запустения жилищ кирпичи были разобраны для строительства погребальных сооружений.

Было раскопано 10 помещений (рис. 2). Семь из них расположено около западной оконечности северной стены шахристана, и по найденным в них керамическим материалам относятся к концу XII—началу XIII в., хотя Б. А. Литвинский, обследовавший Шехр-Ислам в 1947—1948 годы, считал, что эти комнаты напоминают по плану помещения XIV в. на городище Старый Нисы²⁴.

Другие три помещения относятся к XIV в. Два из них были расположены между цитаделями, одно — к юго-востоку от восточной цитадели. Остатки более ранних (X—XI вв.) помещений на поверхности городища не прослеживаются, а встречаются только в нижних слоях. Такая картина была встречена при шурфовке на западной цитадели, где была обнаружена сложенная из сырцовых кирпичей стена помещения, которую, судя по керамическим находкам, можно отнести к X—XI вв.

Помещения, раскопанные у северной стены шахристана, имеют площадь 170 м². Стены помещения № 1 сложены из сырцового кирпича размером 25×25×4—4,5 м. Кладка стен велась на глиняном растворе. На глубине 1,7 м находился пол, сбмазанный глиной. Вдоль восточной стены помещения на специальном возвышении находились 5 больших необожженных хумов, по-видимому, служивших для хранения каких-то сухих продуктов, возможно, зерна. Хумы были укреплены битым кирпичом. В середине комнаты было обнаружено сооружение, так называемый ташнау, сложенное из обожженных кирпичей размером 20×20×3 см. Некоторые исследователи считают такие кюлдцеобразные ямы приспособлением для умывания.

²⁴ Б. А. Литвинский, Средневековые поселения..., стр. 167.

- ⊙ Очаг тамдыр
- Гашинав
- Күм

0 1 2 3 4 5 м

Рис. 2. План раскопок жилища.

В помещении оказалось мало археологических находок. В их числе были фрагменты неполивных и поливных сосудов и два керамических предмета, напоминающие шемдан. По их внешней поверхности нанесен прочерченный и вдавленный орнамент. Аналогичный предмет с отверстием найден в средневековом здании Старой Нисы и, как предполагают, он служил для стока дождевых вод с крыш домов²⁵.

Помещение № 2 было разделено стеной на две части. Пол обмазан глиной. Ближе к восточной стене имеется углубление в поле—тандырообразный очаг диаметром 36 см, сложенный из обожженных кирпичей. Очаг был заполнен золой. Это свидетельствует, что он служил для отопления, а не был тандыром для выпечки лепешек, так как обычно в тандыре золы бывает очень мало. В стене, разделяющей помещение, на высоте 1,45 м от пола, был обнаружен оконный проем размером 0,5×0,5 м. Во второй комнате пол вымощен обожженным кирпичом размером 22—23×22—23×3,5—4 м. Входов в это помещение два: один — с юго-восточной стороны, другой — с южной стороны.

Помещение № 3 примыкает к помещению № 1 с юго-западной стороны и имеет размер 2,5×2,28 м. Его северная стена является одновременно стеной шахристана. Две стены сохранились на высоту около 1,8 м. Стены возведены из сырцового кирпича, оштукатурены и побелены. В северо-западной стене имеются местами закладки из обожженного кирпича, по-видимому, следы ремонта. Пол в нем глинобитный. Четвертая сторона помещения № 3—открытая. Ближе к западному углу находится тандыр диаметром 40 см. Венчик его возвышался над полом на 5 см. Тандыр врыт в пол на глубину 75 см. Внутри тандыра лежала зола слоем около 25 см. Это помещение было жилым. Находки здесь бедны—обломки глиняной посуды, преимущественно неполивной.

Помещение № 4. Сохранившаяся высота стен, так же как и в предыдущем помещении, равна 1,8 м. Вход—в восточной стене. Пол помещения обмазан глиной. У северо-западной стены находился открытый очаг, представляющий собой прямоугольное возвышение, края которого обрамлены кусками обожженных кирпичей. В очаге лежали остатки золы, угля и несколько обломков каменного котла. По всей вероятности, это помещение служило кухней. В середине помещения нахо-

²⁵ Н. И. Крашенинникова. Раскопки средневекового здания в северном комплексе Старой Нисы. Труды Ташкентского госуниверситета имени В. И. Ленина, вып. 200, 1963, стр. 118.

дился ташнау, перекрытый обожженными кирпичами квадратной формы со стороной 22—23 и толщиной 3,5—4 см. Глубина ташнау до 4 м. Пол «кухни» — земляной без обмазки. Основную собранную там керамику составляют обломки неполливных светлоглиняных сосудов. Поливной керамики мало, в большей части она имеет зеленую или голубую глазурованную облицовку. Встречены поливные светильники с длинными носиками.

Помещение № 5 примыкает к помещению № 4 с юго-востока. Сохранившаяся высота его стен 1,8 м. Пол без обмазки. На полу обнаружено несколько железных предметов, среди них — напоминающие гвозди с большой шляпкой. Их назначение остается пока неясным. На полу в западном углу помещения находилось два необожженных хума диаметром около 80 см, высотой 95 см. Толщина стенок 3—4 см. Кроме того, были найдены один разбитый обожженный большой хум, два фигурных кирпича и один кирпич шестиугольной формы. В юго-восточной стене, ближе к южному углу помещения, имеется небольшая ниша. Стена, отделявшая помещение № 4 от помещения № 5, разрушена. Кирпичи из этой стены лежат на слое наносного песка толщиной в 1 м. В помещение ведут два прохода, помещавшиеся в северо-восточной и юго-западной стенах. Ширина обоих проходов около 1 м. Порог юго-западного прохода сделан из сырцового кирпича высотой 25 см. В проеме не прослеживаются следы двери, поэтому, возможно, он был закрыт войлоком или килимом (ковриком). Судя по расположению помещения № 5, оно скорее всего было хозяйственным.

Помещение № 6. Стены его сохранились, как и в других комнатах, на высоту 1,3 м. В нем имеется одна суфа, выложенная из обожженного кирпича размером 23×23×4 см. На суфе — овальный очаг из кусков обожженного кирпича. Такие очаги служат обычно для приготовления пищи. В полу был ташнау, в виде колодца, диаметром в 26 см со стенами, облицованными в их верхней части кусками обожженного кирпича, положенного на глиняном растворе, покоящимися на широкой составной керамической трубе. Ташнау был перекрыт кирпичом (30×30×5 см). В середине этого кирпича имеется сквозное отверстие для стока воды, к которому с разных сторон подходят небольшие канавки. Глубина ташнау 3,2 м. При расчистке помещения выяснилось, что когда-то в северо-восточной стене был вход. Но потом он был заложен сырцовым кирпичом.

Помещение № 7 является самым интересным из всех раскопанных по внутреннему устройству. Высота стен 2—2,2 м.

Пол выложен обожженным кирпичом, а внутри заполнен песком. На полу, ближе к северному углу комнаты, находился очаг-тандыр, диаметром 50 см, расширяющийся в основании до 65 см. Тандыр углублен в землю на 56 см. Дно его выложено жженым кирпичом $20 \times 20 \times 3$ —3,5 см. Толщина стенок тандыра около 5 см, на полу помещения обнаружены мелкие куски бронзового шлака, из чего можно заключить, что там жили люди, занимавшиеся ювелирным делом. Под полом находится еще одно помещение, в которое спускались по кирпичной лестнице. Стены подвала сооружены из обожженного кирпича размером $20 \times 20 \times 3,5$ —4; $21 \times 21 \times 3,5$ —4 см. Высота подвала 1,7 м. На стене, противоположной входу, имеется ниша на высоте 1 м от пола. Слева от входа в подвал в полу было световое отверстие. Подвал перекрыт сводом. Своды, как известно, широко применялись при сооружении жилых и общественных зданий. Наличие их отмечено в ряде памятников Туркменистана: в доме Шахрияр арка (конец XI—XII вв.), Дая-Хатына и Талхатан-Бабе²⁶. В подвале была найдена тарелка с отбитым дном, орнаментированная по краю прочерченным волнистым узором; верхняя часть широкогорлого кувшина, покрытого с внешней стороны зеленой поливой; кости животных; точильный камень и куски дерева. Раскопки показали, что помещение № 7 ремонтировалось. Его восточная и юго-восточная стены отличаются по кладке от других стен. Наряду с сырцовым кирпичом, употреблялись обломки жженных кирпичей. находки состоят в основном из керамики поливной и неполивной. Неполивная керамика представлена широкогорлой и узкогорлой посудой. Среди них выделяются хумы. Горла хумов украшены продавленным орнаментом. Черепок в изломе коричневого цвета. Обнаружен широкогорлый кувшин с двумя ручками. Горло и ручки украшены идущим горизонтально прочерченным орнаментом. Встречена посуда из серой глины с дисковидным поддоном, орнаментированная с наружной стороны, датируется она XII—началом XIII в. Из поливной посуды надо отметить пиалы (шакаса) с дисковидным поддоном с двухсторонней зеленой поливой и отогнутым внутрь краем; светильники конической формы. Немногочисленны находки кашинной керамики. В северных помещениях их всего 3—4 фрагмента.

²⁶ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, стр. 249; е е же. Своды в архитектуре Южного Туркменистана, ТЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958. стр. 242.

Как было упомянуто выше, в одной из комнат были найдены фигурные кирпичи и фрагмент резьбы по ганчу, использовавшиеся для украшения здания. При расчистке пола помещения № 7 были встречены бронзовые шлаки и бронзовая ложка, какие обычно применялись в ювелирном деле²⁷. Кроме того, были найдены две керамические бусины, датируемые концом XII—началом XIII в.

Помещение № 8 было вскрыто в 1964 году. Оно возведено также из сырцового кирпича. Это помещение неоднократно подвергалось ремонту, это видно из того, что южная стена помещения сложена из сырцового и из жженого кирпича. Можно предполагать, что вход в помещение был с южной стороны, а затем его заложили сырцовым кирпичом. Под завалом лежат два больших куска дерева, вероятно, остатки дверных стоек. Одна стена проема входа сделана из сырцового кирпича и имеет круглую колоннообразную форму. Другая стена входа сделана из жженого кирпича. На уровне пола верхнего строительного горизонта найдены обломки железных предметов, в том числе железная цепь с деревянной ручкой. На полу у северной стены помещения обнаружен каменный котел, украшенный рельефным орнаментом. Изготовлен котел из талько-хлорита. Каменная посуда из талько-хлорита часто встречается на территории Средней Азии: в Новой Нисе, Мерве и в других средневековых городах Туркменистана. Под полом помещения шел культурный слой, где содержались обломки поливных и неполивных сосудов. Среди поливных сосудов имеется кашинная, покрытая бирюзовой поливой. Найдены также крупные керамические бусы цилиндрической формы. Немалый интерес представляет статуэтка бойца, стреляющего из лука; на его спине щит. На основании керамических находок помещение датируется XII—XIII вв.

В 1963 году было вскрыто три помещения, относящихся к XIV в. Два из них находятся примерно в 50 м от восточной цитадели. Стены этих помещений сложены из сырцового кирпича. Помещения сильно размыты дождевыми водами, в результате чего стены сохранились в высоту только на 1 м. Ориентация комнат по продольной оси с востока на запад.

Помещение № 1 размером 2,7×2,4 м. Его стены сложены из крупного сырцового кирпича размером 30×30×5 см. Толщина стен — 30 см. Восточная стена помещения № 1 была

²⁷ И. М. Джабаров. К вопросу о технике чугуно-литейного производства Хорезма. История материальной культуры Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1939, стр. 215.

разрушена, а потом отремонтирована. Ее верх сложен из различных кирпичей — сырцовых и обожженных. Обожженные кирпичи имеют размер $20 \times 20 \times 3,5$ см. В северном углу комнаты находился необожженный хум, имеющий диаметр 80 см. Высота сохранившейся его части 55 см. Сосуд был врыт в пол на глубину 10 см и обложен с наружной стороны кусками обожженных кирпичей. Такие сосуды встречались при раскопках комнат у северной стены шахристана. Обмазка пола помещения не сохранилась. Керамического материала немного. В основном это обломки чаш с двухсторонней поливой голубого и зеленого цвета. Роспись черная с растительным орнаментом. В этом помещении была найдена сильно окислившаяся медная монета, которая из-за плохой сохранности не может быть прочтена. В числе других находок можно упомянуть фрагменты бронзовых и стеклянных предметов. Это помещение, по всей вероятности, является хозяйственным. Оно соединяется с соседним помещением проходом шириной 90 см.

Помещение № 2 расположено к югу от помещения № 1 и соединяется с ним проходом. Оно имеет размеры $3 \times 2,7$ м. Стены его возведены из сырцового кирпича $30 \times 30 \times 5$ см. По внутреннему устройству оно отличается от соседнего. В нем имеется полукруглая возвышенность, сложенная из битых и целых обожженных кирпичей размером $20 \times 20 \times 3,5$ см. На ней стоял почти целый неполивной кувшин. Пол помещения имеет глиняную обмазку. Это помещение также, по-видимому, было хозяйственным. В нем встречено много фрагментов поливных сосудов XIV в.

К юго-востоку от восточной цитадели, у южной стены шахристана, ближе к восточному углу, размещались крупные жилые прослойки. Одно из расположенных тут зданий имело размеры по северной стене 100 м, западной — 43, южной — 90 и восточной — 90 м. Дома здесь были возведены из сырцового кирпича. В них жило, по всей вероятности, зажиточное население Шехр-Ислама. Помещения велики по размеру, в некоторых из них стены были оштукатурены алебастром. Одно из них было расколано в 1963 году. Оно имеет длину 5,97 м и ширину 2,85 м. Вход в него помещался в юго-восточной стене, которая сохранилась на высоту 1,1 м. Стены помещения сложены из сырцовых кирпичей размером $25 \times 28 \times 7$ см. В западной стене была отопительная печь. Стены помещения неровные, по-видимому, это явилось результатом расширения помещения. Вдоль восточной стены шла суфа высотой в 20 см. Суфа сложена из квадратных обожженных кирпичей разме-

ром 21—22×21—22×3,5 см. Поверхность ее была обмазана глиной. Пол комнаты в северной части имел глиняную обмазку, а в южной был сложен из обожженного кирпича. Стены помещения были в свое время покрыты алебастровой штукатуркой толщиной около 2 см. На правой стене входного проема прочерчен рисунок, сходный с туркменским узором гюзек (клетка). На полу помещения было три очага. Один из них углублен в пол. Это был тандыр. Дно его выложено кирпичом и обмазано глиной. Он имеет диаметр 45 см, глубину 50 см, толщину стенок 2,5—3 см. Аналогичный тандыр был обнаружен в помещениях у северной стены шахристана. Такие тандыры были широко распространены по всей Средней Азии. Например, они найдены на Варахше²⁸. Их использовали для выпечки лепешек. Второй очаг находится примерно посередине комнаты. Он вырыт в земле и облицован обломками хума и имеет в плане овальную форму. По-видимому, этот очаг служил для кипячения чая, был расположен ближе к восточному углу. Он состоит из трех целых обожженных кирпичей, поставленных на ребро в виде буквы «П», длина его 40 см, ширина 15 см. Здесь были найдены фрагменты архитектурных украшений — два куска разного ганча и облицованная поливная плитка, а также бронзовый бубенчик, обломки стеклянной посуды, поливные чаши с бирюзовой поливой и черной росписью.

Ремесленные кварталы. На территории Шехр-Ислама исследованы два ремесленных квартала—рабада, условно называемые южный и западный. Южный рабад представляет собой в плане неправильную трапецию. Он расположен к югу от так называемого форпоста и доходит до южной дороги, проходящей через территорию Шехр-Ислама к колодцу Башлак. С запада он ограничивается хаузом, а на востоке—дорогой, ведущей из Бахардена на колодец Кази. Поверхность южного рабада почти сплошь покрыта обломками и целыми обожженными кирпичами. Среди них преобладают кирпичи размером 20×20×3,5—4; 21×21×3,5 и 22×22×3,5—4 см. Реже встречаются кирпичи 19×19×3,5 см. В северной части рабада находятся холмы керамических шлаков. Прослежены остатки многих прямоугольных в плане керамических печей. Всего было зарегистрировано 8 таких печей. В 90 м к югу от форпоста прослеживается вал — остатки какой-то стены из сырцовых кирпичей, протяженностью свыше 100 м. Вдоль вала расположены прямо-

²⁸ В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963. стр. 105.

угольные керамические печи и гончарные мастерские, каждая из 1—2 комнат. Одна из этих печей была раскопана (печь № 6).

Западный рабад находится за пределами западной стены шахристана и имеет следующие размеры: с севера на юг — 328 м; с востока на запад — 510 м. Здесь прямо на поверхности прослеживаются остатки 34 керамических печей, из которых 7 имеют круглую, а остальные—прямоугольную в плане форму. Многочисленны находки керамического шлака и бракованных гончарных изделий. Обнаружено несколько гончарных мастерских. Каждая такая мастерская включает 2—3 керамические печи и 1—2 подсобные помещения. В 1962—1963 годы в западном рабаде были раскопаны 4 керамические печи: две—круглые и две—прямоугольные. Кроме керамистов, в западном рабаде работали металлурги, выплавлявшие медь и железо. В южной части этого рабада во многих местах прослеживаются остатки сооружений из жженого кирпича и большое количество обломков ганча.

На Шехр-Исламе были вскрыты 6 керамических печей, четыре из них (1—4) находятся в западном рабаде, одна — в южном (печь № 6), а одна — в ближнем рабаде (печь № 5).

Печь № 1 в плане имеет прямоугольную форму и состоит из двух камер: нижней топочной и верхней обжигательной. Вход в топочную камеру находится с западной стороны. Сама топка углублена в землю и обложена обожженным кирпичом размером $22 \times 22 \times 3,4$ — 4 см; $29 \times 29 \times 5$ см. Высота топочной камеры, перекрытой тремя арками из кирпича, 1,5 м. Между арками ребром поставлен жженный кирпич, который служил разделителем жаровых отверстий. На противоположной входу стороне в стенке имеется невысокая ниша. На полу камеры лежал слой золы толщиной 12—15 см, занесенный до свода наносным песком. Внутри топки найдено несколько фрагментов и один целый сфероконический сосуд. Внутренняя часть топки ошлакована, что может происходить от высоких температур, развивавшихся в топке во время обжига. Найдены штампованные сосуды, штампы для нанесения орнамента, штыри, употребляемые при обжиге керамических изделий.

Печь № 2 расположена рядом с печью № 1. В плане она круглая (диаметр 1,85 м). Верхняя обжигательная камера сильно разрушена. Разрушенная печь была засыпана большим количеством бракованных, а также разбитых, главным образом неполивных сосудов. Стенки обжигательной камеры печи сложены из обожженного кирпича размером $22 \times 22 \times 3,5$ — 4 ; $30 \times 30 \times 5$ и $24 \times 24 \times 4$ см. Хотя обжигательная камера почти

не сохранилась, удалось определить ее стены (50 см). Они были сложены из двух рядов кирпича. Топочная камера углублена в землю и ко дну сужается до 1 м. Ее стены облицованы кусками обожженных кирпичей. Вход в нее был с восточной стороны. На стенке обжигательной камеры с внутренней стороны была небольшая ниша, назначение которой остается неясным.

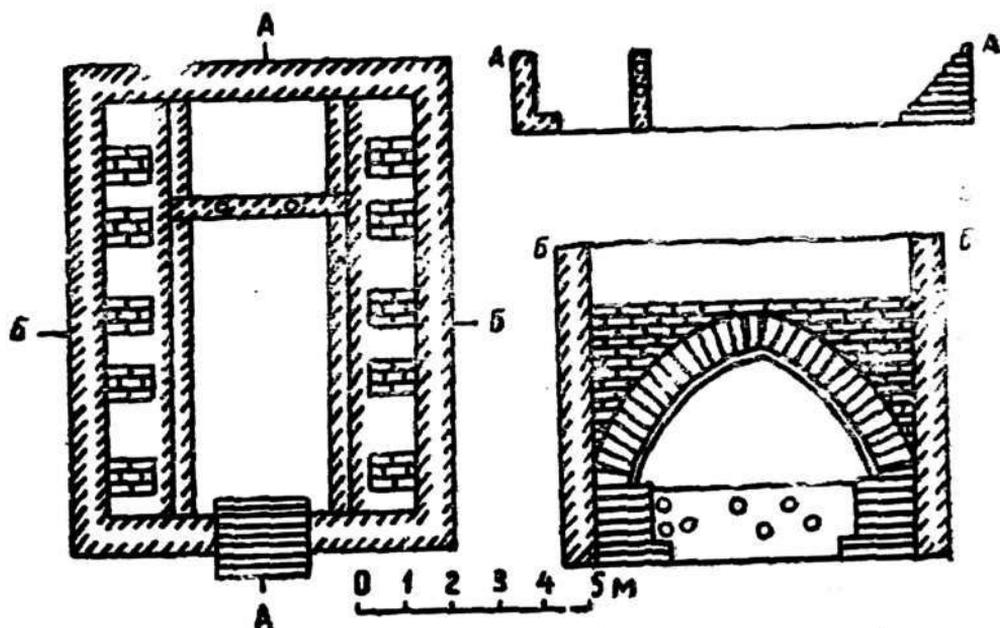

Рис. 3. План и разрез керамической печи № 3.

Печь № 3 находится недалеко от печи № 2 (рис. 3). В плане она прямоугольная. Ее топочная камера, имеющая в длину 3,45 м, ширину 1,5 м и высоту 1,95 м, находится ниже уровня земли. Вход в топочную камеру с северной стороны, спуск туда по кирпичным ступенькам. Топочная камера перекрыта пятью арками, пространство между которыми заполнено кирпичами и глиной. Там же сделаны отверстия для выхода жара в обжигательную камеру. Высота стенок до основания арок 65 см. Полная высота камеры 1,15 м. Внутри топочной камеры на линии второй арки, считая от западной стенки камеры, имеется перегородка, доходящая до уровня пятой арки. Обжигательная камера имеет размеры: длина 2,55 м, ширина 1,9 м. Ориентация ее длинной оси юг—север. В этой печи в отличие от других печей входы в обжигательную и топочную камеры расположены один под другим. Обжигательная камера сохра-

нилась на высоту 45—50 см. Толщина ее стенок около 0,5 м. Внутри она обмазана глиной, содержащей растительную примесь. В полу устроено 78 жаровых продухов круглой и прямоугольной формы. Первые имеют размер до 15 см, вторые— 15×20, 20×20, 25×40 и 20×80 см. Такая разновеликость позволяет считать, что в этой печи обжигали сосуды разной величины. Печи аналогичных конструкций имеются среди мервских керамических печей, обследованных ЮТАКЭ²⁹. С этими печами могли быть связаны два находившихся поблизости помещения (рис. 4). Оба они имеют в плане прямоугольную форму. Одно из них (западное) длиной 4 м и шириной 3,4 м. Его длинная ось имеет направление север—юг, вход в помещение с южной стороны. Стены сложены из сырцового кирпича 27×27×5 см. Сохранившаяся высота стен 75 см. Западная стена помещения, в отличие от других, имеет в верхней части ряд из обожженного кирпича размером 22×22×3,5 см. Пол помещения земляной, без обмазки. Большой интерес представляет внутреннее устройство помещения. В нем было два переносных очага. Их размеры почти одинаковы, в диаметре 40 см, сохранившаяся высота 35 см, толщина стенок 2,5 см. Один очаг находился ближе к восточному углу помещения, а другой — в середине. Оба были заполнены золой. Эти очаги сделаны из хумообразных сосудов с утолщенным венчиком. По всей вероятности, они служили для сушки необожженных сосудов зимой. Внутри помещения у северной стены расчищен почти круглый отсек, сложенный из сырцовых кирпичей 22×22×3,5—3 см и кусков обожженных кирпичей. Внутри него найдены многочисленные полуфабрикаты: необожженное узкое и высокое горло сосуда, ручка и носик. Каждая часть сосуда изготовлена отдельно с тем, чтобы потом их присоединить друг к другу. В западном углу возвышение, на нем стояла глиняная пиа-ла с дисковидным поддоном, покрытая двусторонней голубой глазурью. Черепок в изломе красновато-кремовый.

Внутри помещения № 1 в его северном углу был заложен шурф, который позволил установить, что мастерская была построена на такыре. Судя по найденным в помещении полуфабрикатам можно судить, что оно служило мастерской, где формировали сосуды. Другое помещение расположено за восточной стеной первого. Оно расчищено неполностью. Стены помещения № 2 сложены из сырцового кирпича того же размера, что и стены помещения № 1. К западной стене примы-

²⁹ С. С. Лунина. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. ЮТАКЭ, т. VIII. Ашхабад, 1958, стр. 35.

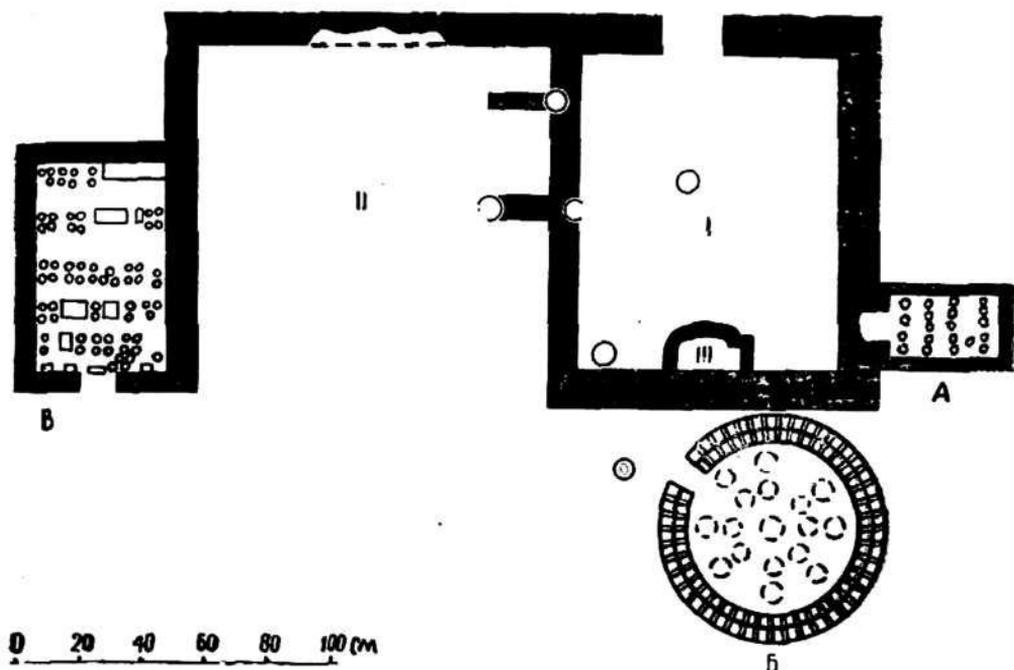

Рис. 4. План керамической мастерской:

А — печь № 1; Б — печь № 2; В — печь № 3. I—II — помещения мастерских; III — отсек для хранения полуфабрикатов; 1 — сушильные печи; 2 — хум.

кают две стенки, образующие два открытых в сторону помещения отсека. В стенках имеются два круглых очага, которые служили, видимо, для просушивания полуфабрикатов. Один из очагов имеет в диаметре 70 см, толщина его стенок 10 см. Диаметр другого 50 см. От очагов сохранились нижние части, заполненные золой. Южная и юго-западная части мастерской были наполнены завалом из отходов. Здесь найдены многочисленные обломки сосудов в большинстве неполивных.

Обнаружение мастерской, состоявшей из двух помещений и примыкавших к ним трех керамических печей, позволяет судить о процессе производства керамических изделий. Все три печи принадлежали одному керамисту. Каждая из них имела свое назначение. Печь № 1 отличается от других прямоугольных печей только небольшими размерами. В ней обжигались небольшие штампованные сосуды. Найденные на полу пода печи круглые глиняные лепешки служили подставками при обжиге сосудов, диаметр их около 6 см. Обнаруженные около печи штампованные кувшинчики соответствуют по размерам, обнаруженным в обжигательной камере печи. Правда, в археологической литературе известно, что часть сосудов

устанавливалась при обжиге вверх дном³⁰. Технологический прием ставить сосуд на подставку средневековые керамисты унаследовали от ранних времен. Наличие таких подставок было отмечено профессором М. Е. Массоном на памятнике Тахир-бай-депе, относящемся к первой половине середины I тыс. до н. э.³¹, а также на городище Гяур-Кала старого Мерва³². Немаловажный интерес представляет ориентация загрузочного отверстия в печи № 1 обжигательной камеры. Оно, как было выше отмечено, расположено со стороны мастерской. Это позволяло вести загрузку и разгрузку печи непосредственно из мастерской.

Печь № 2 предназначалась главным образом для обжига поливных сосудов. Об этом свидетельствует найденная внутри нее сипая (треножки), сохранившая следы зеленой поливы. Печь № 3 была универсальной, в ней обжигали разную посуду.

Печь № 4 также расположена в западной рабаде, в 50 м на юго-восток от печи № 3, вблизи западной стены шахристана. Она круглая в плане (диаметр 2 м) и сложена из обожженных кирпичей размером 21×21×3—3,5 см. Вход в топочную камеру находился на северной стороне. Размеры топочной камеры: диаметр 1,8 м, высота 1,5 м, толщина стенок 40 см. Выложены они двумя рядами обожженных кирпичей, с внутренней стороны обмазаны глиняной штукатуркой толщиной около 2 см, которая в результате высокой температуры отслаивалась и приобрела зеленоватый оттенок. От обжигательной камеры сохранились стенки высотой 8—10 см. Вход в нее с южной стороны. Пол обжигательной камеры имеет 16 отверстий-продухов, расположенных двумя концентрическими кругами. Первый ряд расположен на расстоянии 7—10 см от стенки и состоит из 9 отверстий, отступающих одно от другого на 45—50 см. Второй ряд состоял из отверстий, расположенных ближе к центру, на расстоянии от 30 до 52 см одно от другого. В центре сделано одно отверстие. Диаметр жаровых отверстий со стороны обжигательной камеры составлял от 8 до 11 см, а со стороны топки — 13—15 см.

Печь № 5 расположена в ближнем рабаде. Она прямоугольная в плане. От нее сохранилась только топочная камера. Арочный вход в топочную камеру находился с северо-восточ-

³⁰ В. И. Сарин и др. Керамическое производство древнемарианских поселений. ТЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958, стр. 329.

³¹ М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 242.

³² В. И. Сарин и др. Керамическое производство древнемарианских поселений, стр. 329.

ной стороны. В момент вскрытия он был закрыт большим куском камня. Размеры топки 1,5×1 м, высота ее 1,6 м. Стенки сложены из крупных обожженных кирпичей размером 28×28×5 см. Топочная камера была перекрыта тремя арками, сложенными из тех же кирпичей, что и ее стены. В перекрытии топки сохранились 13 жаровых отверстий, 10 из них круглые, а остальные прямоугольные. На полу камеры лежали зола и уголь. Выше шел слой известняка толщиной около 30 см. Камера заполнена до верха наносным песком. Около печи был заложен небольшой шурф глубиной 2,1 м. Он показал, что печь № 5 возведена на мощном культурном слое, содержащем керамические материалы XIII—XIV вв., то есть существование этой печи падает на последний период существования города.

Печь № 6 расположена в южном рабаде, приблизительно в 90—100 м от так называемого форпоста. В плане она представляет прямоугольник. В топочную камеру ведет вход с кирпичной лестницей, расположенный с северо-восточной стороны. Размеры топочной камеры 3,5×2,6 м, высота ее 2,1 м. Камера перекрыта сводчатыми арками, сделанными из обожженных кирпичей размером 26×26×4,5 см. Между сводами расположены жаровые отверстия, служившие для подачи горячего воздуха в обжигательную камеру. Они обмазаны тремя слоями глиняной штукатурки толщиной 10 см. Они двух форм: прямоугольные и круглые. Размеры прямоугольных отверстий 40×18, 68×20, 90×25, 200×20 см и круглых в диаметре 10, 17, 12, 20 см. Большие жаровые прямоугольные отверстия, размеры которых достигают 200, 90 и 63 см, образовались, по всей вероятности, в результате падения кирпичей, которые ставились на ребро в разделительные отверстия топки. Внутри горна найдены обломки крупных толстостенных сосудов и крышка диаметром 50 см. Все это позволяет говорить о том, что эта печь была предназначена в основном для обжига крупных сосудов. Вход в обжигательную камеру устроен с юга. Ее размер 3,6×2,4 м. Стенки камеры сохранились на высоту 60 см. Толщина стенок около 0,5 м.

В свое время Б. А. Литвинский заложил шурф в квартале металлостов, расположенном на северо-востоке от западной цитадели. Судя по его описанию, здесь был вскрыт угол какого-то строения, сложенного из сырцового кирпича. В первом метровом ярусе было найдено 56 железных ладошкообразных криц (целых и крупных кусков) и 12 медных шлаков, во втором ярусе было встречено 42 железные крицы и 8 кусков медных шлаков. Следовательно, в этом квартале работали метал-

лурги, плавившие медь и железо. С целью обнаружения металлообрабатывающего горна была сделана зачистка в этом квартале. Однако его обнаружить не удалось.

В 1960 году Туркменский археолого-этнографический отряд МГУ заложил небольшой шурф на рабаде между двумя цитаделями. В нем были найдены многочисленные железные и медные предметы (гвозди, чашки и др.). Сопровождавшие их керамические материалы позволяют отнести эти предметы к XIV в.

Такова краткая характеристика работ, проведенных на городище Шехр-Ислам. В ходе работ был получен обширный вещественный материал, главным образом керамический. В настоящей работе мы остановимся на характеристике лишь наиболее значительных и ярких комплексов из раскопок керамических горнов.

Керамика из печи № 1. В этой печи были найдены отдельные обломки тонкостенных неполивных кувшинов со штампованным орнаментом. Представление о сосудах дает кувшин, собранный из обломков, обнаруженных рядом с печью № 1. Это — широкогорлый кувшин с ручкой. Диаметр его горловины около 8,5 см, дна — около 6 см. На ручке, в месте ее изгиба, имеется остроконечный налест. Кувшин богато орнаментирован. В его верхней части два пояса из горизонтально прочерченных линий, между которыми нанесены вертикальные насечки. Ниже идет ряд овальных вдавлений. Весь этот орнамент повторяется на нижней части тулова сосуда. Верх тулова сосуда украшен наклепными круглыми медальонами со штампованным «s»-образным узором, расположенными горизонтально в ряд. Медальоны разной величины. Большие медальоны (диаметр около 4,5 см) чередуются с меньшими (диаметр 1,5 см). Толщина стенок сосуда у горловины приблизительно 0,1 см, в нижней части около 0,5 см. При расчистке печи № 1 в ней, помимо фрагментов сосудов, были обнаружены два обломка штампа для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Немалый интерес представляет найденная тут глиняная фигурка животного.

Керамика из печи № 2 (рис. 5). В этой печи были найдены обломки неполивных и поливных гончарных изделий. Неполивная керамика представлена высокогорловыми кувшинами диаметром по горловине около 10 см. По горловине идет прочерченный узор. Между двумя горизонтальными полосами — короткие косые штрихи, нанесенные зубчатым штампом (рис. 5, б). Черепок в изломе красный. Другой широкогорлый сосуд имеет резко выступающий наружу венчик с плоским береж-

ком (рис. 5, 6, 7). Его горло покрыто таким же прочерченным узором, как и у вышеописанных кувшинов. Представлены следующие виды поливных сосудов.

1) Чаши (рис. 5, 1) глиняные, с бесцветной поливой. Одна из них с дисковидным поддоном, с плоско изогнутыми стенками. Другая, от которой сохранилась только часть стенок, имела иной профиль. Ее стенки были более крутыми и горизонтально каннелированы (рис. 5, 2).

2) Чаша (рис. 5, 3) с зеленой поливой и почти вертикальными изогнутыми стенками. С наружной стороны под венчиком проходит бороздка.

3) Чаша, от которой сохранилась только нижняя часть. Она имела кольцевой поддон (рис. 5, 5). Внутренняя сторона была покрыта светло-зеленой поливой.

Керамика из печи № 3. Встречаются обломки хумов, крышек для кувшинов и крупных неполивных сосудов.

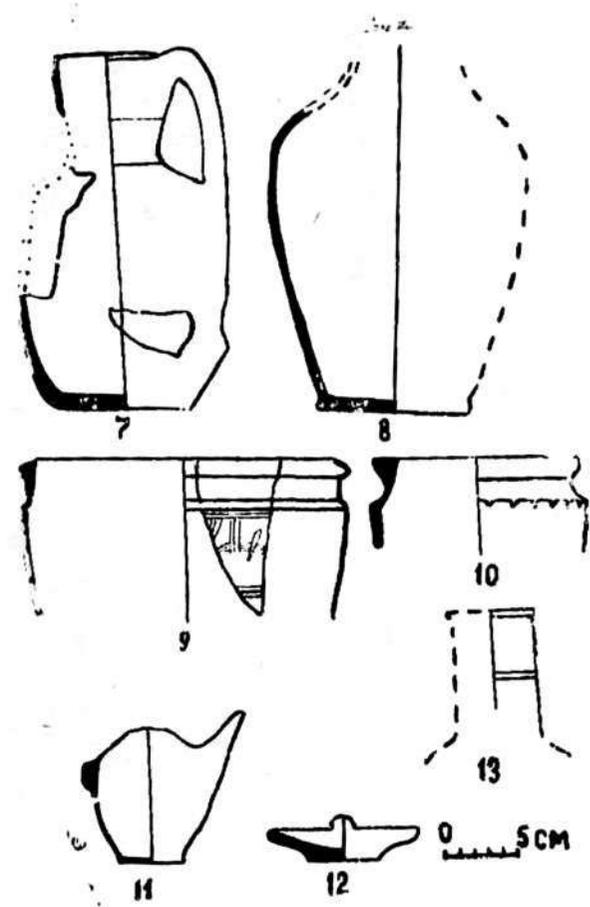
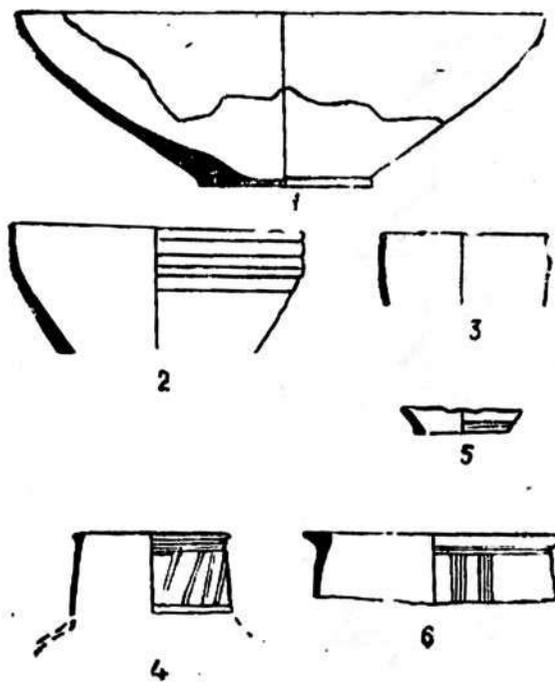
Хумы. Диаметр их в пределах 28—32 см. Толщина венчика — от 3 до 4 см. В тесте некоторых хумов прослеживается примесь соломы и мелких камешков. Наличие такой технологической примеси в Шехр-Исламе было отмечено в свое время В. М. Массоном и датируется XII — началом XIII в.³³

Кувшины были двух видов — узкогорлые и широкогорлые. Обжиг их равномерный. Черепок в изломе красный. Узкогорлый кувшин (под шифром 63 $\frac{\text{ш-И}}{33}$) имеет почти грушевидную форму, округлое тулово, сужающееся к днищу. По горловине кувшина нанесены прочерченные волнистые и прямые линии, идущие горизонтально. Черепок в изломе красный.

Следующий сероглиняный кувшин-кружка (под шифром 63 $\frac{\text{ш-И}}{34}$) имеет раздутое тулово. На нижней половине тулова нанесен поперечный орнамент в виде волнистых и нескольких коротких линий. По горловине кувшинчика идет валик, поддон кувшина дисковидный. По внешней стороне сосуда четко заметна бороздка. Черепок в изломе серый.

Керамика из отвалов. На южной стороне раскопанных помещений мастерских (в западном рабаде) обнаружено большое скопление отходов керамического производства — бракованные и битые разнообразные обломки кувшинов, хумов, крышек и др. Поливных изделий тут было сравнительно немного.

³³ В. М. Массон. Хумы Нисы, ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1962, стр. 430.
162

Кувшины были двух видов — узкогорлые и широкогорлые. Один из них (шифр 63 $\frac{\text{III-I}}{1483}$) высотой 24 см. Внутренний диаметр горла 5,5 см. Венчик с плоским бережком шириною около 0,8 см отгибается наружу. Горло кувшина резко отгибается от плечиков. Высота его около 7 см. Толщина стенок кувшина от 0,3 до 0,6 см, дно плоское. Черепок в изломе красный. Обжиг равномерный. Найден чайникообразный сосуд с плоским дном. Донца таких сосудов плоские или дисковидные. В дисковидных поддонах имеются бороздки.

Кроме того, встречены крупные хумообразные сосуды. Они имеют широкие бороздки под венчиком. Венчик его выступает от стенки сосуда.

Крышки. Они делятся на две группы: большие для хумообразных сосудов и малые для узкогорлых и широкогорлых сосудов. На лицевой стороне крупных крышек прочерченный и продавленный орнамент. В состав глины таких крышек иногда примешивали мелкий керамический шлак.

Маленькие крышки были в виде низких плоских чаш на дискообразном поддоне. С наружной стороны в середине они имеют цилиндрическую ручку с полукруглым концом (рис. 5, 12).

Керамика из печи № 4 в основном неполивная. При оконтуривании печи была найдена верхняя часть узкогорлого кувшина с прочерченным орнаментом (рис. 6, 1). Аналогичной формы кувшин, датированный концом XII — началом XIII в., был найден на Новой Нисе³⁴. Встречены кувшины с горловинами других форм (рис. 6, 3—4). На венчиках этих сосудов сделан один или два валика. Некоторые из таких сосудов имеют горизонтальный прочерченный орнамент. Все они в изломе имеют красноватый цвет.

Широкогорлые кувшины (рис. 6, 5—6) опоясаны по краю горла валиком. Один из них украшен прочерченным орнаментом. Имется также несколько донцев глиняных сосудов. Нижняя часть кувшина (рис. 6, 8)—вытянутое туловище. Дно у него в виде дисковидного поддона. У другого, бракованного сосуда сохранилась только нижняя часть. Он имеет дисковидный поддон с резко выраженной бороздкой. Часть толстостенных сосудов имеет форму близкую к сфероконическим сосудам (рис. 6, 10). Один фрагмент от неполивного кувшина прочерчен с наружной стороны клеткообразным орнаментом (рис. 6,

³⁴ М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 62, рис. 21.

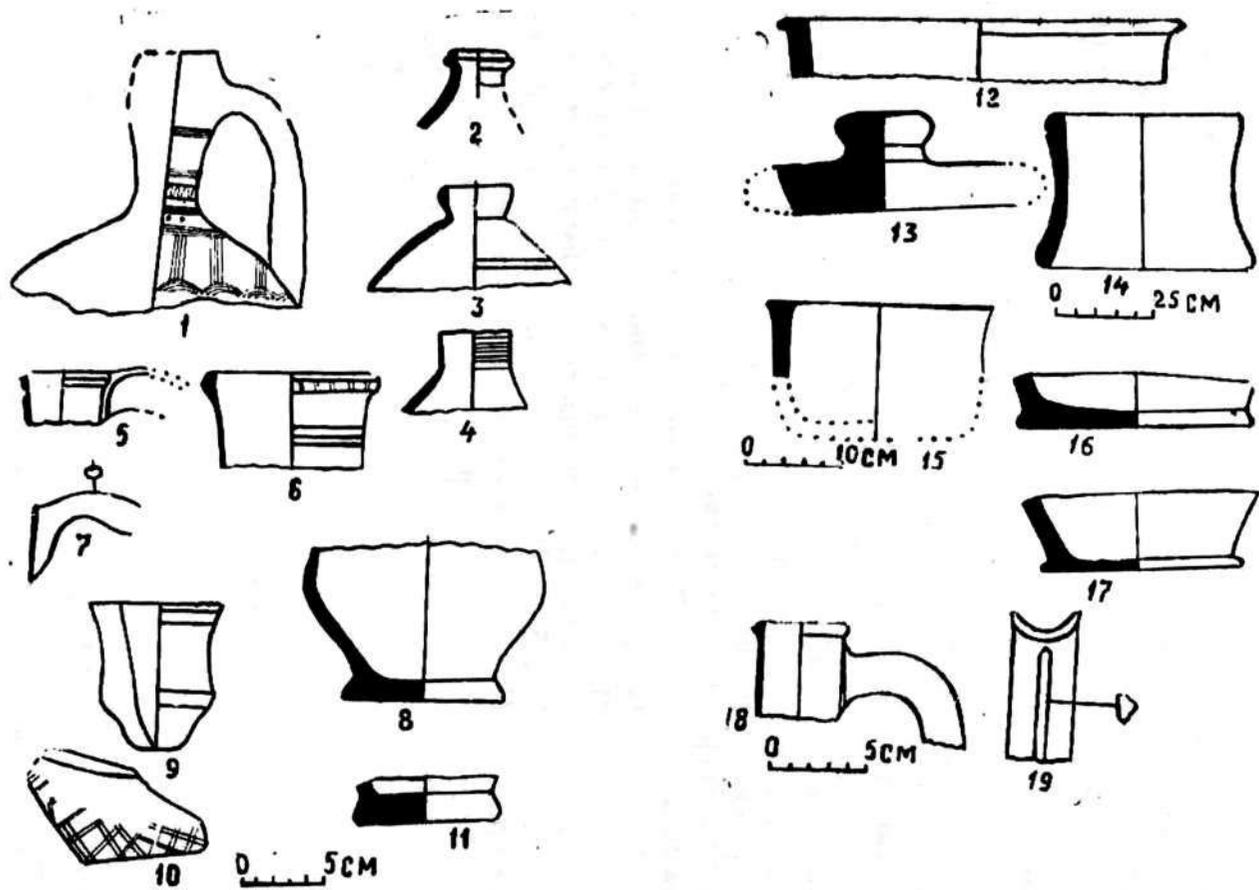

Рис. 6. Глиняные изделия из керамических печей №№ 4, 6

10). Аналогичные сосуды встречаются на Новой Нисе и датируются концом XII—началом XIII в.³⁵ Кроме того, встречены обломки различных сосудов: ручки, днища, крышки и т. п. В целом полученные материалы из керамической печи № 4 позволяют отнести ее к домонгольскому периоду.

Керамика из печи № 5 представлена отдельными фрагментами поливных и неполивных сосудов. Это обломки неполивных сосудов, нижние части сосудов — донца, фрагменты стенок. Из-за отсутствия верхней части сосудов трудно восстановить их полную форму. Другой фрагмент является носиком от неполивного сосуда. Черепок в изломе имеет красно-кремовый цвет. Из поливных предметов были встречены два светильника с коническим носиком. Один из них покрыт темно-зеленой, а другой светло-зеленой поливой. Черепки в изломе имеют красный цвет. Еще один фрагмент является венчиком от кашинной чашки с бирюзовой поливой. Венчик выступает на наружную сторону. Кроме того, были найдены круглая подставка-лепешка, применяющаяся при обжиге посуды, обломки каменного котла, три куса железных крици и фрагмент бронзового предмета.

Керамика из печи № 6 в основном состоит из фрагментов неполивных крупных сосудов, обнаруженных в печи. Среди них следует отметить открытый хумообразный сосуд (рис. 6, 12) с венчиком, заметно выступающим наружу. Толщина его стенок 2—2,5 см. В его тесто была добавлена растительная примесь. Черепок в изломе красноватого цвета. Следующий (рис. 5, 15) сосуд — тагара. Он имеет плоское дно и отходящие от него под углом стенки, выступающие наружу. Толщина таких сосудов от 2 до 3—3,5 см. Они были широко распространены в средневековых городах Туркменистана. В Мерве они датируются XI и XIII вв.³⁶, а в Анау — XIV в.³⁷

Кроме того, здесь найден глиняный переносный очаг (рис. 5, 14) хорошего обжига без дна. Стенки у него сходятся во внутрь. Черепок в изломе красный, в составе глины имеется растительная примесь.

Археологические материалы, собранные на городище и полученные из раскопок, показывают, что город возник в IX и просуществовал по XIV в.

³⁵ М. И. Вязмитина. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. ТЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 159, рис. 12, 26.

³⁶ С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве, в X—начале XIII в. ТЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962, стр. 280.

³⁷ В. А. Левина. Позднее городище Анау. ТЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1953, стр. 367.

Из вышеизложенных данных можно заключить, что территория шахристана расширялась за время существования города. Так, например, раскопки показывают, что в IX—XI вв. шахристан охватывал только южный и юго-западный районы современного шахристана. Тогда его площадь занимала примерно 10 га. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при шурфовании шахристана керамические материалы, относящиеся к IX—XI вв., встречаются пока только в южном и юго-западном районах, где сейчас находится западная цитадель.

Изучение жилых комплексов Шехр-Ислама позволяет сделать некоторые выводы исторического характера. Жилища X—XI вв. на Шехр-Исламе прослежены пока только в южной части нынешнего шахристана. Здания, относящиеся к этому времени, в основном возведены из сырцовых кирпичей. Керамические материалы представлены домашней посудой с черной росписью по белой поливе, иногда с куфическими надписями.

Археологические исследования показывают, что во второй половине XII—начале XIII в. шахристан города расширяется и вокруг него возводится новая стена. Характеризуя архитектуру развитого феодализма, Г. А. Пугаченкова отметила, что XI—XII вв. — это период роста и расцвета феодальных городов, уже не вмещающихся в свои раннесредневековые границы³⁸.

В XII—начале XIII в. фундамент домов возводился из обожженных кирпичей, а они, как правило, шире стены на 15—20 см. В помещениях этих домов имеются суфы, сделанные целиком из обожженных кирпичей или выложенные только по внешнему краю, а внутри заполненные песком и сверху обмазанные глиной. Находившиеся там очаги имели различное назначение: для выпечки лепешек, приготовления пищи и обогрева.

Немалый интерес представляют печи, устроенные в стенах. Часть их выступает внутрь помещения. Эти печи расположены в углу комнат. Жители города немало внимания уделяли санитарно-гигиеническому состоянию своих домов. Так, три комнаты имели водопоглощающие ямы—ташнау. Наличие таких ташнау в эпоху средневековья было отмечено во многих

³⁸ Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 189.

местах Средней Азии. Они встречаются в Варахше³⁹, в Караван-сараях, Талайхан-Ата⁴⁰ и др.

В XII в., особенно в конце XII—начале XIII в., шахристан расширяется и занимает площадь около 21 га. Это было время расцвета шахристана. Рядом с домами из жженого кирпича появились, причем в преобладающем количестве, дома из сырцовых кирпичей, примыкающих друг к другу. Шахристан полностью отличается от рабада, который переносится за пределы шахристана. В монгольский период сокращаются размеры жилых помещений города, жизнь сосредоточивается только в отдельных частях города. Основная жизнь была сосредоточена вокруг восточной цитадели. В монгольский период на шахристане, особенно в его центральной части, то есть на юге и юго-западе восточной цитадели, возникает рабад. Здесь, как было указано выше, имелся квартал металлистов, керамистов, который виден сейчас по куче шлаков и керамических остатков.

Хотя монгольский погром нанес тяжелый удар жизни Шехр-Ислама, но для XIV в. можно отметить опять некоторый подъем культурной жизни города. Именно в это время появляется новый усовершенствованный вид сосудов с геометрическим и растительным орнаментами. В жилых домах стали применять алебастровую штукатурку. В этот период часто использовались поливные кирпичи для украшения фасада зданий. Стены всех помещений у северной стены шахристана имеют толщину 30 см и покрыты глиняной штукатуркой с незначительной примесью самана.

Современные туркмены (карадашлыны), проживающие в Средней Азии, живут в основном в домах современного типа. Туркмены, проживающие за границей, потомки тех огузотуркменских племен, которые пришли в Малую Азию во время сельджукского завоевания (XI—XII вв.) и в XIII—XIV вв. во времена монгольского нашествия, завоеваний Тимура и борьбы в Иране между туркменскими династиями Кара и Ак-Кюлюк⁴¹, до сих пор сохранили традиции постройки домов во многих отношениях сходных с теми, какие были раскопаны в Шехр-Исламе.

По описанию Д. Еремеева, среди туркмен, живущих в Тур-

³⁹ В. А. Шинкин, Варахша. М., 1953, стр. 102.

⁴⁰ О. А. Вишневецкая. Раскопки Караван-сарая, Ак-Яйла и Талайхан-Ата. ТХЭ, т. I, М., 1949, стр. 455.

⁴¹ Д. Еремеев. К этнографии малоазнатских туркмен. ТИИАЭ АН СССР, VII (сер. этнографическая), Ашхабад, 1963, стр. 174.

ции, имеются и карадашлынды⁴², по свидетельству Абдулгазы, потомки племени Языр (Язгыр). Д. Еремеев, ссылаясь на А. Р. Ялгину, пишет: «Дом богатого туркмена трехкамерный, одна комната служит спальней и гостиной, она разделяется на «седир» (возвышенное место), занимающее угол слева от входа и освещенное двумя или четырьмя небольшими оконцами, и «балык» (темная площадь, где стоит посуда и едят женщины, когда в доме есть гость). Следующая, смежная с первой, комната называется «кирал», она служит амбаром, а третья комната — «оджак» или «мутбах» (кухня)»⁴³. Такое же примерно расположение комнат прослеживается в Шехр-Исламе. Так, например, пять из раскопанных у северо-западной стены комнат, образующие секцию, имеют разное назначение. В комнате № 3, 4 и 7 имелись суфы, в отдельном случае из обожженного кирпича. Эти комнаты, вероятно, служили спальней или гостиной. Подвал под помещением, обнаруженный в 7-й комнате, служил хранилищем посуды или другой утвари, о чем свидетельствуют найденные точильные камни и гончарные изделия. Может быть, это был «балык», то есть, по описанию Еремеева, темное помещение, где едят женщины, когда в доме есть гость. Однако следует отметить, что подвалы могли служить местом отдыха в жаркие дни. Сказанное позволяет полагать, что те туркмены, которые сейчас живут в Турции, в глубокой древности, действительно, были связаны со средневековыми туркменами, населявшими Шехр-Ислам и другие города Средней Азии.

Все помещения, относящиеся к XII—XIII вв., показывают зажиточность их владельцев. Об этом свидетельствуют многочисленные факты: некоторые дома были украшены фигурными резными кирпичами, многие помещения стоят на цоколе из обожженного кирпича, полы в отдельных комнатах тоже выложены жжеными кирпичами. По мнению В. А. Шишкина, цоколь и подвал из обожженных кирпичей характерен для богатых и зажиточных домов.⁴⁴

Одной из характерных черт жилых зданий Шехр-Ислам и других городов Средней Азии является замкнутость жилищ. По мнению В. А. Шишкина, это объясняется стремлением горожан обезопасить себя в ночное время, а также санитарными условиями городов, требовавшими изоляции жилого помеще-

⁴² Д. Еремеев, К этнографии малоазийских туркмен. ТИИАЭ АН ТССР, т. VII, (серия этнографическая). Ашхабад, 1963, стр. 175.

⁴³ Там же, стр. 173.

⁴⁴ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 106.

ния от загрязненных и смрадных улиц⁴⁵. Жилища, относящиеся к XIV в., свидетельствуют об оживленном образе жизни, хотя территория города в этот период резко сокращается. В жилых домах использовались алебастровая штукатурка, облицовочные поливные кирпичи. Кроме того, как было сказано выше, в одном из домов была найдена резьба по ганчу, украшавшая фасадную часть жилища. Большой интерес представляет стенная роспись с узором гюзенок («клетки»), которая и до сего времени широко применяется в вышивке женской одежды.

Археологические исследования и раскопки керамических печей показали, что в XII—начале XIII в. в Шехр-Исламе, кроме южного рабада появляется и западный. Появление западного рабада свидетельствует о росте городского населения.

В мастерских, видимо, работало по несколько человек. Например, как сказано выше, в западном рабаде в одной из мастерских было три обжигательные печи и там, безусловно, было занято несколько человек.

Сосуды изготовлялись на гончарном круге. В XII—начале XIII в. в Шехр-Исламе гончары производили тонкостенную изящную посуду со штампованным орнаментом, которая, вероятно, шла на вывоз в другие города. Изготовление такой посуды говорит о высоком уровне гончарного производства.

Археологическое обследование показывает, что Шехр-Ислам подвергся погрому монголов. Можно предполагать, что нашествие монголов привело к прекращению существования западного рабада. После его запустения часть шахристана превращается в рабад.

Сооружение керамических печей и возникновение рабада к югу от шахристана было обусловлено еще одним фактором — наличием воды. Здесь было озеро, питающееся из водопровода, который шел из далекого Дуруна, и дождевыми водами, стекавшими с окрестных такыров.

Раскопки рабадов установили общность конструкции керамических горнов Шехр-Ислама с мервскими. Изучение керамических печей Шехр-Ислама имеет важное значение и свидетельствует о высоком уровне гончарного производства в Южном Туркменистане. Таким образом, при раскопках Шехр-Ислама были получены новые данные по истории городов средневекового Востока в динамике их развития.

⁴⁵ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 104.

MIDDLE-AGE SETTLEMENT SHEHR-ISLAM

(Results of 1961—1964 researches)

Shehr-Islam is one of the largest Middle-age settlements of South Turkmenistan. It existed in IX—XIV centuries.

The settlement (fig. 1) consists of two shahristans on which two citadels are situated.

Shahristan is surrounded by a wall and has a rectangular shape with sides measuring 280 and 740 meters. Its corners are orientated according to the cardinal points.

On the shahristan territory were discovered ten chambers. Seven of them (fig. 2) were situated near the west end of the Northern wall of the settlement. Almost all the chambers have the hearths that served for warming up the dwelling and for cooking.

On the Shehr-Islam territory there are two robades — suburbs, which conditionally are named Southern and Western suburbs.

There also were discovered some ceramic stoves (fig. 3) and a workshop (fig. 4) where many ceramic material were gathered (fig. 5—6).

It is clear, that in a whole here there have been obtained new important data about the history of Middle-age Eastern settlement and about the dynamics of their development.

Т. ХОДЖАНИЯЗОВ

НОВЫЕ НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ КАРАХАНИДСКОГО ЧЕКАНА ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ СУЛТАНА САНДЖАРА

До последнего времени находки караханидских монет на территории Южного Туркменистана считались большой редкостью. Об относительной их редкости можно было судить хотя бы по тому факту, что в опубликованной литературе до 1946 года упоминается лишь о находке одной илекской монеты.¹ По словам профессора М. Е. Массона, занимающегося регистрацией монетных находок на территории Средней Азии, с первых лет создания Советского государства ему известно лишь несколько случаев находок единичных экземпляров караханидских монет.

В связи с этим большой интерес представляет крупный клад, случайно обнаруженный весной 1963 года при земляных работах бульдозеристом Валерием Скрипиным на территории Тахта-Базарского района, вблизи советско-афганской границы. В кладе вместе с монетами сельджукидского чекана имелся целый ряд караханидских монет².

Монеты, принадлежащие к чекану караханидских владельцев Самарканда, найденные вместе с сельджукидскими, составляют небольшое число в процентном отношении. Все монеты биты в Самарканде и представляют собой медные дирхемы, по-видимому, без какой-либо примеси серебра. Вычеканены они круглым штампом, но форма самих кружков на-

¹ З. А. Алямова. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 до 1946 года. Материалы ТЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 134.

² Тахта-Базарский клад 1963 года в количестве свыше 7000 монет общим весом 10,5 кг обрабатывается автором этих строк под руководством проф. М. Е. Массона.

столько изуродована благодаря небрежному изготовлению монетных заготовок, что некоторые из них имеют продолговатую и даже прямоугольную форму. Это в свою очередь привело к несоответствию весовых данных по отношению друг к другу. Монеты относятся к чекану Махмуда, Ибрахима сына Арслан-хана и выпущены с упоминанием имени сначала некоего Сарвар-хана, а затем султана Санджара. Привожу описание некоторых монет по типам и вариантам.

1. Первый тип (1 экз.).

[Медь] — монета Махмуда; год и место чеканки не попали в кружок, d — 18 мм, v — 2,47 г.

Av. В линейном круге: вверху типичный для караханидского чекана монетный знак (рис. 1, 1) в поле в трех строках суннитский символ веры:

لا اله الا الله
الله وحده
لا شريك له

Внизу орнамент в виде завитка. Круговая легенда не попала в кружок.

Rv, в двойном линейном круге, с точками между ними:

الله
محمد
رسول
الله
محمود

2. Второй тип, первый вариант (3 экз.).

[медь]—дирхем, «хакана величайшего» Ибрахима б. Арслан-хана, с упоминанием халифа Муктефи (1135/36—1160), Самарканд, год чеканки стерт, d штампа—26,5, v —от 2,3 до 3,7 г.

Av, в двойном линейном круге: вверху типичный для караханидского чекана монетный знак (рис. 1, 2); в поле;

لا اله الا الله
المقتضى لامر الله
الخاقان العادل
خان

Кругом:... بسم الله ضرب هذا الدرهم بسمركند سنة

Rv, также в двойном линейном круге:

خان
محمد رسول الله
الخاقان العادل
ابراهيم بن
ارسلان

Кругом: ارسله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون
Из-за недостатка мест начало и конец легенды не попали в кружок. Полный текст см.: Коран, сура IX, стих 33.

محمد رسول الله ارسله بالهدى ودين الحق
ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون
то есть «Мухамед посланец Аллаха, который послал его с руководством и верою истинною, чтоб возвеличить ее над всеми религиями и хотя бы ненавидели это многобожники».

3. Второй тип, второй вариант (157 экз.).

[медь]—дирхем «хакана славнейшего» Ибрахима б. Арслан-хана с упоминанием на Ах. того же халифа и имени Сарвар-хана, Самарканд, 5?? г. х. ∂ штампа — 26 мм, в — от 2,55 до 3,5 г.

Av., в двойном линейном круге; вверху (рис. 1, 2); в поле:

لااله الاالله
المقتضى لامرالله
الخاقان العادل
سرور خان

Кругом: بسم الله صوب هذا الدرهم بسمرقند سنة...حسبية

Rv., также в двойном линейном круге:

خان
محمد رسول الله
الخاقان الاجل
ابراهيم بن
ارسلان

Кругом: та же легенда из Корана, сура IX, стих 33.

4. Второй тип, третий вариант (5 экз.)

[медь]—дирхем «хакана справедливого» Ибрахима б. Арслан-хана с упоминанием того же халифа и имени «султана величайшего» Санджара на Av. Год место чеканки не попали в кружок, ∂ штампа — 26 мм, в — от 2 до 2,8 г.

Av., в линейном круге:

بالله
لااله الاالله
المقتضى لامرالله
السلطان الاعظم

سنجر (Имя написано почерком куфи).

Круговая легенда не сохранилась.

Rv., в линейном круге:

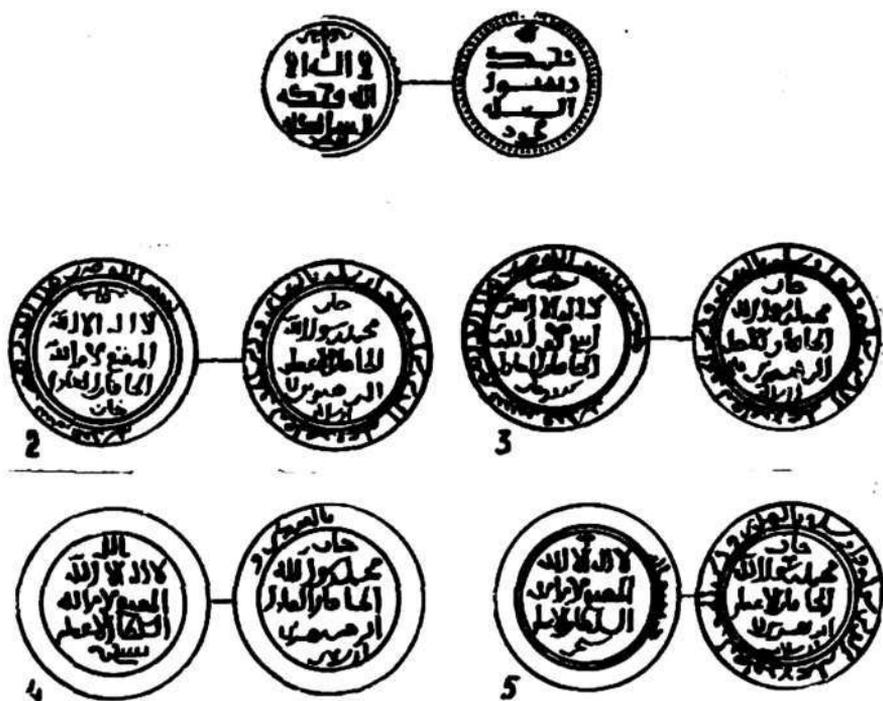

Рис. 1. Караханидские медные дирхемы в Тахта-Базарском кладе.

خان
 محمد رسول الله
 الخاقان العادل
 ابراهيم بن
 ارسلان

Кругом: остатки той же легенды, что под номером 2.

5. Второй тип, четвертый вариант (22 экз.).
 [медь]—дирхем, «хакана величайшего» Ибрахима б. Арслан-хана, с упоминанием на Av. того же халифа и имени «султана величайшего» Санджара; место чекана стерто, 5?? г. х. δ штампа — 25 мм, в — от 2,1 до 4,35 г.

Av., в двойном линейном круге: вверху типичный для сельджукидского чекана монетный знак (рис. 1, 5); в поле:

لاله الا الله
 المقتضى لامر الله
 السلطان الا عظم

(Имя написано почерком насх).

В круговой легенде от даты уцелело только указание сотен—

Rv., в двойном линейном круге: та же легенда, что под номером 4, но только слово «справедливый» (العادل) заменено словом «величайший» (الاعظم).

خَان
محمد رسول الله
الاعظم
ابراهيم بن
ارسلان

Кругом: та же легенда, что у монет под номером 2.

Как известно, после падения государства Саманидов, сменившая его в Мавераннахре династия караханидов фактически не распространяла свою власть на области левобережья Амударьи. На господство в Хорасане претендовала другая не менее сильная династия, утвердившая свою власть на территории нынешнего Афганистана — газневиды. После нескольких безрезультатных попыток овладеть всей территорией, которой владели только что сошедшие с исторической арены саманиды, караханидские правители вынуждены были отказаться от земель, лежащих к западу от Амударьи, и признать Хорасан за газневидами. Однако газневидам недолго пришлось господствовать в Хорасане. Не выдержав борьбы с тюрками-сельджуками, они вскоре навсегда потеряли Хорасан. Укрепив свое положение в Хорасане, сельджуки сразу же перешли к завосвательным действиям. Вскоре определились и не очень дружественные отношения между двумя новыми династиями — сельджукидами и караханидами. Яблоком раздора являлась территория по обоим берегам Амударьи, в районе двух важнейших городов — Термеза и Балха, которые оказались под властью сельджукидов после того, как их вынуждены были оставить газневиды. Но, начиная с последней четверти XI в., инициатива в области внешней и внутренней политики целиком переходит в руки сельджукидских султанов.

В 1089 году Мелик-шах (1072—1092 гг.) даже захватывает Бухару и Самарканд. После смерти Мелик-шаха в сельджукидском государстве началась смута, которая закончилась лишь в 1118 году, когда к власти пришел последний из «великих сельджуков» султан Санджар (1118—1157 гг.). По-видимому, используя этот благоприятный для себя момент, караханидский владетель Баласагуна и Таласа Кадыр-хан Джебраил в 1102 году двинулся с войском на Мавераннахр и дошел до берегов Амударьи. Здесь его войско было разгромлено, а сам он убит молодым Санджаром, который был в то

время меликом Хорасана. После этого Мавераннахром правил ставленник Санджара Мухаммед-тегин Арслан-хан.

При Санджаре сельджукиды добились максимального влияния на дела караханидского государства в Мавераннахре. Это время фактически было периодом политического упадка караханидов, хотя в первую половину царствования Мухаммеда Арслан-хана (1102—1130 гг.) последним еще делались попытки вести политику независимого государства³. В 1130 году султан Санджар, выслав из Мавераннахра престарелого Арслан-хана, посадил на Самаркандский престол его брата Абул-Музаффара Тафгач Богра-хана Ибрахима⁴, воспитывавшегося при дворе Санджара.

Хотя после свержения Арслан-хана в Самарканде правили ханы Тафгач Богра-хан Ибрахим (1130—1131), Клыч-Султан Тафгач-хан (1132—1136) и Рукн-ад-дин Махмуд (1137—1141) из караханидского дома, однако, они уже утратили свою самостоятельность и всецело подчинялись воле султана Санджара, который в то время был на вершине своего могущества.

Поскольку после падения династии саманидов Мавераннахр и Хорасан входили в состав двух разных враждовавших между собой государств, караханидские монеты не могли иметь хождения на территории последнего. Положение резко изменилось в конце XI и особенно в первой половине XII века. После захвата Санджаром Самарканда в 1130 году поставленные им на Самаркандский престол Клыч-Султан Тафгач-хан⁵ и Рукн-ад-дин Махмуд⁶ в знак покорности своему сюзеру указывали на своих монетах имя и титул султана Санджара. Такие монеты, снабженные громким титулом и именем Санджара, на наш взгляд, могли ходить даже в собственных владениях сельджукидского султана.

Если учесть, что это пора денежного серебряного кризиса, когда серебряные дирхемы почти вовсе не выпускались, то хождение караханидских медных дирхемов на территории Южного Туркменистана может быть вполне закономерным.

Происходившие политические события в последней четверти XI и в первой половине XII века показывают возможность проникновения мавераннахрских монет в Хорасан. Об-

³ История Узбекской ССР, т. 1, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 264.

⁴ М. Е. Массон. Кладки караханидских медных монет-дирхем первой половины XII в. из Термеза. КСИИМК СССР, вып. 80, 1960, стр. 105.

⁵ М. Е. Массон. Кладки..., стр. 103.

⁶ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 277, № 515, 2 экз.).

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редактора	5
О. Бердыев. Некоторые результаты археологических работ Института истории имени Ш. Батырова АН ТССР (1959—1966 гг.)	7
Г. Е. Марков. Материалы по каменному веку Прибалханья	23
О. Бердыев. Чопан-депе — памятник неолитической джейтунской культуры	60
Г. Ф. Коробкова. Бинокулярное исследование орудий труда из Чопан-депе	87
А. Губаев. Замок Ак-депе и его раскопки	112
Е. Атагарриев. Средневековое городище Шехр-Ислам (результаты работ 1961—1964 гг.)	136
Т. Ходжаниязов. Новые нумизматические данные к истории караханидского чекана времени правления султана Санджара	172

Коллектив

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТУРКМЕНИСТАНА

Вып. I.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Туркменской ССР

Редакторы издательства *Е. Мурадова, Л. Мирошников*
Художественный редактор *В. Пудова*
Технический редактор *Т. Гаврилова*
Корректоры *Г. Криворотова, А. Турова*

Сдано в набор 23/III-69 г. Подписано к печати 5/III-71 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Физ. печ. л. 11,25. Привед. печ. л. 11,25. Уч.-изд. л. 10,3. Заказ 49.
Изд. № 129. Тираж 595 экз. Цена 80 коп. И—02419.

Издательство «Ылым». Ашхабад, ул. Комсомольская, 17.
Типография издательства «Ылым», Ашхабад, ул. Энгельса, 2.

